

2018 №4

История российской психологии в лицах: Дайджест

История научной и практической психологии
(к 30-летию второго рождения
практической психологии в СССР и России)
Раздел: Имена и идеи в истории психологии



ISSN 2415-7953

ISSN 2415-7953

**Электронный научный журнал
«История российской психологии в
лицах: Дайджест»**

Выпускается 6 раз в год

№ 4 2018

Редакционный совет

Главный редактор:

Костригин Артем Андреевич, старший преподаватель, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина; аспирант кафедры общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Россия)

Ответственный секретарь:

Стоюхина Наталья Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; председатель Нижегородского регионального отделения секции истории психологии Российского психологического общества (Россия)

Технический редактор:

Хусяинов Тимур Маратович, магистр социальной работы, менеджер факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ Нижний Новгород; председатель комиссии по качеству образования Факультета социальных наук Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского; аспирант кафедры философии Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского (Россия)

Художественные редакторы:

Кочетков Дмитрий Игоревич (Россия)

Игошина Юлия Игоревна (Россия)

Editors

Editor-in-chief:

Kostrigin Artem Andreevich, Master (Psychology), Senior Lecturer of Department of Psychology, Kosygin Russian State University; Postgraduate of Department of General and Social Psychology, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky (Russia)

Executive secretary:

Stoyukhina Natalia Yurievna, Candidate of Psychological Sciences, Assistant Professor of Department of Psychology of Management, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod; Chairman of Nizhny Novgorod Regional Department of Section of History of Psychology of Russian Psychological Society (Russia)

Technical editor:

Khusyainov Timur Maratovich, Master (Social Work), Manager of Department of Humanities, National Research University "Higher School of Economics Nizhny Novgorod"; Chairman of Commission on Quality of Education, Department of Social Sciences, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; Postgraduate of Department of Social Philosophy, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Russia)

Art editors:

Kochetkov Dmitry Igorevich (Russia)

Igoshina Yulia Igorevna (Russia)

Редакционная коллегия

Мазилев Владимир Александрович, доктор психологических наук, профессор, вице-президент и действительный член Международной Академии Психологических наук, заведующий кафедрой общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Россия)

Морогин Владимир Григорьевич, доктор психологических наук, профессор, действительный член Международной Академии Психологических наук, директор Научно-образовательного центра «Экспериментальная психология личности», профессор кафедры психологии, Медико-психолого-социальный институт ФГБОУ ВПО «ХГУ им. Н.Ф. Катанова» (Россия)

Стояхина Наталья Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; председатель Нижегородского регионального отделения секции истории психологии Российского психологического общества (Россия)

Тихонова Элеонора Викторовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Россия)

Маслов Кирилл Сергеевич, PhD (психология), научный сотрудник, Институт психологии, Таллинский университет (Эстония)

Бакшутова Екатерина Валерьевна, доктор философских наук, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей и социальной психологии, Самарский государственный социально-педагогический университет (Россия)

Маджаров Георги Александров, доцент, PhD (Psychology), Великотърновски университет «Св. св. Кирил и Методий» (Болгария)

Проскуликова Лариса Наумовна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Института социальных наук и самоуправления Межрегиональной Академии управления персоналом, лектор Международного института глубинной психологии, докторант сектора философской антропологии ИФ НАНУ (Украина)

Батыршина Альфия Робертовна, кандидат педагогических наук, профессор РАЕ, доцент, заведующая кафедрой гуманитарных наук, информационных технологий и сервиса, Набережночелнинский государственный торгово-технологический институт (Россия)

Белобрыкина Ольга Альфонсасовна, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры социальной психологии и виктимологии, Новосибирский государственный педагогический университет, академик Академии полярной медицины и экстремальной экологии человека (Россия)

Чупров Леонид Федорович, кандидат психологических наук, профессор РАЕ, Full Member of EuANH, главный редактор научного журнала «Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири» (Россия)

Вержибок Галина Владиславовна, кандидат психологических наук, член-корреспондент МАН, доцент, доцент кафедры психологии Минского государственного лингвистического университета (Минск, Республика Беларусь)

Чудакова Вера Петровна, кандидат психологических наук, научный сотрудник Института педагогики Национальной Академии педагогических наук Украины; научный корреспондент Института психологии имени Г.С. Костюка Национальной Академии педагогических наук Украины (Украина)

Сагайдак Александр Николаевич, кандидат психологических наук, руководитель Ассоциации глубинной психологии «Теурунг» (Украина)

Editorial Board

Mazilov Vladimir Aleksandrovich, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Vice-President and Full Member of International Academy of Psychological Sciences (IAPS), Head of Department of General and Social Psychology, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky (Russia)

Morogin Vladimir Grogorievich, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Full Member of International Academy of Psychological Sciences (IAPS), Director of Research and Education Center "Experimental Psychology of Personality" of Khakassia State University, Professor of Department of General and Clinical Psychology of Medical-Psychological-Social institution of Khakassia State University

Stoyukhina Natalia Yurievna, Candidate of Psychological Sciences, Assistant Professor of Department of Psychology of Management, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod; Chairman of Nizhny Novgorod Regional Department of Section of History of Psychology of Russian Psychological Society (Russia)

Tikhonova Eleonora Victorovna, Candidate of Psychological Sciences, Assistant professor of Department of Psychology, Arzamas branch of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Russia)

Maslov Kirill Sergeevich, PhD (Psychology), Research Fellow, Institute of Psychology, University of Tartu (Эстония)

Bakshutova Ekaterina Valerievna, Doctor of Philosophical Sciences, Candidate of Psychological Sciences, Assistant Professor, Assistant Professor of Department of General and Social Psychology, Samara State University of Social Sciences and Education (Russia)

Madjarov George A., Associate Professor, PhD (Psychology), St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Turnovo (Bulgaria).

Proskulikova Larisa Naumovna, Candidate of Philosophical Sciences, Assistant Professor of Department of Philosophy, Institute of Social Sciences and Governance, Interregional Academy of Personnel Management, Lecturer of International Institute of Depth Psychology, Postdoctoral student of Philosophical Anthropology of Institute of Philosophy of NASU (Ukraine)

Batyrshina Alfiya Robertovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor of Russian Academy of Natural History, Assistant Professor, Head of Department of Humanities, Information Technologies and Service, Naberezhnye Chelny State Trade and Technological Institute (Russia)

Belobrykina Olga Alfonsasovna, Candidate of Psychological sciences, Assistant Professor, Professor of Department of Social Psychology and Victimology, Novosibirsk State Pedagogical University, Academician of Academy of Polar Medicine and Extreme Human Ecology (Russia)

Chuprov Leonid Fedorovich, Candidate of Psychological Sciences, Professor of Russian Academy of Natural History, Full Member of European Academy of Natural History, Head editor of Scientific Journal "Bulletin on Pedagogics and Psychology of Southern Siberia" (Russia)

Verzhibok Halina Vladislavovna, Candidate of Psychological Sciences, Assistant Professor, Corresponding Member of IAS, Assistant Professor of Department of Psychology, Minsk State Linguistic University (Belarus)

Chudakova Vera Petrovna, Candidate of Psychological Sciences, Research Fellow of Institute of Pedagogy of; Research Corresponding Member of H.S. Kostyuk Institute of Psychology of National Academy of Educational Sciences of Ukraine (Ukraine)

Sagaydak Aleksandr Nikolaevich, Candidate of Psychological Sciences, Director of Association of Depth Psychology «Teurung» (Ukraine)

История российской психологии в лицах: Дайджест. 2018. № 4. 119 с.

History of Russian Psychology in Persons: Digest. 2018. № 4. 119 p.

ISSN 2415-7953

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии.

Адрес в интернете: <http://journals.hist-psy.ru/index.php/HPRPD/index>

Подписано в печать 10.12.2018

© Авторы статей, 2018

Содержание

От редакции

Чупров Л.Ф., Костригин А.А. Тридцатилетие второго рождения практической психологии в СССР и России: итоги прошлого и проблемы настоящего 8

Имена и идеи в истории психологии

Ахтамьянова И.И. Изучение особенностей психической активности (по В.М. Когану)	19
Киселев М.Ю. К вопросу о разработке актуальных проблем психологии: позиция ученых Академии наук СССР в 1979 г.....	30
Козлов В.В. Имена в психологии: В.Ф.Петренко	38
Кошенова М.И., Костригин А.А. Юбилей мэтра сибирской региональной психологии (к 60-летию О.А. Белобрыкиной)	53
Кривова Е.С. О проблеме времени в истории психологии	60
Макарова Е.А. Теория схем: история и перспективы развития	64
Ольшевский В.Г. Идеология и психология российского большевизма: становление, основные черты и особенности	78
Степанова Г.Б. Анализ движений глаз в исследованиях В.П. Зинченко	105
Шершнева К.С., Сидоров Н.С., Лукин-Григорьев В.В. Теория психологических систем В.Е. Ключко как базис неклассической психологии и альтернативы ее практического применения	114

Table of contents

Editorial

Chuprov L.F., Kostrigin A.A. The 30th anniversary of the second birth of practical psychology in the USSR and Russia: conclusions of the past and problems of the present..... 8

Names and ideas in history of psychology

Akhtamyanova I.I. The study of peculiarities of psychical activity (by V.M. Kogan)..... 19

Kiselev M.Yu. To the question of the development of actual problems of psychology: the position of scientists of the Academy of Sciences of the USSR in 1979 30

Kozlov V.V. Names in psychology: V.F. Petrenko 38

Koshenova M.I., Kostrigin A.A. The anniversary of the master of the Siberian regional psychology (to the 60th anniversary of O.A. Belobrykina) 53

Krivova E.S. On the problem of time in history of psychology 60

Makarova E.A. The schema theory: history and development prospects 64

Olshevskiy V.G. Russian bolshevist ideology and psychology: formation, basic features and peculiarities 78

Stepanova G.B. Analysis of eye movements in the studies of V.P. Zinchenko..... 105

Shershneva K.S., Sidorov N.S., Lukin-Grigoryev V.V. The theory of psychological systems by V.E. Klochko as the basis of non-classical psychology 114

От редакции

Тридцатилетие второго рождения практической психологии в СССР и России: итоги прошлого и проблемы настоящего

Чупров Леонид Федорович

Научный журнал «Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири», Россия

e-mail: leo-chuprov@yandex.ru

Костригин Артем Андреевич

Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина, Россия

e-mail: artdzen@gmail.com

Аннотация. Вступительная статья выпускающих редакторов к специальному номеру журнала. Рассмотрены краткая история первого опыта создания психологической службы в СССР (до 1936 г.). Более подробно авторы останавливаются на проблематике второго рождения (возрождения) психологической службы и практической психологии образования в последние годы существования СССР и по настоящее время. Дается краткая характеристика публикаций данного спецномера журнала.

Ключевые слова: психология, психологическая служба, история практической психологии.

The 30th anniversary of the second birth of practical psychology in the USSR and Russia: conclusions of the past and problems of the present

Chuprov Leonid Fedorovich

*Scientific Journal "Bulletin on Pedagogics and Psychology of Southern Siberia",
Russia*

e-mail: leo-chuprov@yandex.ru

Kostrigin Artem Andreevich

Kosygin Russian State University, Russia

e-mail: artdzen@gmail.com

Abstract. This is the introductory article of editors to the special issue of the journal. A brief history of the first experience of creating a psychological service in the USSR (before 1936) is considered. In more detail, the authors dwell on the problems of rebirth (revival) of the psychological service and the practical psychology of education in the last years of the USSR and to the present. A brief description of the publications of this special journal is given.

Keywords: psychology, psychological service, history of practical psychology.

Скромно, тихо, без особых торжеств и «медных труб» психологи России и бывшего СССР отметили тридцатилетие возрождения в системе образования психологической службы и практической психологии, отчет которого принято считать с момента публикации Приказа Государственного комитета СССР по народному образованию №391 от 18 октября 1988 г. [7]. Для такой «камерности», конечно, есть основания. Но по порядку.

Предыстория. «Первое хождение в народ».

Практическая психология в СССР до 1936 г. была далеко не однородна. Во-первых, она развивалась в рамках педологии, а во-вторых, и отряд педологов был далеко не однороден. Здесь были педагоги-педологи (вспомним П.П. Блонского, автора фундаментального труда по отечественной педологии) [2] и врачи-педологи (С. Шпильрейн, группа Л.С. Выготского) [17], а еще были логопедологи, как их окрестил М.Е. Хватцев, т.е. врачи, специализировавшиеся на патологии речи и голоса [20, с. 107].

Педологи не выполнили государственный заказ, поставленный перед ними, по формированию нового человека социалистического общества. Результат. Появилось постановление ЦК ВКП(б) от 1936 г. о педологических извращениях в системе Наркомпроса.

Это постановление, фактически отменяющее в СССР психологию как науку, имело печальные последствия. Вместо психологии в педагогических вузах стали преподавать логику, психологи-практики остались без работы, и только ВОВ расставила свои точки над «i» в этом научно-политическом споре. Необходимо отметить, что все же одна группа педологов, благодаря организаторскому таланту А.Р. Лурии, продолжила свою деятельность не только в госпиталях города Кисегача, но и в НИИ дефектологии АПН РСФСР, организованном ранее как Экспериментальный дефектологический институт, Л.С. Выготским.

Второе рождение психологической службы – это был тоже социальный государственный заказ, продиктованный постановлением о реформе образовательной и профессиональной школы от 12 апреля 1984 г. Материалы реформы нацеливали на «своевременное изучение причин отставания в учебе и недостатков в поведении отдельных учеников, выбор наиболее эффективных путей устранения этих явлений» [8, с. 70].

Хронология эксперимента. Впервые психологическая служба школы была создана в СССР в Эстонии (Х.П. Лийметс и Ю.О. Сызрд). Этот эксперимент начался с конца 60-х гг. [15, с. 11-12].

Вначале 80-х гг. при консультативной помощи ученицы Л.С. Выготского профессора М.С. Певзнер в Хакасии, в городе Черногорске закладывается психологическая служба [3; 18].

Московский эксперимент под руководством Члена-корреспондента АПН СССР, профессора Ю.К. Бабанского начинается в Москве в НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР в 1982 г.

Собственно говоря, на первом этапе возрождения и практическая психология, и психологическая служба воспринимались как синонимы. Мало кто задумывался над тем, что это совершенно разные вещи. Психологи могли быть, а вот психологической службы как таковой не всегда и не во всех регионах наблюдалось.

Первой попыткой «хождения в народ второго пришествия» психологов в образовательные учреждения стал вход преподавателей вузов, которым обещали льготы, но это «хождение в народ» оказалась в большинстве регионов СССР неудачным. Академические психологи, привыкшие год от года читать одни и те же конспекты лекций и проводить лабораторно-практические занятия и семинары по возрастной, педагогической и общей психологии (первые пособия для практических психологов тоже не далеко ушли от этих трех предметов вузовской подготовки педагогов), в скором времени ретировались из образовательных учреждений. Хотя, был и большой плюс: общие до этого времени кафедры педагогики и психологии педагогических вузов были разделены, где на три, где на большее количество кафедр с выделением самостоятельной кафедры психологии.

Помимо основной модели психологической службы, предложенной НИИ возрастной и педагогической психологии АПН СССР, первоначально разрабатываемой под руководством члена-корреспондента АПН СССР, профессора, доктора педагогических наук Ю.К. Бабанского (впоследствии эта модель получит название по имени И.В. Дубровиной), в СССР и постперестроечной России стали известны и другие. Н.И. Колчева (2006)

приводит следующие «на сегодняшний день можно выделить несколько теоретических моделей психологической службы образования в нашей стране:

- служба психологического здоровья;
- служба поддержки образования;
- служба обеспечения учебно-воспитательного процесса;
- служба содействия;
- служба сопровождения;
- авторская модель психологической службы образования» [6, с. 16].

При этом описывает только три: службу психологического здоровья (И.В. Дубровина), службу сопровождения (М.Р. Битянова) и авторскую модель психологической службы образования (Р.В. Овчаровой). Как указывает Л.М. Фридман, представивший свою модель в 2001 г., «они представляют собой главным образом модификации указанных двух» (И.В. Дубровиной и Л.М. Фридмана) [16, с. 98].

Несколько изолированно, в отрыве от них, развивалась психологическая служба в городе Черногорске и в Хакасии, в частности, она строилась на базе городской Психолого-медико-педагогической консультации как центра психологической службы города [3; 21].

В 1982-1983 гг. проблемы психологической службы широко освещаются на страницах журнала «Вопросы психологии» [11; 12] и Всесоюзном симпозиуме в Таллине [13; 14].

Задумывалось хорошо.

Практика показала, что далеко не все директора (заведующие) образовательными учреждениями были способны принять психолога как своего консультанта, а педагоги (учителя и воспитатели) как своего коллегу. Не совсем завидное положение было тех педагогов, что работали в образовательном учреждении, а затем после курсов пришли в это же самое заведение.

Да и первые руководства для практических психологов содержали немало придуманного «на коленке». Как иначе можно понять рекомендацию: «... путь оценки эффективности коррекционной работы предполагает фиксацию динамики физиологических (например, ЭЭГ) и психологических показателей активности клиента» [1, с. 133].

Пока будущие практические психологи обучались на разного рода курсах переподготовки для работы в образовательных учреждениях (а это в разных центрах существенно отличалось, поскольку курсы строились по принципу что под руку попало), в систему образования пришли извлеченные из анналов педагогического опыта, изрядно забытые технологии. Это Вальдорфская

педагогика («штайнеровская» или «вальдорфско-штайнеровская педагогика» – альтернативная педагогическая система, основанная на антропософских представлениях.), система Монтессори (педагогическая система, предложенная в первой половине XX в. итальянским педагогом и врачом Марией Монтессори) и Мангеймская система обучения (появилась в Германии (город Мангейм). Ее основателем является Йозеф Зиккингер (1858-1930), который предложил разделять учащихся народных (начальных) школ на классы не только по возрасту и уровню подготовленности, полученному на предыдущем этапе обучения). В современной России последняя известна как система Е.А. Ямбурга. Эти системы, построенные на совершенно иных принципах педагогики, исключают интеграцию в них психологов, или отводят им роль помощников классного руководителя (классной дамы).

Не вписывались психологи и в копируемые по единому шаблону во всех школах «передовые» системы обучения по Занкову, Эльконину-Давыдову, Шулешко, Шаталову, Лысенковой и т.п. Изменился официальный взгляд на «передовой опыт». Работа по шаблону, копирование и воспроизведение чужого опыта стала правилом, а в последующем породила ковровый плагиат.

В 1985 г. увидело свет «Положение о психологической службе в школе», разработанное И.В. Дубровиной и А.М. Прихожан [4]. Фактически оно же и было положено в основу Приложения к Приказу Государственного комитета по народному образованию № 616 от 19.09.90 [9]. В этом же году состоялось совещание руководителей психологических служб в городе Анапе [10].

В целом «Положение о психологической службе в школе», разработанное И.В. Дубровиной и А.М. Прихожан [4] отражало основные направления и содержало конкретизацию их применительно к системе учреждений образования, но непонятно почему психологическое просвещение было выделено как отдельное направление, а не подструктура психопрофилактической работы, как это рассматриваем мы [19; 22]. В последующих публикациях под редакцией И.В. Дубровиной разграничения по направлениям стираются путем их объединения [5]. Не претерпевает изменений заложенная система и в 2005 г. [4].

А что психологи? В большинстве случаев психологи образования занимались психологической диагностикой. Все бы хорошо, но от них требовали и требуют другого, а не просто перечисления одного за другим выявленных симптомов, тем более что «Все симптомы не выстраиваются в один ряд, каждый член которого находится в совершенно тождественном отношении к причине, породившей весь ряд» (это было известно еще Л.С. Выготскому). Эта тенденция сохранилась и поныне. Под каждый симптом А.Г. Шмелев и его группа

пытаются создать свой инструмент, а Л.Н. Собчик до сих пор считает, что лучшая профилактика – это разложение карточного пасьянса из его адаптированного инструментария психологической диагностики.

С одной стороны, это забытие того, что уже накоплено в психологической диагностике со времен А. Бине и Т. Симона, Г.И. Россолимо, Н.А. Бернштейна, А. Анастаси и других. С другой, – оторванные от реальной практики разработки «на коленке» и некритичное их применение в практике. В практической психологии нет одного звена: психологической семиологии.

Для практических рекомендаций многие психологи оказались неготовыми, а педагоги образовательных учреждений – не способными понять того, что требует (или рекомендует) психолог. Эта же тенденция имеет место быть и в медицине, в психиатрии, в частности.

Понимая, что в разлаженной системе «ученик-учитель-родитель» психологу места нет, начались изыскания выхода из сложившихся социально-политических условий. Появилась тенденция поисков активных методов практической психологии. Их быстро придумали. Это «немедицинская (не медикаментозная, не врачебная) психотерапия, куда валом повалили все, кому не лень и желающие «лечить» неизвестно что и неизвестно от чего. Сегодня главным поставщиком этого рода «психотерапевтов» является Санкт-Петербургская фирма «Иматон» и ее многочисленные коммерческие институты с органом «Психологическая газета». Скороспелые рекомендации авторов «Психологической газеты» по следам керченской и архангельской трагедий – лучшее подтверждение этому. По аналогии с медициной, где гомеопатию относят к так называемой «недоказательной медицине», немедицинскую психотерапию можно обозначить как «недоказательная психотерапия».

Практическая психология образования (как, впрочем, и иных учреждений) является деятельностью «вне закона». До сих пор не принят закон о психологической помощи, и, как показывает опыт обсуждения проекта этого (уже далеко не первого) варианта закона, – «а воз и ныне там».

Этот специальный номер журнала планировался как раз для обсуждения психологической проблематики спустя 30 лет с момента второго рождения практической психологии. Что из этого вышло – судить читателю.

Материалы спецномера публикуются в трех номерах журнала – № 4, № 5 и № 6. В № 4 размещены статьи, объединенные в рубрику «Имена и идеи в истории психологии»:

- И.Д. Ахтамьянова рассматривает особенности и перспективы использования метода В.М. Когана «Пробы свободного и заданного темпа», приводит его модификацию и способ интерпретации данных;

- М.Ю. Киселев представляет информацию о сохранившейся в Архиве Российской академии наук стенограмме заседания Секции общественных наук Президиума Академии наук СССР, на котором рассматривался вопрос «О разработке актуальных проблем психологии»;

- В.В. Козлов посвящает статью научной и общественной деятельности профессора В.Ф. Петренко, доктора психологических наук, профессора Московского государственного университета, члена-корреспондента Российской Академии Наук;

- М.И. Кошенова и А.А. Костригин публикуют научный очерк к юбилею известного сибирского психолога О.А. Белобрыкиной;

- Е.С. Кривова рассматривает проблему времени в истории психологии;

- Е.А. Макарова представляет историю развития теории схем, вклад данной теории в науку о памяти, в формирование когнитивных процессов, а также перспективы дальнейшего развития;

- В.Г. Ольшевский исследует особенности идеологии, психологии и практики большевизма, которые были сформированы В.И. Лениным;

- Г.Б. Степанова анализирует методологию и результаты изучения движений глаз одного из ведущих отечественных психологов второй половины XX в. В.П. Зинченко;

- К.С. Шершнева, Н.С. Сидоров и В.В. Лукин-Григорьев рассматривают теорию психологических систем В.Е. Ключко как базис неклассической психологии и альтернативы ее практического применения.

В № 5 размещены статьи, объединенные в рубрику «История становления практической психологии в России»:

- Н.С. Завоеванная представляет историю развития Экспертного сообщества профессиональных психологов (ЭСПП) как Интернет-сообщества, которое в 2018 году отмечает свое десятилетие;

- В.В. Кузнецова описывают историю деятельности спецфакультета Воронежского государственного педагогического университета по подготовке педагогов-психологов под руководством И.Ф. Мягкова;

- И.Г. Моисеева и М.А. Мохначева рассматривают историю развития психологического обеспечения служебной деятельности в России;

- Т.А. Трифонова анализирует историю развития научной и практической психологии в Казани;

- Н.Д. Узлов представляет историю развития психологической службы в системе образования в г. Березники Пермского края в 1990-е гг.;

- Л.Ф. Чупров описывает роль Катановских чтений в становлении клинической психологии в Хакасии с 1990-х гг. до настоящего времени.

В № 6 размещены статьи, объединенные в рубрику «Интеграция и междисциплинарность психологического знания: история и современность»:

- В.В. Козлов рассматривает проблему исследования духовности в психологии;

- В.А. Мазиллов обсуждает проблемы развития практической психологии в России на примере специальных факультетов Ярославской области;

- Е.А. Тимощук анализирует роль феноменологической парадигмы, методологии и практики в психологии;

- Л.В. Лазаренко анализирует психологизм Ф.М. Достоевского в его произведениях;

- Ю.В. Харланова описывает межпредметные связи психологии и литературы на примере идей психологизма Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского.

Список литературы:

1. Абрамова Г.С. Практическая психология. М.: Издательский центр «Академия», 1997. 368 с.
2. Блонский П.П. Педология. Москва: Учпедгиз, 1934. 334 с.
3. Вершинина С.В., Костригин А.А., Чупров Л.Ф. Психологическая служба города Черногорска: эксперимент, массовое развертывание, современное состояние // Современные проблемы психологии и образования в контексте работы с различными категориями детей и молодежи Материалы II Всероссийской с международным участием научно-практической конференции. Главный редактор Р.Е. Барабанов. 2018. С. 176-179.
4. Дубровина И.В. Психологическая служба образования: время реформ // Вестник практической психологии образования №2 (3). 2005. С. 43-44.
5. Дубровина И.В., Прихожан А.М. Положение о психологической службе в школе // Вопросы психологии. 1985. № 2. С. 76-83.
6. Колчева Н.И. Модели психологической службы образования // Актуальные проблемы психологии образования: межрегиональная научно-практическая конференция 29 ноября 2006 г., г. Абакан / под ред. С.Т. Дмитриевой. Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2006. С. 11-20.
7. О переподготовке практических психологов для учебно-воспитательных учреждений. Приказ Государственного комитета СССР по народному образованию № 391 от 18 октября 1988 г.

8. О реформе общеобразовательной и профессиональной школы: Сборник документов и материалов. М.: Политиздат, 1984. 112 с.
9. Приказ Государственного комитета по народному образованию № 616 от 19.09.90 // Учительская газета. № 45, ноябрь, 1991. С. 5.
10. Программа выездного заседания Научно-методического Совета по психологии. Анапа, 1990. 4 с.
11. Психологическая служба в школе (Круглый стол). Вопросы психологии. 1982. № 3. С. 62-93.
12. Психологическая служба в школе (Круглый стол). Вопросы психологии. 1982. № 4. С. 75-103.
13. Психологическая служба в школе: Материалы Всесоюзного симпозиума / Под ред. Э.М. Верник и др. Таллин, 1983. Т. I. 155 с.
14. Психологическая служба в школе: Материалы Всесоюзного симпозиума / Под ред. Э.М. Верник и др. Таллин, 1983. Т. II. 191 с.
15. Рабочая книга школьного психолога / И.В. Дубровина, М.К. Акимова, Е.М. Борисова и др.; Под ред. И.В. Дубровиной. М.: Просвещение, 1991. 303 с.
16. Фридман Л.М. О концепции школьной психологической службы // Вопросы психологии. 2001. № 1. С. 97-106.
17. Чупров Л.Ф. Научная школа педологии (дефектологии) трудного детства: Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, М.С. Певзнер, В.И. Лубовский // Конференциум АСОУ: сборник научных трудов и материалов научно-практических конференций. 2018. № 2. С. 537-543.
18. Чупров Л.Ф. Психологическая служба в школах Хакасии // Психология учебной деятельности школьников (тезисы докладов Второй Всесоюзной конференции по педагогической психологии). М., 1982. С. 334-335.
19. Чупров Л.Ф. Психологическое просвещение в системе психопрофилактической работы практического психолога: основы теории и методика // РЕМ: Psychology. Educology. Medicine. 2013. № 1-2. С. 164-241.
20. Чупров Л.Ф. Терминологический словарь по логопедии и нейропсихологии (учебно-методическое пособие). Москва, 2012. 180 с.
21. Чупров Л.Ф., Ропотько Н.В. Психология в городе Черногорске. Психолого-медико-педагогическая консультация как центр психологической службы города (обобщение опыта организации) // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2016. № 3. С. 223-230.
22. Щукин А.С., Чупров Л.Ф. Ретиальная коммуникация и информационные технологии в психологической практике // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2014. № 3. С. 51-59.

References:

1. Abramova G.S. Prakticheskaya psikhologiya. M.: Izdatel'skii tsentr «Akademiya», 1997. 368 s.
2. Blonskii P.P. Pedologiya. Moskva: Uchpedgiz, 1934. 334 s.
3. Vershinina S.V., Kostrigin A.A., Chuprov L.F. Psikhologicheskaya sluzhba goroda Chernogorska: eksperiment, massovoe razvertyvanie, sovremennoe sostoyanie // *Sovremennye problemy psikhologii i obrazovaniya v kontekste raboty s razlichnymi kategoriyami detei i molodezhi* Materialy II Vserossiiskoi s mezhdunarodnym uchastiem nauchno-prakticheskoi konferentsii. Glavnyi redaktor R.E. Barabanov. 2018. S. 176-179.
4. Dubrovina I.V. Psikhologicheskaya sluzhba obrazovaniya: vremya reform // *Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniya* №2 (3). 2005. S. 43-44.
5. Dubrovina I.V., Prikhozhan A.M. Polozhenie o psikhologicheskoi sluzhbe v shkole // *Voprosy psikhologii*. 1985. № 2. S. 76-83.
6. Kolcheva N.I. Modeli psikhologicheskoi sluzhby obrazovaniya // *Aktual'nye problemy psikhologii obrazovaniya: mezhregional'naya nauchno-prakticheskaya konferentsiya 29 noyabrya 2006 g., g. Abakan / pod red. S.T. Dmitrievoi*. Abakan: Izdatel'stvo Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.F. Katanova, 2006. S. 11-20.
7. O perepodgotovke prakticheskikh psikhologov dlya uchebno-vospitatel'nykh uchrezhdenii. Prikaz Gosudarstvennogo komiteta SSSR po narodnomu obrazovaniyu № 391 ot 18 oktyabrya 1988 g.
8. O reforme obshcheobrazovatel'noi i professional'noi shkoly: Sbornik dokumentov i materialov. M.: Politizdat, 1984. 112 s.
9. Prikaz Gosudarstvennogo komiteta po narodnomu obrazovaniyu № 616 ot 19.09.90 // *Uchitel'skaya gazeta*. № 45, noyabr', 1991. S. 5.
10. Programma vyezdnogo zasedaniya Nauchno-metodicheskogo Soveta po psikhologii. Anapa, 1990. 4 s.
11. Psikhologicheskaya sluzhba v shkole (Kruglyi stol). *Voprosy psikhologii*. 1982. № 3. S. 62-93.
12. Psikhologicheskaya sluzhba v shkole (Kruglyi stol). *Voprosy psikhologii*. 1982. № 4. S. 75-103.
13. Psikhologicheskaya sluzhba v shkole: Materialy Vsesoyuznogo simpoziuma / Pod red. E.M. Vernik i dr. Tallin, 1983. T. I. 155 s.
14. Psikhologicheskaya sluzhba v shkole: Materialy Vsesoyuznogo simpoziuma / Pod red. E.M. Vernik i dr. Tallin, 1983. T. II. 191 s.
15. Rabochaya kniga shkol'nogo psikhologa / I.V. Dubrovina, M.K. Akimova, E.M. Borisova i dr.; Pod red. I.V. Dubrovinoi. M.: Prosveshchenie, 1991. 303 s.

16. Fridman L.M. O kontseptsii shkol'noi psikhologicheskoi sluzhby // Voprosy psikhologii. 2001. № 1. S. 97-106.
17. Chuprov L.F. Nauchnaya shkola pedologii (defektologii) trudnogo detstva: L.S. Vygotskii, A.R. Luriya, M.S. Pevzner, V.I. Lubovskii // Konferentsium ASOU: sbornik nauchnykh trudov i materialov nauchno-prakticheskikh konferentsii. 2018. № 2. S. 537-543.
18. Chuprov L.F. Psikhologicheskaya sluzhba v shkolakh Khakasii // Psikhologiya uchebnoi deyatelnosti shkol'nikov (tezisy dokladov Vtoroi Vsesoyuznoi konferentsii po pedagogicheskoi psikhologii). M., 1982. S. 334-335.
19. Chuprov L.F. Psikhologicheskoe prosveshchenie v sisteme psikhoprofilakticheskoi raboty prakticheskogo psikhologa: osnovy teorii i metodika // PEM: Psychology. Educology. Medicine. 2013. № 1-2. S. 164-241.
20. Chuprov L.F. Terminologicheskii slovar' po logopedii i neiropsikhologii (uchebno-metodicheskoe posobie). Moskva, 2012. 180 s.
21. Chuprov L.F., Ropot'ko N.V. Psikhologiya v gorode Chernogorske. Psikhologo-mediko-pedagogicheskaya konsul'tatsiya kak tsentr psikhologicheskoi sluzhby goroda (obobshchenie opyta organizatsii) // Vestnik po pedagogike i psikhologii Yuzhnoi Sibiri. 2016. № 3. S. 223-230.
22. Shchukin A.S., Chuprov L.F. Retial'naya kommunikatsiya i informatsionnye tekhnologii v psikhologicheskoi praktike // Vestnik po pedagogike i psikhologii Yuzhnoi Sibiri. 2014. № 3. S. 51-59.

Сведения об авторах:

Чупров Леонид Федорович, кандидат психологических наук, главный редактор научного журнала «Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири» (Черногорск, Россия)

Костригин Артем Андреевич, старший преподаватель кафедры психологии, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Москва, Россия)

Имена и идеи в истории психологии

Изучение особенностей психической активности (по В.М. Когану)

Ахтамьянова Ирина Идиятовна

*Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы,
Россия*

e-mail: aii-25@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей психической активности по методу, предложенному В.М. Коганом: «Пробы свободного и заданного темпа». Приводится его модификация и способ интерпретации полученных данных.

Ключевые слова: метод, проба свободного и заданного темпа, психическая активность, модификация, интерпретация.

The study of peculiarities of psychical activity (by V.M. Kogan)

Akhtamyanova Irina Idyatovna

M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University, Russia

e-mail: aii-25@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the peculiarities of psychical activity by the method proposed by V.M. Kogan: «Free and assigned pace test». A modification of the method and interpretation of the data is given.

Keywords: method, free and assigned pace test, psychical activity, modification, interpretation.

Владимир Михайлович Коган (1903-1985) – российский психолог, доктор психологических наук, специалист в области афазиологии, патопсихологии, дефектологии, психологии труда. В.М. Коган автор ряда экспериментальных методик исследования личности, трудоспособности, отдельных функций психики [4]. Многие из разработанных или усовершенствованных им методик широко используются в нервной и психиатрической клинике, в практике

врачебно-трудовой экспертизы и социально-трудовой реабилитации, при изучении познавательных функций, в частности, внимания [1; 2; 3; 5].

В.М. Коганом разработан большой методический аппарат по изучению различных проблем психической активности. Методика «Пробы свободного и заданного темпа» [6] позволяет определить не только темп психической активности, но и возможности его произвольного изменения в зависимости от внешней стимуляции. Надо отметить, что не во всех публикациях, в которых упоминается данная методика, дается ссылка на В.М. Когана как автора данной методики [7]. Поэтому считаем необходимым закрепить за В.М. Коганом авторство данной методики и, одновременно, привести ее модификацию и новую интерпретацию получаемых результатов.

В нашем исследовании темп психической активности изучался в связи с проблемой регуляции и саморегуляции внимания [2]. Регуляция психической активности человеком заключается «в адекватной возможности приспособления к заданным извне обстоятельствам» [6, с. 16]. Любой человек может приспособиться и при необходимости ускорить или замедлить свои действия в зависимости от возникающих требований. Но, как отмечает В.М. Коган [6], не следует думать, что изменение активности выражается только либо в замедленности, либо в повышении лабильности. Часто проявляется своеобразная «жесткость» установок, неумение переключиться с быстрого темпа на более медленный. Эта жесткость установок может отражаться и в длительном последствии принятого ранее темпа, и в смещении нормального соотношения собственного и заданного извне темпа.

Суть методики «Пробы свободного и заданного темпа» заключается в следующем: испытуемым предлагается наносить на листе бумаги вертикальные черточки в удобной для них скорости в течение 30 сек. Каждый 10 сек. отмечается количество проставленных черточек. Вслед за этим испытуемым предлагается наносить такие же черточки в максимально быстром темпе. Также отмечается количество проставленных черточек каждые 10 сек. После минутного отдыха испытуемым предлагается выполнить то же задание в удобном для них темпе.

В нашем исследовании для более точного определения характера психической активности и особенностей реагирования на внешнюю стимуляцию использовалась методика в модифицированном варианте.

Ниже приводим модифицированный вариант проведения, обработки и интерпретации полученных данных, который получил одобрение В.М. Когана в 1984 г. (В 1984 г. автор этих строк несколько раз встречалась с В.М. Коганом. Во

время этих встреч В.М. Коган рассказывал об истории создания метода, истории психотехники и пр.).

Во второй, дополнительной сессии испытуемым предлагается то же задание, но в измененном виде: вместо максимально быстрого темпа предлагалось наносить черточки в медленном темпе.

Итак, количество проставленных черточек до ускорения/замедления принимается за *автотемп-1*, а после ускорения/замедления – за *автотемп-2*.

Анализ проведенных проб может свидетельствовать:

- а) о темпе психической деятельности;
- б) о характере ускорения/замедления, то есть о реакции на внешнюю стимуляцию;
- в) о характере психической активности после произвольного напряжения.

Темп психической активности, то есть *автотемп* протекания психических процессов испытуемых определяется как *медленный, умеренный и быстрый*. Испытуемые распределяются по группам на основе вычисления среднего показателя по группе (M) и среднего квадратического отклонения (σ).

Характер ускорения или замедления при внешней стимуляции определяется на основе процентного отношения между автотемпом-1, максимальным/минимальным темпом и автотемпом-2. При этом автотемп-1 принимается за 100%. Критерием для определения характера ускорения или замедления служит среднее арифметическое (M) максимального или минимального темпа по данной группе испытуемых:

- если макс. темп выше M , то ускорение считается значительным;
- если макс. темп ниже M , то ускорение считается незначительным;
- если мин. темп ниже M , то замедление считается значительным;
- если мин. темп выше M , то замедление считается незначительным.

Характер психической активности после произвольного напряжения определяется по соотношению автотемпа-1 к максимальному (*автотемп-1/мах*) или минимальному (*автотемп-1/мин*) и автотемпа-2 к максимальному (*автотемп-2/мах*) или минимальному (*автотемп-2/мин*):

- если $\text{автотемп-1/мах} < \text{автотемп-2/мах}$, то это естественное последствие ускорения;
- если $\text{автотемп-1/мах} > \text{автотемп-2/мах}$, то наблюдается спад психической активности, своего рода истощаемость;
- если $\text{автотемп-1/мин} < \text{автотемп-2/мин}$, то ускорение вызвано тем, что испытуемые как бы высвобождаются после напряженного произвольного замедления действий;

- если $\text{автотемп-1}/\text{min} > \text{автотемп-2}/\text{min}$, то это естественное последствие замедления;
- если $\text{автотемп-1}/\text{max}(\text{min}) = \text{автотемп-2}/\text{max}(\text{min})$, то испытуемые могут произвольно изменять темп психической активности в зависимости от условий деятельности;
- если $\text{автотемп-1} = \text{max}(\text{min}) = \text{автотемп-2}$, то в данном случае отсутствует реакция на внешнюю стимуляцию. Такая темповая инертность заключается в неспособности регулировать свою активность в зависимости от характера и сложности заданной задачи.

Группы испытуемых выделяются на основании соотношения этих трех показателей: темпа психической активности, характера произвольного ускорения или замедления движения, характера психической активности после произвольного напряжения.

Приведем результаты изучения особенностей темпа психической активности, полученные на выборке из 52 испытуемых.

Характер ускорения и замедления испытуемыми своего индивидуального темпа указан в табл. 1.

Таблица 1

Характер ускорения или замедления в зависимости от темпа психической активности

	Кол-во исп. (%)	Темп		
		медленный	умеренный	быстрый
значительное ускорение	48	-	16	30
незначительное ускорение	52	18	26	8
значительное замедление	60	10	40	10
незначительное замедление	40	4	14	16
значительное ускорение и значительное замедление	28	-	12	16

Как видно из приведенной таблицы, значительно ускорить темп выполнения своих действий в зависимости от внешней стимуляции могут 48% испытуемых, из них большая часть с быстрым темпом психической активности и совсем незначительная часть – с умеренным темпом. Оказалось, что испытуемые с медленным темпом психической активности не могут значительно ускорить темп своих действий. Способность к значительному замедлению своих действий продемонстрировало 60% всех испытуемых. Среди них 40% с

умеренным темпом психической активности, и по 10% – с медленным и быстрым темпом. Следовательно, способность к замедлению своих действий проявляется у всех испытуемых, в отличие от способности к значительному ускорению, которая у медлительных не проявилась.

Выделилась также группа испытуемых, которая способна как к значительному ускорению, так и к значительному замедлению. Из 28% испытуемых данной группы 12% составляют учащиеся с умеренным темпом, и 16% – с быстрым.

Испытуемым с медленным темпом свойственно незначительное ускорение и незначительное замедление темпа. Заметно ускорить или замедлить темп своих действий они не могут. Испытуемые с умеренным темпом психической активности могут значительно ускорить и замедлить темп, но количество испытуемых, умеющих значительно замедлить свои действия больше, чем значительно ускорить. Испытуемые с быстрым темпом психической активности, умеющие заметно ускорить темп выполнения своих действий больше, чем умеющих замедлить темп. Таким образом, темп психической активности по-разному оказывает влияние на характер ускорения или замедления действий.

Известно, что напряженная деятельность влияет на последующую деятельность: у одних она вызывает новый подъем в активности, у других – спад, а на третьих напряженная деятельность особого влияния не оказывает. Характер психической активности после произвольного напряжения (ускорения и замедления) нашими испытуемыми отражен в табл. 2.

Таблица 2

Характер реакции на стимуляцию в зависимости от темпа психической активности

Характер изменения	Кол-во исп. (%)	Темп		
		медленный	умеренный	быстрый
последствие на скоростную установку	62	12	6	44
спад активности после напряжения	18	-	10	8
возврат к прежнему темпу	20	6	4	10
последствие на замедление	56	12	32	12
значительное ускорение после замедления	32	4	22	6
возврат к прежнему темпу	12	2	8	2

Характер психической активности после произвольного ускорения темпа.

Последствие на скоростную установку показали 62% испытуемых. То есть работа в более быстром темпе, по сравнению с привычным, у данной группы испытуемых в дальнейшем ведет к ускорению темпа. Большой процент испытуемых данной группы составили учащиеся с быстрым темпом психической активности.

Спад психической активности после произвольного ускорения продемонстрировали испытуемые с умеренным темпом психической активности и с быстрым темпом. Это, видимо, объясняется тем, что испытуемые с медленным темпом активности не могут значительно ускорить темп после внешней стимуляции, работают ровно, поэтому после напряжения у них не наблюдается спад активности. Некоторые же испытуемые с умеренным и быстрым темпом психической активности способны значительно ускорить темп работы, но результатом такого ускорения является последующий спад активности.

Лишь 20% испытуемых продемонстрировали возврат к прежнему темпу. В количественном отношении в этой группе больше испытуемых с медленным и быстрым темпом, по сравнению, с умеренным. Это, видимо, говорит о том, что медленный и быстрый темп легче поддается регуляции, по сравнению с умеренным темпом, после произвольного ускорения.

Характер психической активности после произвольного замедления темпа. Последствие на замедление продемонстрировало большее количество испытуемых (56%). Из этого числа 32% с умеренным темпом активности и по 12% с медленным и быстрым темпом. Значит, медленная работа больше влияет на изменения темпа у испытуемых с умеренным темпом психической активности.

Характерно и то, что 22% испытуемых с умеренным темпом показали значительное ускорение после замедления. Это объясняется тем, что работа в замедленном темпе давалась им с большим трудом, и когда нужно было вернуться к прежнему темпу, они его намного превысили: это непроизвольная реакция высвобождения после напряжения. Умеренный темп меньше поддается регуляции по сравнению с медленным и быстрым темпом и после произвольного замедления.

У небольшой части испытуемых (8%) проявилась такая реакция на внешнюю стимуляцию: они не смогли вернуться к своему прежнему темпу, и, наоборот, автотемп-2 у этих испытуемых превысил максимальный темп. Такая реакция свойственна испытуемым с быстрым темпом психической активности.

На основании соотнесения темпа психической активности, характера произвольного ускорения и особенностей психической активности после напряжения было выделено три группы испытуемых.

Таблица 3

Распределение учащихся по группам в зависимости от соотношения показателей автотемп-1, максимальный темп (max), автотемп-2

	Кол-во исп. (%)	Автотемп-1*	max	Автотемп-2
I группа	62	100%	152%	118%
II группа	22	100%	128%	100%
III группа	18	100%	125%	90%

* Автотемп, продемонстрированный испытуемыми перед скоростной стимуляцией принимается за 100% и обозначается «автотемп-1».

Как видно из приведенной таблицы, испытуемые I группы могут значительно ускорить темп действий, и это ускорение сказывается на последующей работе. Испытуемые II группы незначительно ускоряют темп и могут сразу же вернуться к своему прежнему темпу. Испытуемые III группы отличаются тем, что даже незначительное ускорение действий вызывает у них последующий спад, что может повлиять на производительность при выполнении какой-либо деятельности.

В табл. 4 показано соотношение автотемпа-1, минимального темпа (min), автотемпа-2 после произвольного замедления. По соотношению между тремя этими показателями испытуемые также разбились на три группы.

Таблица 4

Распределение учащихся по группам в зависимости от соотношения автотемпа-1, минимального темпа (min), автотемпа-2

	Кол-во исп. (%)	Автотемп-1	min	автотемп-2
I группа	56	100%	26%	94%
II группа	12	100%	38%	100%
III группа	32	100%	29%	112%

Приведенные соотношения автотемпа-1, минимального темпа и автотемпа-2 показывают, что испытуемые I группы продемонстрировали обычное последствие замедления, то есть автотемп-1 у них больше автотемпа-2. Вторая группа испытуемых (12%) смогла вернуться после замедления к своему прежнему темпу. Испытуемым третьей группы характерна описанная выше реакция высвобождения на произвольное замедление, то есть автотемп-1 у данной группы испытуемых меньше автотемпа-2.

Интересно отметить, что испытуемые, которые могут вернуться к своему автотемпу после скоростной стимуляции, не могут вернуться к автотемпу после произвольного замедления темпа. И, наоборот, испытуемые, способные вернуться к автотемпу после произвольного замедления, не способны продемонстрировать автотемп после скоростной стимуляции. Это говорит о том, что скоростная стимуляция по-разному влияет на последующую активность, и выделить какую-то определенную зависимость между реакциями после ускорения или замедления темпа пока не удастся. Отметим только, что к своему прежнему темпу после скоростной установки могут в большей степени вернуться испытуемые с медленным и быстрым темпом психической активности, а к автотемпу после произвольного замедления – испытуемые с умеренным темпом психической активности.

Таким образом, анализ экспериментальных данных по изучению особенностей регуляции темпа психической активности показал, что испытуемые с медленным темпом психической активности могут незначительно ускорить или замедлить темп выполнения работы после внешней стимуляции. Им свойственно ровное выполнение задания, произвольное изменение темпа в сторону ускорения или замедления не влияет резко на последующую работу: быстрая напряженная работа не вызывает у них последующего спада активности, наоборот, после ускорения и замедления у них проявляется обычное последствие или же они возвращаются к автотемпу.

Испытуемые с умеренным темпом психической активности показали, что они не могут значительно ускорить темп выполнения своих действий, но зато могут значительно замедлить свои действия после внешней стимуляции. Характерной особенностью испытуемых с умеренным темпом психической активности является то, что им больше, чем испытуемым с медленным и быстрым темпом свойственна такая реакция после скоростной установки, как последующий спад активности. Это говорит о том, что работа в ускоренном темпе вызывает у них преждевременное утомление. Для этой группы испытуемых характерно значительное замедление действий, и это проявляется как последствие на замедление. Лишь незначительное количество

продемонстрировали возврат к своему прежнему темпу после ускорения, однако количество испытуемых, показавших работу в автотемпе-1 после произвольного замедления, возросло в два раза. Это говорит о том, что испытуемым с умеренным темпом психической активности легче регулировать действия на замедление, чем на ускорение.

Испытуемым с быстрым темпом психической активности свойственно, как ни странно, значительное ускорение после внешней стимуляции. Это, видимо, объясняется тем, что фиксированная скоростная установка, характерная для данной группы испытуемых, позволяет им работать еще в более быстром темпе, по сравнению с привычным темпом. И только небольшое количество из данной группы продемонстрировало спад психической активности после ускорения. Чуть большее число показало возврат к автотемпу. Характерно и то, что характер работы данной группы испытуемых после произвольного замедления темпа почти совпадает в процентном количественном отношении с характером работы испытуемых с медленным темпом психической активности. Необходимо отметить, что 16% испытуемых с быстрым темпом активности (из 28% из всего количества испытуемых) показали, что они могут значительно ускорить и замедлить темп работы.

Если испытуемым с умеренным темпом психической активности легче регулировать свои действия на замедление и после него, то испытуемым с быстрым темпом психической активности легче регулировать работу в быстром темпе, и в темпе, который приближен к автотемпу.

Таким образом, можно сделать вывод, что для каждого индивидуального темпа есть своя зона, в пределах которой происходят изменения темпа, и эти изменения не вызывают резкого изменения характера активности. Выход за пределы этой зоны в ту или другую сторону по-разному оказывает влияние на характер активности и результативность деятельности конкретного человека (табл. 5).

Таблица 5

Соотношение темпа и результативности деятельности

<i>Название темпа</i>	<i>Результативность деятельности</i>
Ускоренный отрицательный темп	Неэффективная
Ускоренный положительный темп	Эффективная
Оптимальный темп (медленный, умеренный, быстрый)	Эффективная
Замедленный положительный темп	Эффективная
Замедленный отрицательный темп	Неэффективная

Знание индивидуальных особенностей изменения характера активности после внешней стимуляции испытуемых с медленным, умеренным и быстрым индивидуальным темпом и особенностей регуляции ими своего темпа имеет практическое значение, в частности, для диагностики работоспособности в связи с производительностью и качеством работы.

Список литературы:

1. Архипова М.Л. Индивидуальные особенности психической деятельности учащихся хореографических училищ в процессе специальных занятий: Автореф... дис. кан. пс. наук. М., МГПИ, 1991.
2. Ахтамьянова И.И. Регуляция и саморегуляция внимания учащихся: Автореф... дис. кан. пс. наук. М., МГПИ, 1986.
3. Баскакова И.Л. Внимание школьников-олигофренов. М., 1989.
4. Болтенко В.В. Коган Владимир Михайлович // Энциклопедический словарь по психологии и педагогике. 2013. URL: http://psychology_pedagogy.academic.ru/
5. Захарова Т.Г. Переключение внимания и темп психической деятельности у учащихся массовой и вспомогательной школ: Автореф... дис. кан. пс. наук. М., МГПИ, 1985.
6. Коган В.М., Коробкова Э.А. (сост.) Принципы и методы психологического обследования в практике врачебно-трудоустройственной экспертизы. Методическое письмо. М., 1967.
7. Психолого-педагогические и гигиенические подходы к организации развивающих занятий для детей 4- и 5-летнего возраста: Методические рекомендации для педагогов и родителей (составители: М.В. Антропова, чл.-корр. РАО, проф., д.м.н.; Л.М. Кузнецова, к.м.н.; С.А. Рыжова, к.м.н.; Т.М. Параничева, Н.И. Смирнова, Е.В. Кузнецова, Е.В. Тюрина) // Журнал «Дошкольное образование». 2002. № 24.

References:

1. Arkhipova M.L. Individual'nye osobennosti psikhicheskoi deyatel'nosti uchashchikhsya khoreograficheskikh uchilishch v protsesse spetsial'nykh zanyatii: Avtoref... dis. kan. ps. nauk. M., MGPI, 1991.
2. Akhtam'yanova I.I. Regulyatsiya i samoregulyatsiya vnimaniya uchashchikhsya: Avtoref... dis. kan. ps. nauk. M., MGPI, 1986.
3. Baskakova I.L. Vnimanie shkol'nikov-oligofrenov. M., 1989.

4. Boltenko V.V. Kogan Vladimir Mikhailovich // Entsiklopedicheskii slovar' po psikhologii i pedagogike. 2013. URL: http://psychology_pedagogy.academic.ru/
5. Zakharova T.G. Pereklyuchenie vnimaniya i temp psikhicheskoi deyatelnosti u uchashchikhsya massovoi i vspomogatel'noi shkol: Avtoref... dis. kan. ps. nauk. M., MGPI, 1985.
6. Kogan V.M., Korobkova E.A. (sost.) Printsipy i metody psikhologicheskogo obsledovaniya v praktike vrachebno-trudovoi ekspertizy. Metodicheskoe pis'mo. M., 1967.
7. Psikhologo-pedagogicheskie i gigienicheskie podkhody k organizatsii razvivayushchikh zanyatii dlya detei 4- i 5-letnego vozrasta: Metodicheskie rekomendatsii dlya pedagogov i roditelei (sostaviteli: M.V. Antropova, chl.-korr. RAO, prof., d.m.n.; L.M. Kuznetsova, k.m.n.; S.A. Ryzhova, k.m.n.; T.M. Paranicheva, N.I. Smirnova, E.V. Kuznetsova, E.V. Tyurina) // Zhurnal «Doshkol'noe obrazovanie». 2002. № 24.

Сведения об авторе:

Ахтамьянова Ирина Идиятовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии, Башкинский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (Уфа, Россия)

К вопросу о разработке актуальных проблем психологии: позиция ученых Академии наук СССР в 1979 г.

Киселев Михаил Юрьевич

Архив Российской академии наук, Россия

e-mail: kiss_ran@mail.ru

Аннотация. В статье представлена информация о сохранившейся в Архиве Российской академии наук стенограмме заседания Секции общественных наук Президиума Академии наук СССР, на котором рассматривался вопрос «О разработке актуальных проблем психологии». С докладами выступали член-корреспондент АН СССР Б.Ф. Ломов и академик АН Грузинской ССР А.С. Прангишвили.

Ключевые слова: история, психология, Академия наук СССР, Секция общественных наук, стенограмма, Архив Российской академии наук.

To the question of the development of actual problems of psychology: the position of scientists of the Academy of Sciences of the USSR in 1979

Kiselev Mikhail Yuryevich

Archive of the Russian Academy of Sciences, Russia

e-mail: kiss_ran@mail.ru

Abstract. The article provides information about the transcript of the meeting of the Social Sciences Section of the Presidium of the USSR Academy of Sciences, which was preserved in the Archives of the Russian Academy, and addressed the issue of “On the development of actual problems of psychology”. Reports were made by B.F. Lomov, Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences, and A.S. Prangishvili, academician of the Academy of Sciences of the Georgian SSR.

Keywords: history, psychology, Academy of Sciences of the USSR, Section of Social Sciences, transcript, Archive of the Russian Academy of Sciences.

Архив Российской академии наук (РАН) по праву считается одним из крупнейших и старейших отраслевых архивохранилищ России. В нем хранятся документальные комплексы по истории руководящих органов Академии наук, личные фонды выдающихся ученых и деятелей культуры, фонды академических учреждений и организаций за период XIX-XXI вв/, в том числе документы Секции общественных наук Президиума Академии наук СССР. Среди них отложилась стенограмма выездного заседания секции от 6 декабря 1979 г., на котором рассматривался вопрос «О разработке актуальных проблем психологии» [1, с. 9-111]. С докладами выступали член-корреспондент АН СССР Б.Ф. Ломов и академик АН Грузинской ССР А.С. Прангишвили

Во вступительном слове вице-президент АН СССР П.Н. Федосеев отметил, что вопрос рассматривается в связи возможностью использования опыта академических психологических учреждений для разработки методов, методологии воспитательной работы, формирования нового человека в свете постановления ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» [2, с. 7].

В своем выступлении Б.Ф. Ломов остановился на отдельных направлениях исследований, которые получили развитие в зарубежных странах: политическая психология, психологическая экономика, сравнительная этническая психология. Эти направления формировались на основе совершенно определенных классовых позиций и, по мнению ученого, их необходимо исследовать и хорошо знать, поскольку они очень широко использовались в международной и внутренней политике зарубежных стран. Что касается разработки психологической теории личности, он призывал уделить особое внимание проблеме мотивации и потребностей, механизмов формирования и развития мотивационной сферы личности. Также необходимо организовать систему исследований по проблеме способностей, включающую, в частности, вопросы влияния генетических факторов на способности. Отдельно ученый остановился на проблеме формирования и развития мировоззрения и убеждений, отметив недостаточное просвещение советских людей (особенно молодежи) в области научных знаний о природе и сущности человека и его психики, поэтому необходимо весьма существенно усилить пропаганду психологических знаний.

Дальнейшей разработки требовали проблемы, относящиеся к психологии личности: характера, темперамента, индивидуальных различий психических процессов, формирования механизмов саморегуляции. Особую область исследований составляли, так называемые, деформированная личность и отклоняющееся поведение (от социальных норм). Ученый отмечал, что в стране мало занимались психологическими проблемами политической пропаганды и

агитации, тогда как при разработке методов пропаганды весьма важно учитывать закономерности внимания, восприятия, памяти, мышления, динамики эмоциональных состояний человека, условия формирования установок.

Другой уровень психологических проблем – проблемы психических функций, процессов и состояний: памяти, восприятия, мышления. Б.Ф. Ломов упоминал общую теорию психологического процесса в связи с решением практических задач, которые возникали при разработке систем управления передачи информации, систем «человек-машина» и средств отображения информации. Он отмечал, что исследование факторов и динамики стрессовых состояний – важная не только теоретическая, но и практическая задача. Третий уровень проблем – нейрофизиологические основы психических процессов, причем одной из наиболее острых и важных задач остается сопоставление определенных характеристик психических процессов и определенных характеристик, лежащих в их основе физиологических процессов.

А.С. Прангишвили в своем выступлении остановился на проблеме выработки исходных постулатов психологического исследования – специального категориального аппарата, способного адекватно отразить качественную специфику формирования социалистических особенностей личности и выразить своеобразие ее закономерностей. По его мнению, остается актуальной задача дальнейшего методологического исследования и обоснования основного принципа личностного подхода, позволяющего вплотную подойти к решению проблем, которые ставит перед психологией задача изучения процесса формирования «типических социалистических качеств личности». Ученый отмечал, что одной из самых основных особенностей личности, как психологической индивидуальности, следует считать целостно «структурную устойчивость и внутреннюю связную последовательность ее опыта и поведения (консистенность)», их относительную независимость от случайных воздействий конкретных частных ситуаций (константности), которые решаются на основе понятия установки.

В Институте психологии АН Грузинской ССР был предложен метод «фиксированной установки» на основе экспериментальных данных. Установка, представляя собой диспозицию к определенной форме реагирования, – психологическую организацию внутренней среды индивида, выступает как характеристика целостного состояния субъекта психической деятельности в каждый дискретный момент его активности. Ученый констатировал, что общепсихологическое понятие личности, понятие установки дает возможность подойти к проблеме формирования нового человека. Основная задача, которую необходимо решать в свете содействия формированию нового человека и его

личностных качеств, состоит в том, чтобы установить категорию единицы анализа личности. Кроме того, анализ таких категорий, как мотив и навык, могут служить пониманию и решению основных проблем формирования качеств личности. В заключении ученый констатировал, что проблема формирования нового человека требует серьезной разработки как категориального аппарата, так и отдельных постулатов.

На заседании секции выступал академик Е.М. Жуков, который отмечал актуальность социальной психологии, что связано с переживаемым периодом исторического развития, когда совершенно неожиданно возникают реминисценции далекого прошлого. В качестве примера он привел христианство и ислам, которые показывают свою чрезвычайную приспособляемость. Ученый предложил включить изучение воздействия этих религиозных представлений на массы в один из объектов исследования советских психологов. Он призывал изучать не только психологию советского человека, но и людей буржуазного общества, которые находятся под сильнейшим влиянием буржуазных теорий и концепций.

Сотрудник Московского высшего технического училища им. Н.Э. Баумана Е.В. Попов сообщал, что возможность применения робототехники, как принципиально нового технического средства в общей системе механизации и автоматизации человеческого труда, ставит новые задачи перед психологами. Робототехнические системы освобождают от монотонного, неинтересного труда и сохраняют за человеком те виды труда, которые содержат в себе творческие элементы. В этом смысле это тоже является одним из средств, которое требует психологических исследований для создания условий гармоничного развития личности в социалистическом обществе. Кроме того, по его мнению, в робототехнике есть много элементов, которые требуют исследования именно с точки зрения инженерной психологии.

В своем выступлении член-корреспондент В.Н. Кудрявцев отмечал, что юристы больше всего заинтересованы в исследованиях психологии личности, прежде всего механизма поведения, что дало бы возможность прогнозировать реакции различных лиц, в частности, на воздействие со стороны общества. Касаясь социальной психологии, он констатировал, что даются механизмы и отдельные элементы, тогда как нужна эмпирическая картина населения. Многие вопросы поведения человека разработаны юристами, в частности, поступок человека, анализ поступка, а «тонкий анализ и тонкая работа как раз являются задачей психолога».

Значительный интерес представляет выступление члена-корреспондента Н.П. Бехтеревой, которая констатировала, что необходимо решать проблему

сосуществования мозга и психики. По ее мнению, объективные психологические исследования можно провести только тогда, когда будет создан физиологический и психологический подход, а не только проведением собственно нейрофизиологических исследований. В условиях прямого контакта используется все, что имеет на вооружении физиология, экспериментальная физиология, исследующая организм индивидуума в условиях контакта с мозгом, исследующая импульсивность, активность нервных клеток, напряжение и т.д., потому что используется примерно 8-10 параметров оценок состояния мозга.

Ученый задается вопросом: к чему это позволило прийти в изучении нейрофизиологии психической деятельности. И сама же отвечает: это позволило прийти к расшифровке простейших психических процессов и к постановке проблемы на нейрофизиологических основах. Но условия прямого контакта с мозгом психологам не всегда доступны, и не нужно на них ориентироваться. Если даже исследование идет не в условиях прямого контакта с мозгом, то надо шире использовать способ мелких электрических процессов: сейчас это делается для прогнозирования психофизиологического состояния спортсменов. По ее мнению, необходимо использовать и метод вызывания потенциалов, и условное негативное отклонение. Она заявляла, что «главное – изучение физиолого-психологической деятельности мозга возможно. Мы знаем, что не только структура мозга осуществляет деятельность, но есть переходный психологический процесс, который мы можем взять в руки».

В заключение Н.П. Бехтерева заявляла, «что когда мы сталкиваемся с психологической деятельностью, то, прежде всего, эта деятельность в основном не стереотипна. Она протекает при динамичном вовлечении в деятельность огромного числа нейронных популяций, и если мы не можем рассчитать, какое количество нейронов включается в физиологическую деятельность, то мы не можем сказать, сколько нейронов участвует в психологической деятельности».

Представитель АН Грузинской ССР Ш.А. Надирашвили сообщал, что все психологические процессы имеют свои коррелянты, закономерность формирования убеждения оказывается очень близкой к понятиям установки.

По его мнению, если рассматривать деятельность человека, начиная со стимула и кончая реакцией, то оказывается, что рассматриваются и изучаются разные аспекты. Представители теории деятельности изучают в основном отрезки, определенный сегмент как объект, который превращается в сознание человека. И другие установки, другие теории рассматривают дальше процесс, как это сознание вместе с другими психическими феноменами превращаются в деятельность человека. Ученый предложил не противопоставлять эти теории, а

объединить в одну общую теорию психологии и указать то место, которое они занимают в деятельности, начиная с развития стимула и кончая восприятием.

Сотрудник Военно-воздушной академии им. Н.Е. Жуковского Ю.П. Доброленский сообщал о заинтересованности военных в области психологии, в частности, в подготовке военнослужащих существует термин морально-психологическая подготовка. Однако, по его мнению, серьезных теоретических предложений, как эту подготовку проводить, не существует. Что касается инженерной психологии, то во всех видах человеческой деятельности создаются системы «человек-машина», причем, роль человека в таком положении уменьшается, и увеличиваются всякого рода ошибки в такого рода системах. Поэтому на вопросы корреляции обращается большое внимание. В то же время ученый указывал, что человек, и в такого рода системах, является личностью как в социальном, политическом плане, и во всех остальных планах. Термин «инженерная психология» выбрано неудачно, по заявлению Ю.П. Доброленского, он является чистым переводом с американского термина, выделять его в отдельную область неправомерно, поскольку инженерная психология занимается трудовой деятельностью сложных машинных систем.

Доктор психологических наук В.В. Давыдов заявлял, что в рассматриваемый период именно психология труда становится центральной психологической дисциплиной. Другим направлением исследований должна стать психология управления, которая может сконцентрировать возможности социальной, возрастной, инженерной психологии и т.д. Третье направление – исследования психологии в области образования. По его мнению, теоретические разработки психологов философского направления проводились слабо, в частности, по проблеме деятельности. Ученый заявлял, что достижения диалектической логики позволили существенно переориентировать исследования в области психологического образования. Проблемы диалектико-материалистической трактовки фактически выбыли из системы понятий, которые используются педагогами. Исследования, которые накопились в Институте психологии, значительно перестроят систему образования в дошкольных учреждениях и вузах.

Академик П.Н. Федосеев предложил для активизации совместной деятельности философов, психологов и нейрофизиологов предложил подготовить и провести совещание специалистов, а также вынести отдельные направления психологии на обсуждение на Общем собрании АН СССР. Кроме того, он отмечал, прикладные проблемы – трудовой, медицинской и педагогической психологии – должны быть в сфере внимания всех академических психологических учреждений страны.

Представитель пограничных войск Комитета государственной безопасности сообщал о сотрудничестве с Институтом психологии, в котором создана специализированная лаборатория, разработавшая программы для профессионального отбора для службы на границе, планирования офицерского состава, отбора в пограничные училища. Он предложил расширить рамки научного сотрудничества, в частности для отработки поведения пограничников в чрезвычайных ситуациях.

Представитель Института психологии АН Украинской ССР И.М. Войтко сообщал, что в институте организованы две новые лаборатории – психологии трудового воспитания и психологии пропаганды. Кроме того, в институте был разработан личностно-ролевой принцип подхода к учебно-воспитательному процессу, проводится его экспериментальная проверка и апробация в средних общеобразовательных школах, 11 педагогических училищах и двух университетах республики. Работа дала определенные положительные результаты, планируется провести апробацию этого подхода в учебно-воспитательной работе среди взрослого населения в процессе организации его политического образования.

Ученый отметил важность изучения релятивных процессов самой личности, а также недостаточность разработки теории определения матрицы, которая идет от общества, педагога, воспитателя, наставника. Он предложил ускорить процесс создания психологической службы, а также реферативного журнала на базе Института психологии совместно с соответствующим центром информации.

Проректор Ярославского государственного университета предложил поставить достаточно остро такие вопросы, как разработка методических проблем психодиагностики, выяснения механизмов поведения и воздействия факторов, которые вскрываются при анализе воздействий. Он отметил целесообразность постановки вопроса в какой-то мере о выдвигении отдельных проблем психологии для решения на периферию, то есть о создании проблемных лабораторий Института психологии по линии Академии наук при ведущих университетах страны, то есть ближе к практике.

В заключении необходимо отметить, что в постановлении по итогам заседания Секции общественных наук указано: «Институту психологии АН СССР совместно с Институтом психологии АН Грузинской ССР, научно-исследовательскими учреждениями психологического профиля Академии педагогических наук, Министерства высшего и среднего специального образования СССР разработать предложения о совершенствовании учебных программ подготовки специалистов-психологов».

Список литературы:

1. Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 1731. Оп. 1. Д. 287.
2. О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы. Постановление ЦК КПСС от 26 апреля 1979 г. М.: Политиздат, 1979. 14 с.

References:

1. Arkhiv Rossiiskoi akademii nauk (ARAN). F. 1731. Op. 1. D. 287.
2. O dal'neishem uluchshenii ideologicheskoi, politiko-vospitatel'noi raboty. Postanovlenie TsK KPSS ot 26 aprelya 1979 g. M.: Politizdat, 1979. 14 s.

Сведения об авторе:

Киселев Михаил Юрьевич, кандидат исторических наук, руководитель Центра учета и обеспечения сохранности документов, Архив Российской академии наук (Москва, Россия)

Имена в психологии: В.Ф.Петренко

Козлов Владимир Васильевич

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Россия

e-mail: kozlov@zi-kozlov.ru

Аннотация. Статья посвящена научной и общественной деятельности профессора В.Ф. Петренко, выдающегося психолога современности, доктора психологических наук, профессора Московского государственного университета, члена-корреспондента Российской Академии Наук. В статье уделяется внимание особенностям профессионального формирования В.Ф. Петренко.

Ключевые слова: сознание, психосемантика, личность, политическая психология, партия искусство, смысл, психолингвистика, семантическое пространство.

Names in psychology: V.F. Petrenko

Kozlov Vladimir Vasilyevich

P.G. Demidov Yaroslavl State University, Russia

e-mail: kozlov@zi-kozlov.ru

Abstract. The article is devoted to the scientific and public activities of Professor V.F. Petrenko, an outstanding psychologist of modern times, Doctor of Psychology, Professor of Moscow State University, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences. The article pays attention to the peculiarities of the professional formation of V.F. Petrenko.

Keywords: consciousness, psychosemantics, personality, political psychology, party art, meaning, psycholinguistics, semantic space.



Рис. Виктор Федорович Петренко

В этом году исполнилось 70 лет профессору В.Ф. Петренко, выдающему психологу современности, доктору психологических наук, профессору, члену-корреспонденту Российской Академии Наук, академику и члену президиума Международной Академии психологических наук.

Я знал Виктора Федоровича заочно еще в 80-ые гг., но в основном я общался в те времена только с его студентами.

В конце 90-ых гг. мы познакомились на профессиональном тренинге по интенсивным интегративным психотехнологиям «Инсайт», который проходил под моим руководством. Хотя профессора приезжали на семинары не так редко, то, что в пансионат под Ярославлем приехал профессор МГУ и член-корреспондент РАН, для меня было удивительным. В те времена я был очень молодым профессором и доктором психологических наук. Только сейчас я понимаю, что и он тогда был очень молодым.

Но первая же личная встреча после занятий стала для меня откровением. Это была Встреча с большой буквы. В удачной мужской жизни бывают основные встречи – с Учителями и Друзьями. Они определяют содержание и качество твоей жизни и самореализации. Если при встрече с Учителями всегда присутствует восторг, любование и открытие своих возможностей – каким ты можешь быть человеком, то встреча с друзьями это всегда пик откровения души, снятие границ Эго, когда ты делишься самым сокровенным без паранойи и страхов. Встреча с

другом это возникновение возможности пережить глубинное доверие. И оно возникло в первый вечер и уже почти 20 лет мы вместе.

Петренко Виктор Федорович, родился 21 марта 1948 г. в г. Ленинграде. Отец – морской офицер-подводник, участник Великой отечественной войны. Мать Виктора Федоровича – школьная учительница. Окончил среднюю школу № 114 в городе Москве. В 1968 г. поступил с третьей попытки на факультет психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, что говорит настойчивости будущего профессора в желании овладеть профессией психолога.

Факультет психологии МГУ окончил в 1973 г. и был оставлен на работу в должности старшего лаборанта на кафедре общей психологии МГУ. Со временем он стал ассистентом кафедры общей психологии, затем старшим и ведущим научным сотрудником.

В 1998 г. Виктор Федорович стал заведующим лабораторией «Психологии общения и психосемантики» факультета психологии МГУ.

Научная карьера В.Ф. Петренко была весьма успешной. В 1979 г. он защитил кандидатскую диссертацию по общей психологии на факультете психологии МГУ, в 1989 г. – докторскую диссертацию по общей психологии.

В 1994 г. Виктор Федорович получил звание профессора по кафедре общей психологии, в 1997 году избран членом-корреспондентом РАН.

Интересы Виктора Федоровича в науке многообразны: методология психологии, психология сознания, психосемантика, политическая и этническая психология, психологию искусства, психология массовых коммуникаций, трансперсональная психология, психология религии и др. Но в Советском Союзе и в России он известен как один из основателей и лидер психосемантического подхода в психологии. Термин «психосемантика» в понимании Петренко включает исследования, связанные с изучением содержания сознания человека, представлений человека в области политики, экономики, права, этики, искусства, его представлений о самом себе, других людях, изучение индивидуальных и этносоциальных особенностей категоризации и построения образа мира, как применительно к сознанию отдельного субъекта, так и социальных, этнических или профессиональных сообществ и групп. Петренко была разработана концепция субъективных семантических пространств как операциональной модели сознания, выделены корреляты параметров семантического пространства и когнитивной организации сознания и в обобщенном виде описаны этапы построения семантических пространств [8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23].

В 1998 г. за исследования в области психологии сознания он награжден по решению президиума РАН премией им. С.Л. Рубинштейна. Он является

победителем Национального профессионального психологического конкурса «Золотая психея».

К психологии В.Ф. Петренко проявлял глубокий и постоянный интерес с 60-ых гг. прошлого столетия.

50 лет назад общий курс психологии в МГУ в течении трех лет читал А.Р. Лурия. Занятия на факультете психологии МГУ, где учился Виктор Федорович, вели выдающиеся психологи и звезды Советской психологии П.Я. Гальперин, В.П. Зинченко, Б.В. Зейгарник, А.А. Леонтьев, Е.Д. Хомская, Д.Б. Эльконин.

Неумная энергия, пытливість, жажда новизны и оригинальности заставляли юного Виктора Петренко посещать лекции А.А. Брудного, В.В. Давыдова, М.К. Мамардашвили, А.М. Пятигорского, которые оказали значительное влияние на формирование масштаба и содержания мышления, научного мировоззрения личности. Виктор Федорович был одним из лидеров в студенческом научном обществе на факультета психологии МГУ. Уже после первого курса вместе с А.Г. Асмоловым, В.А. Петровским, Е. Субботским и многими другими светилами будущей российской психологии он участвовал в Летней психологической школе под руководством В.П. Зинченко.

Виктор Федорович участвовал во многих студенческих конференциях в Вильнюсе, Ленинграде, Минске, Москве, Тарту, Тбилиси, в которых уже находились первые оригинальные школы психологии.

Несмотря на широту интересов юного психолога, Виктор Федорович выбрал свою научную тему – исследование проблемы значения. Эта тема – ключевая в школе Выготского-Леонтьева-Лурии, которой он остался верен и по сей день. Первая курсовая работа В.Ф. Петренко называлась «Отличие понятия «понятие» от понятия «значения» была выполнена в парадигме этой школы.

В годы студенчества Виктора Федоровича доминирующей темой на факультете психологии МГУ являлась проблема восприятия. Предложив трактовку «образ как перцептивное высказывание о мире» Петренко использовал методы лингвистики и психолингвистика для семантического анализа содержания перцептивного образа. А.Н. Леонтьевым были инициированы исследования псевдоскопического восприятия (по методике, репрессированного в тридцатых годах, Б.М. Компанейского), порождающего богатую феноменологию по нарушению предметной логики и многочисленным иллюзиям восприятия. Участвуя в работе группы В.В. Столина, Виктор Федорович уже в студенческие годы работал по хоз. договорным темам и к окончанию факультета психологии имел несколько опубликованных научных статей. Следует признать, что для студента это было очень большое достижение

– в те времена публикация научной статьи была очень трудным и престижным делом [7; 8].

Судьбоносной для научной и социальной карьеры В.Ф. Петренко явилась поездка в Летнюю психологическую школу под руководством А.Н. Леонтьева. Виктор Федорович готовил свой доклад на школе очень добросовестно и ежедневно сидел в библиотеке до закрытия.

Алексей Николаевич в начале 70-ых гг. безусловно воспринимался (и был) высшим авторитетом в психологической науке. Виктор Федорович очень хорошо осознавал, что его оценка исследований была исключительно важной для него и давала направление дальнейшего вектора развития.

На конкурсе дипломных работ Петренко занял первое место и имел возможность выбирать аспирантуру в трех престижных вузах. Он, конечно, выбрал родной МГУ – факультет психологии. Виктор Федорович по болезни пропустил время приема в аспирантуру. А.Н. Леонтьев оставил его на кафедре общей психологии ассистентом.

Начало преподавательской деятельности была для Виктора Федоровича было чрезвычайно трудным. Дело не только в нагрузке более полутора тысяч «горловых часов» и общественной нагрузке куратора курса.

Во-первых, изменился состав студентов. Как раз в год начала его работы, университетское начальство, по указанию партийных органов, решило разбавлять социальный состав студенчества рабочей молодежью. И человек 15 ребят после армии, в основном членов партии, приняли особым набором на факультет. В то время В.Ф. Петренко, молодой беспартийный преподаватель, примерно равный им по возрасту и в иной раз и младше, должен был отвечать за их учебу и воспитание.

Во-вторых, нужно было полностью перестроить свою жизнь, быть чрезвычайно организованным и быть в «имидже» и роли преподавателя МГУ. Эта задача юному Петренко давалась с трудом, так как в студенчестве его называли кличкой «Пит» или звали «Лесным братом». Он очень привык свободной и безалаберной жизни студента и ему было трудно перестроиться.

Виктор Федорович как-то рассказывал, как его изматывал один и тот же сон в те времена, что он играет на сцене какую-то роль, но не выучил текст и, судорожно, по репликам партнеров на сцене, пытался понять, как он должен вести себя на далее.

Успешная научная карьера Виктора Федоровича сочеталась огромной страстью к путешествиям. Он исследовали пространство Советского, побывав во всех республиках, а также на Дальнем Востоке, Камчатке, Чукотке и даже на Командорских островах. В студенческие годы все каникулы (зимние и летние), а

во время преподавательской работы в отпуск, Виктор Федорович странствовал по Средней Азии, сплавлился по рекам Сибири на катамаранах, на плотах по горным рекам Карпат, на байдарках по Селигеру и т.п. Он ходил в многодневные зимние походы на лыжах по Белому морю, конные походы по Алтаю, Казахстану, Киргизии.

В иной раз его меня его путешествия напоминают мифы о героях, одиноких визионерах-следопытах, которых «дух бродяжий» толкает к новым подвигам и к новым испытаниям.

В этом отношении особенно примечателен его трехмесячный летний поход по Кавказу и Средней Азии. Доехав на поезде до Сухуми, Виктор Федорович перешел Кавказский хребет по перевалам, прожив несколько дней у лесорубов-сванов, с которыми подружился по пути, добрался до альпинистской базы МГУ на Домбае, а затем с попутчицей с философского факультета, проведя несколько дней на Тереке, через Чечню спустился в Махачкалу, где ему оказали гостеприимный приют. Далее был старинный Дербент, и затем Баку, удививший его многократными предложениями купить или продать валюту. На его отказ следовал недоуменный вопрос: «Слушай, а ты зачем тогда в Баку приехал?». Он своим экзотическим видом, после горных переходов, являл собой нечто предельно романтическое и одновременно непонятное. С огромной бородой, великолепной шевелюрой, с прекрасными большими глазами, высокий и спортивного сложения атлет напоминал больше бродячего пророка, героя, чем просто смертного.

Дальше он переправился через Каспий в Кисловодск. Он вспоминает, как лежал на палубе, расстелив палатку и созерцал огромные звезды на черном небе.

Виктор Федорович рассказывал, что когда путешествуешь в одиночку ты как-бы повышенно валентен, притягателен своей необычностью и автономностью. С тобой входят контакт совершенно разные люди, воспринимая тебя, исходя из собственных представлений и проекций. Далее, из Кисловодска, на попутных машинах через изматывающую жару пустыни Туркмении: Небеддаг, Ашхабад, Мары. Забавно, как встречали в промежуточных аулах в зависимости от времени суток. Днем его окружала любопытная галдящая детвора, женщины, частично закрыв лицо платком с интересом смотрели на него, аксакалы зовут выпить чая. Еслиходишь в подобный аул, когда стемнеет, то девушки прячутся за спины мужчин, которые держан руку на кинжале, и на тебя смотрят настороженным, если быть точнее, враждебным взглядом. Но Господь всегда любил Виктора, и он за все время путешествия ни разу не сталкивался с прямой агрессией. Далее путь продолжался в Ташкент, и затем Фрунзе. На Иссык-Куле он отдохнул недельку и пришел через перевалы Тянь-Шаня в Алма-

Ату. Далее уже на поезде Алма-Аты – Кокчетав, на встречу М.Г. Субханкуловым, Е.Ю. Артемьевой, Ю.К. Стрелковым. Затем Виктор Федорович отправился на озеро Щучье, где в сентябре проводилась конференция по психолингвистике [7].

Даже сегодня Виктор Федорович не знает, сколько тысяч километров преодолел пешком и на попутках за три месяца путешествия.

Удобным способом отправиться в путешествие для профессии психолога в советское время являлась путевка для чтения лекций. Виктор Федорович шел в Политехнический музей, где располагалась Центральное Общество Знания, выбирал маршрут: Дальний Восток, Камчатка, Чукотка и т.п. летел читать лекции по обществу знаний. Читать лекции приходилось в самых разных коллективах. Виктор Федорович с удовольствием вспоминает буровиков на Севере Сибири, куда добирался на вертолетах; команды подводных лодок, проходящих карантин на Дальнем Востоке, после длительного морского похода; лесников Камчатки (среди которых, оказалось, на удивление, много людей с высшим образованием). Благодарные, заинтересованные слушатели, предлагающие свое гостеприимство и часами не отпускающие тебя, рассказывая о своей жизни. В поездках бывали и анекдотические ситуации (в основном в Средней Азии) когда смотрят на тебя и слушают, как будто, с интересом, как потом выясняется, что не понимают по-русски [7].

По количеству путешествий, как считает профессор Петренко, среди психологов его мог превзойти только автор этой статьи. И вправду автор побывал в более чем 50-ти странах мира и в путешествиях провел около 12-ти лет жизни. Виктор Федорович прав - обычно провожу тренинги в экзотических местах со своей группой учеников, так сказать, создавая собственную среду обитания. И эти строки пишутся на реке Чарын в большом каньоне рядом с горами Тянь-Шаня недалеко от границы с Китаем.

Виктор Федорович почти всегда путешествовал в одиночку или с друзьями. Он больше находился в роли созерцателя и наблюдателя.

Так было в поездках в Туву, Бурятию, Читинскую область, Монголию по буддийским монастырям, путешествии с А.П. Супруном на Тибет, посещение Лхасы и многодневную Кору (круговой обход) священной в индуизме и буддизме горы Кайлаш.

В научном плане интерес В.Ф. Петренко к другим культурам и любовь к путешествиям вылилась не только в ряд психолингвистических работ в области психологии искусства. Еще в 80-ые гг. он начал проводить этнопсихологические и кросс-культурные исследования, используя построение многомерных семантических пространств для анализа этнического менталитета (что

идеологически не поощрялось в то время). Дело в том, что в рамках советской идеологии был выдвинут лозунг о том, что в СССР создана новая социальная общность – советский народ и, соответственно, об изучении какой-либо национальной специфике менталитета не могло быть и речи.

Исследования Виктора Федоровича начала восьмидесятых годов, с использованием методов психосемантики, являлись полностью новаторскими. Он исследовал специфику менталитета, системы ценностей, особенностей житейских и социальных представлений. Как наименее идеологическую сферу он выбрал для исследования семейно-бытовые и гендерные отношения.

У В.Ф. Петренко было несколько аспирантов из Грузии, Болгарии, Литвы, Украины, Киргизии, разрабатывающих этнопсихологическую тематику, и он надеялся, что сумеет интегрировать их отдельные исследования, выделив общие инвариантные для различных культур и национально специфичные категории этнической картины мира. Но распад Советского Союза привел к тому, что нормальный процесс научного руководства был значительно затруднен (хотя и вышел ряд совместных публикаций) и большая часть аспирантов Петренко защищались уже на территории своих новых государств. Но опыт исследования менталитета с помощью построения многомерных семантических пространств, где в качестве дескрипторов описания ролевых позиций использовались фразеологизмы, фрагменты поведения и поступки людей в предлагаемых обстоятельствах, оказался весьма полезным в начавшемся цикле исследований по политической психологии, которую начал Виктор Федорович в конце восьмидесятых.

Сотрудником и соавтором в этом глобальном исследовательском проекте В.Ф. Петренко была О.В. Митина, выпускница аспирантуры мехмата МГУ, которую он пригласил на факультет психологии МГУ в свою лабораторию.

Сами исследования по политической психологии были продиктованы несколькими предпосылками:

Во-первых, это высокая мотивация авторов проекта и желание самим разобраться «куда несет нас рок событий», вызванных горбачевской перестройкой.

Во-вторых, впервые за многие десятилетия в Советском Союзе возникла многопартийная система. Она была, с одной стороны, на волне либерализации в КПСС возникли ряд фракций, идеологически достаточно далеких друг от друга. С другой, – начали возникать новые политические партии.

В-третьих, «невозможное стало возможным», возникла необходимая свобода проведения научных исследований политических движений. С другой

стороны, возник социальный заказ на прогнозы – куда приведет Советский Союз многопартийная система.

Перед В.Ф. Петренко и его исследовательской группой встал вопрос о размерности политического пространства (числе независимых факторов), по которым различаются политические силы. В качестве дескрипторов описания они взяли фрагменты политических программ и партийных деклараций, отрывки из выступлений лидеров политических партий, проекты конституций и т.п. Например суждения о праве населения на частную предпринимательскую деятельность, о выводе (или не выводе) войск СССР из Европы, о праве наций на самоопределение; суждения по национальной политике, языку, отношения к религии, о характере устройства государства по экономике, образованию и т.д. Суждения брались как по всем актуальным на тот момент политическим вопросам, так и из политических позиций сил находящихся на диаметрально противоположных позиция: коммунистов, анархистов, христианских демократов, демократической России, националистов, либералов и т.д. Было выбрано несколько сот суждений -дескрипторов из непосредственного на тот момент политического дискурса. Респондентов, которыми были члены руководства партий (не менее 10 человек от каждой партии) просили высказать согласие или несогласие с каждым из политических утверждений из составленного В.Ф. Петренко и его командой списка.

Полученную групповую матрицу данных обрабатывали с помощью факторного и кластерного анализа и строили семантическое пространства в котором определялись ведущие категории - факторы, по которым задавались линии противопоставления политических партий, а также координаты этих партий в политическом пространстве. Проведенный кластерный анализ показал группировки и возможные альянсы политических сил в обществе. Полученные результаты давали весьма любопытную информацию как о наличном состоянии политической ситуации, так и позволяли некоторый прогноз ее развития. Всего было выделено четыре фактора дифференциации политической жизни, на то время. Так, если в 1990 г. ведущим фактором политической жизни было принятие или отвержение коммунистической идеологии, то к началу 1991 г. этот фактор ушел на второе по значимости место, а первым стал фактор дезинтеграции Советского Союза в форме конфедерации или даже существования в виде независимых республик, в оппозиции единому унитарному государству в виде СССР или православной монархии.

Таким образом, научные данные исследований В.Ф. Петренко предвосхитили распад Советского Союза, как одну из возможных траекторий будущего страны. Тем не менее, сами как исследователи и интерпретаторы

полученных результатов не готовы были принять и поверить в такую возможность. Следует отметить, что исследование, проводившееся столь малыми силами, (никто не помогал и не было никаких спонсоров, но никто и не покушался на полную независимость как исследователей – не до того тогда было) потребовала от группы Петренко В.Ф. колоссального напряжения сил [7].

Виктор Федорович вспоминает, как 1 января в новый 1991 г., вместо праздничного стола, в 9 утра он пришел в лабораторию работать, а не стовариваясь с ним, через полчаса пришла О. Митина – «трудовые будни – праздники для нас». К концу лета 1991 г. исследование было закончено, и статья передана в Психологический журнал. Но свершившийся ГКЧП и последующие после него события, спутали все политические карты и существенно изменили политический ландшафт. Вышедшая статья уже не имела того резонанса, о который исследователи надеялись получить. Жизнь опередила исследования. В последующие годы провели ряд исследований в рамках политической психологии, разработав новые методы: психосемантический анализ образа политических лидеров; психосемантический анализ динамики качества жизни населения в различные периоды новейшей истории; метод оценки плотности электората той или иной политической партии; образ геополитического пространства восприятия стран и многомерная оценка их потенциала и т.п.

Цикл этих исследований не прекращается и поныне, составляя важную образующую психосемантического подхода В.Ф. Петренко к изучению сознания и ментальности [10; 15; 17; 18; 19; 20; 21].

Другая важнейшая область приложения психосемантического подхода В.Ф. Петренко касается сознания и его измененных состояний. Вместе с В.В. Кучеренко Виктором Федоровичем были проведены исследования трансформации картины мира при гипнотерапии, медитации и индукции других измененных состояний сознания. В рамках психосемантического подхода описаны трансформации семантических пространств в форме аффинных преобразований (сжатие-расширение пространства по оси значимых факторов) под влиянием внутреннего эмоционального состояния.

В годы изучения воздействия гипноза на когнитивные структуры сознания был описан интересный феномен выпадения цельных семантических классов из поля сознания, при запрещении актуализации некоего значения. Из поля сознания выпадал не только запрещенный объект, но и все семантически с ним связанные. Испытуемый обходил запрещенный объект, не пытаясь пройти сквозь него (т.е. видел его), но не осознавал его наличие. Например, полностью игнорировал хорошо знакомого человека, не осознавая его присутствия.

Исследования такого рода позволяют развести процессы восприятия и осознания и выявить влияние языка и эмоций на эти процессы [13; 14].

Интерес к измененным состоянием сознания вывел В.Ф. Петренко на контакты с трансперсональной психологией, представленной в отечественной психологии работами В.В. Козлова и В.В. Майкова [2; 3; 5; 6]. Вместе с Майковым Виктор Федорович посетил ряд трансперсональных институтов Калифорнии, (общаясь с С. Грофом, Р. Фрейджером, М. Мерфи и другими классиками данного направления «психологии от первого лица», снимающего субъект-объектную оппозицию или, в терминах буддизма, снимающих иллюзию «двойственности» [4]. Одновременно эти лидеры представлены как основатели движения за развитие человеческого потенциала [1]

Наряду с этим В.Ф. Петренко считает, что общение с В.В. Козловым привело не только к участию в ряде интересных тренингов, проведенных на Байкале, в Индии, Израиле, но и в личном общении обогатило обширной феноменологией трансовых, расширенных, психоделических состояний, полученных Владимиром в индивидуальном экзистенциальном опыте.

Проблематику методологических пересечений психологии сознания (и бессознательного) и квантовой физики В.Ф. Петренко развивает вместе с А.П. Супруном в ряде публикаций и в совместной, недавно вышедшей монографии. Тематика поднятая еще К. Юнгом и Р. Паули о несводимости синхронии к причинно-следственному детерминизму и близости ее к квантовой телепортации, привела нас к представлению о существовании сознания в категориях пространства и времени (в широком смысле пространстве Минковского) и вневременного и вне пространственного статуса бессознательного (и его описании в Гильбертовом пространстве), а также близости редукции волновой функции в квантовой физике и проблемы категоризации в когнитивных процессах в психологии [23].

Наконец, цикл исследований профессора Петренко затрагивает психологию искусства в ее психосемантическом аспекте. Виктор Федорович сделал множество публикаций по этой теме и выпустил отдельную монографию [10; 11].

Всего же за время профессиональной деятельности В.Ф. Петренко опубликовано более 350 статей и 14 монографий (три из которых коллективные, под его редакцией).

Зная Виктора Федоровича многие годы, хочется отметить, что он не только великий, масштабный ученый, визионер в практике психологии, но и прекрасный, надежный друг, добрый и отзывчивый, щедрый на помощь и поддержку, понимание, сопереживание, принятие – светлый и мудрый человек.

Список литературы:

1. Козлов В.В. Движение за развитие человеческого потенциала. Ярославль: РПФ «Титул», 2017. 198 с.
2. Козлов В.В. Духовная психология: в поисках изначального. М.: Издательство трансперсонального института, 2000. 112 с.
3. Козлов В.В. Интегративная психология: Пути духовного поиска или освящение повседневности. М.: Психотерапия, 2007. 528 с.
4. Козлов В.В. Психология буддизма. Четвертое колесо дхармы. Вологда: Древности Севера, 2016. 296 с.
5. Козлов В.В. Психотехнологии измененных состояний сознания. М.: Институт психотерапии, 2005. 544 с.
6. Козлов В.В. Трансперсональная психология. Измененные состояния сознания, околосмертные переживания, интуиция, психология духовности. Учебное пособие. М.: ЭКСМО, 2010. 510 с.
7. Козлов В.В. Мазилев В.А. Гений психологии: несколько штрихов к портрету Виктора Петренко // Методология современной психологии. Вып. 8 / под ред. Козлова В.В., Карпова А.В., Мазилова В.А., Петренко В.Ф. М., Ярославль: ЯрГУ, ЛКИИСИ РАН, МАПН, 2018. С. 3-16.
8. Петренко В.Ф. К вопросу о семантическом анализе чувственного образа // Восприятие и деятельность / Под ред. А.Н. Леонтьева. М.: Изд. МГУ, 1976. С. 268-292.
9. Петренко В.Ф. Конструктивистская парадигма в психологической науке // Психологический журнал. 2002. № 3
10. Петренко В.Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М.: Эксмо, 2013.
11. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. СПб.: Питер, 2005.
12. Петренко В.Ф., Коротченко Е.А. Исследование категориальной структуры восприятия живописи (на материале пейзажа) // Современная психофизиология / Под ред. В.А. Барabanщикова. М.: Институт психологии РАН, 2008.
13. Петренко В.Ф., Кучеренко В.В. Медитация как форма не опосредованного познания // Вопросы философии. 2008. № 8. С. 83-10
14. Петренко В.Ф., Кучеренко В.В., Вяльба А.П. Психосемантика измененных состояний сознания (на материале гипнотерапии алкоголизма) // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 5. С. 16-27
15. Петренко В.Ф., Митина О.В. Динамика политического сознания как процесс самоорганизации // Общественные науки и современность. 1995. № 5.

16. Петренко В.Ф., Митина О.В. Нелинейная модель в исследовании психосемантики мотивации: синергетическая парадигма // Синергетические исследования в области гуманитарных и естественных наук. Белгород, 2003.
17. Петренко В.Ф., Митина О.В. Образ политической и экономической реформ в сознании россиян // Общественные науки и современность. М., 1997. №4.
18. Петренко В.Ф., Митина О.В. Отношение граждан России к реформам и типология политических установок // Психологический журнал. 1997. № 5.
19. Петренко В.Ф., Митина О.В. Психосемантический анализ динамики качества жизни россиян // Психологический журнал. 1995. № 6.
20. Петренко В.Ф., Митина О.В. Психосемантическое исследование политического менталитета (Россия 1991-1993) // Общественные науки и современность. 1994. № 6.
21. Петренко В.Ф., Митина О.В., Карицкий И.Н., Кучеренко В.В. Образ России глазами жителей Узбекистана // Человеческий фактор. Социальный психолог. 2007. № 2.
22. Петренко В.Ф., Митина О.В., Менчук Т.И. Образ России за рубежом // Наука. Культура. Общество. 2009. № 1.
23. Петренко В.Ф., Супрун А.П. Взаимосвязь квантовой физики и психологии сознания // Психологический журнал. № 6. 2014. С. 69-87.

References:

1. Kozlov V.V. Dvizhenie za razvitie chelovecheskogo potentsiala. Yaroslavl': RPF «Titul», 2017. 198 s.
2. Kozlov V.V. Dukhovnaya psikhologiya: v poiskakh iznachal'nogo. M.: Izdatel'stvo transpersonal'nogo instituta, 2000. 112 s.
3. Kozlov V.V. Integrativnaya psikhologiya: Puti dukhovnogo poiska ili osvnyashchenie povsednevnosti. M.: Psikhoterapiya, 2007. 528 s.
4. Kozlov V.V. Psikhologiya buddizma. Chetvertoe koleso dkharmy. Vologda: Drevnosti Severa, 2016. 296 s.
5. Kozlov V.V. Psikhotehnologii izmenennykh sostoyanii soznaniya. M.: Institut psikhoterapii, 2005. 544 s.
6. Kozlov V.V. Transpersonal'naya psikhologiya. Izmenennye sostoyaniya soznaniya, okolosmertnye perezhivaniya, intuitsiya, psikhologiya dukhovnosti. Uchebnoe posobie. M.: EKSMO, 2010. 510 s.
7. Kozlov V.V. Mazilov V.A. Genii psikhologii: neskol'ko shtrikhov k portretu Viktora Petrenko // Metodologiya sovremennoi psikhologii. Vyp. 8 / pod red. Kozlova

- V.V., Karpova A.V., Mazilova V.A., Petrenko V.F. M., Yaroslavl': YarGU, LKIISI RAN, MAPN, 2018. S. 3-16.
8. Petrenko V.F. К вопросу о семантическом анализе чувственного образа // *Vospriyatie i deyatel'nost'* / Pod red. A.N. Leont'eva. M.: Izd. MGU, 1976. S. 268-292.
 9. Petrenko V.F. Konstruktivistskaya paradigma v psikhologicheskoi nauke // *Psikhologicheskii zhurnal*. 2002. № 3
 10. Petrenko V.F. Mnogomernoe soznanie: psikhosemanticheskaya paradigma. M.: Eksmo, 2013.
 11. Petrenko V.F. Osnovy psikhosemantiki. SPb.: Piter, 2005.
 12. Petrenko V.F., Korotchenko E.A. Issledovanie kategorial'noi struktury vospriyatiya zhivopisi (na materiale peizazha) // *Sovremennaya psikhofiziologiya* / Pod red. V.A. Barabanshchikova. M.: Institut psikhologii RAN, 2008.
 13. Petrenko V.F., Kucherenko V.V. Meditatsiya kak forma ne oposredovannogo poznaniya // *Voprosy filosofii*. 2008. № 8.S. 83-10
 14. Petrenko B.F., Kucherenko V.V., Vyal'ba A.P. Psikhosemantika izmenennykh sostoyanii soznaniya (na materiale gipnoterapii alkogolizma) // *Psikhologicheskii zhurnal*. 2006. T. 27. № 5. S. 16-27
 15. Petrenko V.F., Mitina O.V. Dinamika politicheskogo soznaniya kak protsess samoorganizatsii // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 1995. № 5.
 16. Petrenko V.F., Mitina O.V. Nelineinaya model' v issledovanii psikhosemantiki motivatsii: sinergeticheskaya paradigma // *Sinergeticheskie issledovaniya v oblasti gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. Belgorod, 2003.
 17. Petrenko V.F., Mitina O.V. Obraz politicheskoi i ekonomicheskoi reform v soznanii rossiyan // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. M., 1997. №4.
 18. Petrenko V.F., Mitina O.V. Otnoshenie grazhdan Rossii k reformam i tipologiya politicheskikh ustanovok // *Psikhologicheskii zhurnal*. 1997. № 5.
 19. Petrenko V.F., Mitina O.V. Psikhosemanticheskii analiz dinamiki kachestva zhizni rossiyan // *Psikhologicheskii zhurnal*. 1995. № 6.
 20. Petrenko V.F., Mitina O.V. Psikhosemanticheskoe issledovanie politicheskogo mentaliteta (Rossiya 1991-1993) // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 1994. № 6.
 21. Petrenko V.F., Mitina O.V., Karitskii I.N., Kucherenko V.V. Obraz Rossii glazami zhitelei Uzbekistana // *Chelovecheskii faktor. Sotsial'nyi psikholog*. 2007. № 2.
 22. Petrenko V.F., Mitina O.V., Menchuk T.I. Obraz Rossii za rubezhom // *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo*. 2009. № 1.
 23. Petrenko V.F., Suprun A.P. Vzaimosvyaz' kvantovoi fiziki i psikhologii soznaniya // *Psikhologicheskii zhurnal*. № 6. 2014. S. 69-87.

Сведения об авторе:

Козлов Владимир Васильевич, Президент Международной Академии Психологических наук, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и политической психологии ЯрГУ им. П.Г. Демидова (Ярославль, Россия)

Юбилей мэтра сибирской региональной психологии (к 60-летию О.А. Белобрыкиной)

Кошенова Марина Ивановна

Новосибирский государственный педагогический университет, Россия

e-mail: koshenova.m.i@gmail.com

Костригин Артем Андреевич

Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина, Россия

e-mail: artdzen@gmail.com

Аннотация. Научный очерк, приуроченный к юбилею известного сибирского психолога Ольги Альфонсовны Белобрыкиной. В статье описаны основные вехи жизни и научно-преподавательской деятельности юбиляра.

Ключевые слова: история психологии, юбилей, О.А. Белобрыкина, психология в Сибири.

The anniversary of the master of the Siberian regional psychology (to the 60th anniversary of O.A. Belobrykina)

Koshenova Marina Ivanovna

Novosibirsk State Pedagogical University, Russia

e-mail: koshenova.m.i@gmail.com

Kostrigin Artem Andreevich

Kosygin Russian State University, Russia

e-mail: artdzen@gmail.com

Abstract. This is a scientific essay dedicated to the anniversary of the famous Siberian psychologist Olga Alfonsasovna Belobrykina. The article describes the main milestones in the life and research and teaching activities of the hero of the day.

Keywords: history of psychology, anniversary, O.A. Belobrykina, psychology in Siberia.

Щедрым на юбилеи в психологии выдался 2018 г.

В ноябре этого 2018 г. исполнилось 60 лет известному психологу, специалисту в области сибирской региональной психологии, профессору Ольге Альфонсасовне Белобрыкиной.

Ольга Альфонсасовна родилась 22 ноября 1958 г, и так уж совпало спустя много лет, что ее день рождения и День психолога празднуется в один день.

По окончании в 1976 г. средней школы № 86 г. Новосибирска, началась ее трудовую деятельность.

В 1991 г. с отличием закончила Новосибирский государственный педагогический институт (НГПИ) по специальности «Преподаватель педагогики и психологии в дошкольном педучилище. Методист по дошкольному воспитанию».

С октября 1992 г. начала работу (по совместительству) в качестве старшего преподавателя кафедры Психологии управления развитием дошкольника факультета Педагогики и психологии (дошкольной) НГПИ.

С 1994 по 1998 гг. проходила обучение в аспирантуре НГПУ. В 1998 г. защитила кандидатскую диссертацию по психологии (специальность 19.00.01 – общая психология, история психологии) по теме «Психологические условия и факторы развития самооценки личности на ранних этапах онто- и социогенеза». Ученая степень кандидата психологических наук присуждена диссертационным советом Новосибирского государственного педагогического университета 25 декабря 1998 г. и утверждена ВАК Российской Федерации 25 июня 1999 г.

С 2000 г. Ольга Альфонсасовна работает в должности доцента кафедры общей психологии и истории психологии факультета психологии и в 2003 году ей присвоено ученое звание доцента по этой кафедре.

С 2003 по 2009 гг. осуществляла научно-методическое руководство по направлению «Специфика деятельности педагога-психолога в учреждениях дополнительного образования» в ДТДУМ «Юниор» (г. Новосибирск), является членом жюри Городского конкурса исследовательских работ школьников по направлению «Педагогика и психология», проходящего в рамках научно-практической конференции Новосибирского научного общества учащихся «Сибирь» ДТДУМ «Юниор». С 2006 по 2010 гг. руководитель проекта «Профориентация молодежи», разработанного по запросу Департамента труда и малого бизнеса НСО и реализуемого в Муниципальном учреждении «Молодежный центр труда профориентационный центр «Левобережный» г. Новосибирска (в рамках договора о сотрудничестве с НГПУ). По программе подготовки прошли обучение более 3000 слушателей из числа педагогов дошкольных учреждений, школ, гимназий, лицеев, администраторов, педагогов-

психологов образовательных учреждений г. Новосибирска и Новосибирской области.

В 2015 г. Ольга Альфонсасовна избрана на должность профессора кафедры общей психологии и истории психологии факультета психологии Новосибирского государственного педагогического университета. В этом же году избрана действительным членом (академиком) Академии полярной медицины и экстремальной экологии человека.

С 2016 г. по настоящее время являюсь профессором кафедры социальной психологии и виктимологии факультета психологии.

С 2014 года по настоящее время является членом экспертной группы периодических научных изданий: «Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири»; электронного научного журнала «РЕМ: Psychology. Educology. Medicine» и входит в состав редакционной коллегии ЭНЖ «Наука. Мысль: электронный периодический журнал». С 2016 г. является членом редакционной коллегии научного журнала «История Российской психологии в лицах: Дайджест», в 2017 г. приглашена в состав редакционной коллегии научного журнала «Педагогическое мастерство» (Бухара, Узбекистан).

Преподавательскую деятельность Ольга Альфонсасовна успешно сочетает с подготовкой к практической и научно-исследовательской деятельности будущих психологов, прививая им навыки экспертной работы [4; 7; 11]. И надо отметить, что весьма эффективно [4]. Многие из ее студентов становятся заметными среди старших коллег, отмечающих их высокий профессиональный и научный уровень.

Научная деятельность Ольги Альфонсасовны в плане сферы ее интересов довольно разнообразна. Это и редактирование сборников конференций, подготовка и выпуск специальных номеров журналов, редактирование и рецензирование отдельных статей [2; 8]. Кроме этой научно-издательской работы О.А. Белобрыкина исследует ряд актуальных вопросов теоретической, практической психологии и психотерапии [12].

Перу О.А. Белобрыкиной принадлежат труды по истории науки и истории сибирской психологической школы В.Г. Леонтьева (1930-2011) [1; 6; 9; 13].

О.А. Белобрыкина хорошо известна среди коллег как активный участник «Психологического клуба» при «Психологической газете», выступающий в дискуссиях по актуальным вопросам практики, статуса психологов и отдельных направлений психологии.

Дважды принимала участие как номинант Национальных конкурсов «Золотая Психея» [3; 10].

Желаем Ольге Альфонсасовна здоровья, благополучия и плодотворности в научно-педагогической деятельности!

Список литературы:

1. Белобрыкина О.А. В.Г. Леонтьев - вехи истории: традиции, современность, биографическая память // Психология мотивации: прошлое, настоящее, будущее материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию доктора психологических наук, почетного профессора НГПУ В.Г. Леонтьева / Под редакцией О.А. Белобрыкиной, Н.Я. Большуновой. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2015. С. 15-19.
2. Белобрыкина О.А. Редакторская колонка // Наука. Мысль. 2015. № 5. С. 4-7.
3. Белобрыкина О.А. Реферат проекта «Диагностика развития самосознания в детском возрасте» (психологический практикум). Национальный психологический конкурс «Золотая Психея» по итогам 2006 года. URL: <https://psy.su/psyche/projects/41/>
4. Белобрыкина О.А. Специфика, классификация и функции психологической экспертизы // Психологическая экспертиза: современность и тенденции развития Белобрыкина О.А., Дресвянникова В.Л., Шнейдер Л.Б., Валитова И.Е., Лидин К.Л., Вартамян Г.А. Новосибирск, 2016. С. 27-53.
5. Белобрыкина О.А. Экспертная деятельность психолога: опыт подготовки студентов для образовательной и социальной практики // РЕМ: Psychology. Educology. Medicine. 2016. № 2. С. 14-40.
6. Белобрыкина О.А., Данилов Ю.С. Леонтьев Владимир Григорьевич: данные биографии #1 // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2016. № 3. С. 15-24.
7. Белобрыкина О.А., Кошенова М.И. Возможности мастер-класса в становлении экспертной компетентности студентов-психологов // РЕМ: Psychology. Educology. Medicine. 2016. № 2. С. 41-62.
8. Белобрыкина О.А., Кошенова М.И. Предисловие научных редакторов // Современная реальность в социально-психологическом контексте: сборник научных материалов. под научной редакцией О. А. Белобрыкиной, М. И. Кошеновой. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2018. С. 3-5.

9. Данилов Ю.С., Белобрыкина О.А. Сущность психологического механизма мотивации по В.Г. Леонтьеву // РЕМ: Psychology. Educology. Medicine. 2014. № 1. С. 106-111.
10. Костригин А.А., Белобрыкина О.А., Завоеванная Н.С., Кроник А.А., Мазилев В.А., Сабанин П.В., Стоюхина Н.Ю., Хусяинов Т.М., Чупров Л.Ф., Щукин А.С. Реферат проекта «500 лет использования понятия «Психология»: седьмая завершающая научно-практическая конференция» (декабрь 2017 года). URL: <https://psy.su/psyche/projects/2080/>
11. Легачева Т.А., Белобрыкина О.А. Профессионально-ролевые представления студентов-психологов // Актуальные проблемы профориентологии на современном этапе развития общества: Материалы всероссийской научно-практической конференции. Новосибирск: Сибирский государственный университет путей сообщения, 2016. С. 244-253.
12. Устинова Ю.П., Белобрыкина О.А. Диагностический ширпотреб: проблема проективной популяристики в современном информационном пространстве // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2017. № 3. С. 89-100.
13. Чухрова М.Г., Белобрыкина О.А. Хаснулин Вячеслав Иванович (25.08.1947 - 14.01.2016) // Инновации в медицине, психологии и педагогике: материалы VII Международной научно-практической конференции / Под научной редакцией М.Г. Чухровой, О.А. Белобрыкиной. Новосибирск: Общество с ограниченной ответственностью «Немо Пресс», 2016. С. 3-5.

References:

1. Belobrykina O.A. V.G. Leont'ev - vekhi istorii: traditsii, sovremennost', biograficheskaya pamyat' // Psikhologiya motivatsii: proshloe, nastoyashchee, budushchee materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 85-letiyu doktora psikhologicheskikh nauk, pochetnogo professora NGPU V.G. Leont'eva // Pod redaktsiei O.A. Belobrykinoi, N.Ya. Bol'shunovoi. Novosibirsk: Novosibirskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2015. S. 15-19.
2. Belobrykina O.A. Redaktorskaya kolonka // Nauka. Mysl'. 2015. № 5. S. 4-7.
3. Belobrykina O.A. Referat proekta «Diagnostika razvitiya samosoznaniya v detskom vozraste» (psikhologicheskii praktikum). Natsional'nyi psikhologicheskii konkurs «Zolotaya Psikheya» po itogam 2006 goda. URL: <https://psy.su/psyche/projects/41/>

4. Belobrykina O.A. Spetsifika, klassifikatsiya i funktsii psikhologicheskoi ekspertizy // Psikhologicheskaya ekspertiza: sovremennost' i tendentsii razvitiya Belobrykina O.A., Dresvyannikova V.L., Shneider L.B., Valitova I.E., Lidin K.L., Vartanyan G.A. Novosibirsk, 2016. S. 27-53.
5. Belobrykina O.A. Ekspertnaya deyatel'nost' psikhologa: opyt podgotovki studentov dlya obrazovatel'noi i sotsial'noi praktiki // PEM: Psychology. Educology. Medicine. 2016. № 2. S. 14-40.
6. Belobrykina O.A., Danilov Yu.S. Leont'ev Vladimir Grigor'evich: dannye biografii #1 // Istoriya rossiiskoi psikhologii v litsakh: Daidzhest. 2016. № 3. S. 15-24.
7. Belobrykina O.A., Koshenova M.I. Vozmozhnosti master-klassa v stanovlenii ekspertnoi kompetentnosti studentov-psikhologov // PEM: Psychology. Educology. Medicine. 2016. № 2. S. 41-62.
8. Belobrykina O.A., Koshenova M.I. Predislovie nauchnykh redaktorov // Sovremennaya real'nost' v sotsial'no-psikhologicheskom kontekste: sbornik nauchnykh materialov. pod nauchnoi redaktsiei O. A. Belobrykinoi, M. I. Koshenovo. Novosibirsk: Novosibirskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2018. S. 3-5.
9. Danilov Yu.S., Belobrykina O.A. Sushchnost' psikhologicheskogo mekhanizma motivatsii po V.G. Leont'evu // PEM: Psychology. Educology. Medicine. 2014. № 1. S. 106-111.
10. Kostigin A.A., Belobrykina O.A., Zavoevannaya N.S., Kronik A.A., Mazilov V.A., Sabanin P.V., Stoyukhina N.Yu., Khusyainov T.M., Chuprov L.F., Shchukin A.S. Referat proekta «500 let ispol'zovaniya ponyatiya «Psikhologiya»: sed'maya zavershayushchaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya» (dekabr' 2017 goda). URL: <https://psy.su/psyche/projects/2080/>
11. Legacheva T.A., Belobrykina O.A. Professional'no-rolevye predstavleniya studentov-psikhologov // Aktual'nye problemy proforientologii na sovremennom etape razvitiya obshchestva: Materialy vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Novosibirsk: Sibirskii gosudarstvennyi universitet putei soobshcheniya, 2016. S. 244-253.
12. Ustinova Yu.P., Belobrykina O.A. Diagnosticheskii shirpotreb: problema proektivnoi populyaristiki v sovremennom informatsionnom prostranstve // Vestnik po pedagogike i psikhologii Yuzhnoi Sibiri. 2017. № 3. S. 89-100.
13. Chukhrova M.G., Belobrykina O.A. Khasnulin Vyacheslav Ivanovich (25.08.1947 - 14.01.2016) // Innovatsii v meditsine, psikhologii i pedagogike: materialy VII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii / Pod nauchnoi redaktsiei M.G. Chukhrovoi, O.A. Belobrykinoi. Novosibirsk: Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu «Nemo Press», 2016. S. 3-5.

Сведения об авторах:

Костригин Артем Андреевич, старший преподаватель кафедры психологии, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Москва, Россия)

Кошенова Марина Ивановна, кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой социальной психологии и виктимологии факультета психологии, Новосибирский государственный педагогический университет (Новосибирск, Россия)

О проблеме времени в истории психологии

Кривова Екатерина Сергеевна

Воронежский государственный университет, Россия

e-mail: katril.m@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению проблемы времени на протяжении истории становления психологии до настоящего момента. Освещены основные идеи психологов, изучавших феномен времени в индивидуальной жизни человека.

Ключевые слова: время, психология времени, временное восприятие, история.

On the problem of time in history of psychology

Krivova Ekaterina Sergeevna

Voronezh State University, Russia

e-mail: katril.m@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of time during the history of formation of psychology to the present moment. The main ideas of the authors who studied the phenomenon of time in the individual life of a person are highlighted.

Keywords: time, psychology of time, time perception, history.

Проблема времени в психологии является глубокой и многогранной. На протяжении развития и становления человеческой мысли люди пытались понять, что значит время, какое место оно занимает в их жизни.

Время – это непрерывная величина, используемая для указания последовательности событий в прошлом, настоящем и будущем. Также время способствует определению интервалов между событиями и для сравнения процессов по количественному признаку.

В античной философии, как в родоначальнице психологии, впервые было обращено внимание на категорию времени. В древнегреческом эпосе, а именно в «Одиссее» и «Теогонии» говорится о несовершенном цикличном времени и его

противоположности – высшем времени, как точке отсчета значимых моментов мировой истории. Данной точки зрения придерживались такие философы, как Сократ, Аристотель, Демокрит, Гераклит, Платон и др.

К моменту оформления психологии как научной дисциплины о проблеме времени упоминалось в философских трудах, которые часто основывались на ситуативных наблюдениях. Данных материалов было недостаточно для теоретического обобщения и выделения закономерностей природы времени личности.

Во второй половине XIX в лаборатории В. Вундта проводились эксперименты по изучению оценки временных интервалов, что позволило выявить отличие в восприятии объективного стимула разными людьми. Х. Эренвальд указывал на различные типы оценивания показателей времени (тахихронический и брадихронический тип), что говорит о субъективном характере ощущения времени.

В контексте психологического понимания времени одним из первых выделил и рассмотрел данную проблему К. Левин. Данный автор обозначил существование единиц времени различного масштаба, в зависимости от жизненной ситуации личности и границ психологического поля в данный момент. К. Левин указывал, что данное поле включает настоящий момент, а также прошлое и будущее, выраженные в сознании человека как представления о них. Все части этого поля, не смотря на их разобщенность в хронологии, все же являются единым целым и в равной мере определяют действие индивида, его мысли и чувства. Однако, данные временные отрезки, сливаясь во временном поле личности, становятся не сопоставимыми с показателями времени в биологическом и социальном полях, что стало теоретическим ограничением данной теории. Данный подход эмпирически достаточно продуктивный, и помог стимулировать дальнейшее исследование временной перспективы личности.

Аналогичную модель «временного кругозора» разработал П. Фресс и понимал под этим интегральную характеристику освоения личностью временных отношений, которая так же имела теоретические ограничения.

Ш. Бюлер в своих исследованиях жизненного пути личности установила связь будущих событий с прошлыми в сознании человека. При этом представление о будущем является не чисто индивидуальным феноменом, а социально-культурным феноменом, так как представление об идеальном будущем складывается из предъявляемых обществом требований к его членам.

Представления о времени Ш. Бюлер так же способствовали интересу к эмпирическому исследованию времени, и накопленные факты требовали обобщения и общетеоретической постановки проблемы психологического

времени. В 70-х гг. выходят две работы, соответствующие этим требованиям. Л. Дуб в своей монографии «Модели времени», выделял временной потенциал личности, включающий в себя временную мотивацию, ориентацию и информацию. Формирование данных компонентов происходит за счет биологических, культурных и личностных факторов. Временной потенциал выражается в форме временных суждений, которые могут быть первичными (спонтанными) и вторичными (объективные, обдуманые). Разработанный авторский понятийный аппарат и составленная на его основе схема являются абстрактными моделями, малопродуктивными для эмпирических исследований и теоретического осмысления данной проблемы.

Т. Коттел в своей книге «Воспринимаемое время» выделяя следующие временные концепции:

- линейная, как переживание чистой длительности,
- пространственная, как представление о прошлом, настоящем и будущем в сознании индивида.

Данные концепции, по мнению Т. Коттела конкурируют между собой в человеческом сознании. В своей работе автор разработал методы эмпирического исследования времени [3].

Среди отечественных психологов, уделявших внимание проблеме времени в психологической науке были С.Л. Рубинштейн, Б.Г. Ананьев, Д.Г. Элькин, К.А. Абульханова-Славская, А.С. Дмитриев, Б.И. Цуканов и др.

С.Л. Рубинштейн, изучавший психофизиологические характеристики времени, разделял непосредственную длительность времени и восприятие времени, которые развиваются на органической основе, но отличаются от нее [4].

Н.Н. Брагина и Т.А. Доброхотова, изучая расстройства восприятия времени, указывали на психофизиологическую основу нарушений: люди с доминированием левополушарных структур мозга в большей степени ориентируются на будущее и настоящее, а люди с доминированием правополушарных структур имеют ориентацию на настоящее и прошлое [2].

Такие авторы, как Б. Г. Ананьев и К.А. Абульханова-Славская обозначали проблему времени в контексте становления и развития личности, его жизненного пути, как субъекта деятельности в социально-культурной среде [1].

Обобщая выше сказанное, мы можем сделать вывод о рассмотрении проблемы времени в истории психологии с позиции психофизиологического подхода, жизненного пути личности и психологических особенностей конкретного человека.

Проблеме времени и временной перспективе посвящено большое количество научных трудов, однако данная область не является до конца

изученной. На современном этапе продолжают исследование психологического времени человека такими авторами как Ф. Зимбардо, Е.И. Головаха, А.А. Кроник, К.А. Абульханова и др.

В век ускорения темпа жизни и устаревания информации данная проблема остается актуальной и насущной.

Список литературы:

1. Абульханова К.А. Березина Т.Н. Время личности. Время жизни. СПб.: Алетейя, 2001. 304 с.
2. Брагина Н.Н., Доброхотова Т.А. Функциональные асимметрии человека / Брагина Н.Н., Доброхотова Т.А. М.: Медицина, 1988. 204 с.
3. Дерябина А. С. Теоретический анализ проблемы времени в психологии // Молодой ученый. 2010. Т. 2. № 12. С. 73-76. URL <https://moluch.ru/archive/23/2449/>
4. Рубинштейн С. Л. Использование времени (фактическое и желательное) как показатель направленности личности // Экспериментальные исследования в патопсихологии. М.: НИИ психиатрии МЗ РСФСР, 1976. С. 245-253.

References:

1. Abul'khanova K.A. Berezina T.N. Vremya lichnosti. Vremya zhizni. SPb.: Aleteiya, 2001. 304 s.
2. Bragina N.N., Dobrokhotova T.A. Funktsional'nye asimmetrii cheloveka / Bragina N.N., Dobrokhotova T.A. M.: Meditsina, 1988. 204 s.
3. Deryabina A. S. Teoreticheskii analiz problemy vremeni v psikhologii // Molodoi uchenyi. 2010. T. 2. № 12. S. 73-76. URL <https://moluch.ru/archive/23/2449/>
4. Rubinshtein S. L. Ispol'zovanie vremeni (fakticheskoe i zhelatel'noe) kak pokazatel' napravlenosti lichnosti // Eksperimental'nye issledovaniya v patopsikhologii. M.: NII psikhiiatrii MZ RSFSR, 1976. S. 245-253.

Сведения об авторе:

Кривова Екатерина Сергеевна, студентка кафедры общей и социальной психологии, факультета философии и психологии, Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия)

Теория схем: история и перспективы развития

Макарова Елена Александровна

Таганрогский институт управления и экономики, Россия

e-mail: makarova.h@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена истории развития теории схем, взлетам и падениям, вкладу данной теории в науку о памяти, в формирование когнитивных процессов, а также перспективы дальнейшего развития.

Ключевые слова: теория схем, память, запоминание, воспроизведение, символы, идентичность личности.

The schema theory: history and development prospects

Makarova Elena Aleksandrovna

Taganrog Institute of Management and Economics, Russia

e-mail: makarova.h@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the history of the schema theory development, its ups and downs, and contribution to the development of the science of memory, to the cognitive processes construction and further development.

Keywords: schema theory, memory, memorization, reproduction, symbols, personality identity.

Как мы запоминаем людей, объекты, события? Память кажется такой личной, но, в то же время, она формируется коллективным опытом и общественными представлениями. Культура, традиции и обычаи означают для нас не только то, кто мы есть, но и то, кем мы были и кем будем. На первый взгляд, память кажется чем-то инертным, застрявшим в прошлом - память о том, что уже произошло и застыло во времени. Но если пристальнее взглянуть, можно увидеть, что память динамична и соединяет три временных измерения: вызванные в настоящее время воспоминания могут относиться к прошлому, но всегда предполагают будущее. Мы можем говорить о долговечности и символических аспектах памяти, подчеркивая их роль в формировании

идентичности личности, а можем уделять внимание современным исследованиям памяти, сосредоточившимся на мнемонических процессах, связанных с формированием новых знаний, новых ментальных схем.

Схемы представляют собой концептуальную структуру высокого уровня, которая организует предшествующий опыт в фоновые знания и помогает использовать знания, хранимые в памяти, для интерпретации новой информации. Ключевой функцией схемы является предоставление обобщенной информации из нашего прошлого опыта, структурирование важных и стабильных компонентов сохраненных памятью знаний. В учебном процессе схемы «заполняются» тем, что поможет снизить когнитивную нагрузку, позволяют прогнозировать неизвестную информацию в совершенно новых ситуациях. Кроме того, схемы, фреймы и сценарии часто помогают определить и интерпретировать дискурс, связанный с конкретными контекстами.

Термин «схема» в настоящее время часто используется даже вне контекста когнитивной психологии и относится к ментальной структуре, которую люди используют для запоминания, представления, организации и воспроизведения запоминаемой информации в любой сфере деятельности. Схемы (строительные блоки познания) представляют наше личное упрощенное представление о реальности, полученное из прошлого опыта и усвоенных знаний, они позволяют запомнить факты, изменить наше поведение, сосредоточить внимание на ключевой информации или попытаться предсказать результаты грядущих событий.

Первоначально схемы были введены в психологию и образование в работе британского психолога сэра Фредерика Бартлетта (1886-1969). В 1932 г. Ф. Бартлетт опубликовал свою великую книгу, которая сегодня все еще неоднократно переиздается. Эта книга «Запоминание» [8] в действительности выросла из его ранних экспериментов, начатых еще в 1913 г., период вызревания идеи составил почти 20 лет. Ф. Бартлетт представил совершенно иную традицию изучения памяти, отличную от научных методов Германа Эббингауза с их акцентом на тщательном контроле и измерении памяти в довольно неестественных условиях, с идеей изучения «чистой» памяти, не зависящей от мышления. Методы Ф. Бартлетта были случайными, почти анекдотическими по сравнению с «кривой забывания» Г. Эббингауза, но он раскрыл новые возможности исследования памяти, несмотря на то, что в его экспериментах испытуемые не запоминали бессмысленных слов, его «данные» состояли в основном из устных сообщений, а испытуемые были расслаблены и спокойны.

Проводя серию исследований по воспроизведению по памяти индейских народных сказок, Ф. Бартлетт заметил, что многие из пересказов не были

точными, но включали замену незнакомой информации на нечто более знакомое европейцам. Испытуемые также включали множество выводов, выходящих за рамки информации, приведенной в первоначальном тексте сказок. Чтобы объяснить эти данные, Ф. Бартлетт предположил, что у всех людей, участвовавших в эксперименте, должны были быть схемы или бессознательные психические структуры, которые представляют собой общие знания человека о мире (и эти схемы европейцев не включали в себя реалии индейских сказок, индейской культуры). Благодаря схемам фоновые знания влияют на понимание и запоминание новой информации. В своем исследовании Ф. Бартлетт обнаружил, что все участники эксперимента попали под мощное влияние имеющихся у них в памяти схем. При повторном воспроизведении, когда испытуемые удаляли или изменяли некоторые части сказки, они делали это, чтобы вписаться в существующую схему, с которой были уже знакомы. Участники эксперимента даже делали попытку изменить сюжет сказки, чтобы она имела смысл в соответствии со стандартами, существовавшими в то время в окружавшем их мире.

Ф. Бартлетт разработал два метода изучения воспоминаний: повторное воспроизведение и серийное воспроизведение. В исследовании серийного воспроизведения Ф. Бартлетт обнаружил, что пересказанные через какое-то время версии сказок также были адаптированы к более традиционным формам повествования или известной схеме. В обоих экспериментах адаптация сюжета в соответствии со схемой считалась выполненной, если участник запоминал и рассказывал сюжет истории без деталей.

Ранние главы «Запоминания» фактически состоят из исследований восприятия. Большая часть книги напрямую связана с памятью, в последнем разделе рассматриваются социальные и антропологические факторы в передаче культуры, основная идея книги состоит в том, чтобы подчеркнуть конструктивный характер познания и его связь с памятью. Восприятие, память и мышление связаны с индивидуальными схемами каждого человека и составляют неотъемлемую часть когнитивного процесса. Например, при восприятии двусмысленного стимула, который кратко (без деталей) представлен, прошлый опыт и фоновые знания определяют, что воспринимается как стимул для запоминания. Ф. Бартлетт писал, что «самой общей характеристикой всей этой группы экспериментов для любого отдельного испытуемого было постоянство формы его первого воспроизведения» и «общая форма, порядок и расположение материала было доминирующим как при первоначальном восприятии, так и в последующих воспоминаниях» [8, с. 83]. Он назвал эту общую форму, которую люди используют для кодирования и запоминания и декодирования информации

«схемой»), термин этот широко используют в настоящее время когнитивные науки. Схема в понимании Ф. Бартлетта – это общая организация истории типичного события, она может помочь кодировать и сохранять детали, если они согласованы с историей, но детали, которые не подходят, могут быть забыты или искажены, чтобы соответствовать схеме.

Теория схемы была разработана в период, когда на психологию сильно влияли бихевиористские и ассоциативные подходы; но так как конструкция схемы не была совместима с этими мировоззрениями, она, в конечном итоге, исчезла из виду на долгие годы. Лишь в 70-х годах прошлого столетия теория схемы пережила чудесное возрождение и продолжает будоражить умы психологов по сей день. Именно в 1970-х годах конструкция схемы была включена в работу Марвина Минского по компьютерному интеллекту [11]. М. Минский пытался разработать компьютеры, которые обладали бы способностями человека воспринимать, понимать и описывать окружающий мир. В процессе решения этих трудных проблем Минский наткнулся на работу Ф. Бартлетта и пришел к выводу, что люди использовали свои накопленные знания о мире для выполнения многих процессов, которым он пытался научить машины. М. Минский разработал конструкцию фрейма как способа представления знаний в машинах. Фрейм Минского можно рассматривать как разработку и усовершенствование конструкции схемы. Он предположил, что знания, заключенные в фрейме, взаимодействуют с новой конкретной информацией, поступающей из окружающего мира. Кроме того, он предложил более мелкую единицу знаний, удобную для хранения и воспроизведения, фиксированная общая информация представлялась в виде фрейма, состоящего из отдельных слотов, которые принимают определенный диапазон значений. Если в ходе взаимодействия с окружающим миром, человек не получает конкретное значение для определенного слота, тот может быть заполнен значением по умолчанию. Звучит немного механистически, но Минский вернул к жизни уже почти забытую теорию схем.

Например, рассмотрим фрейм типичной классной комнаты начальной школы. Фрейм для такого класса включает определенную информацию, например, в комнате есть стены, потолок, освещение, доска и дверь. Дверь можно рассматривать как щель, которая принимает такие значения, как деревянная дверь или металлическая дверь, но не принимает значения, например, как дверь из желе, печенья или шоколада. Если человек или компьютер пытается представить конкретную классную комнату начальной школы, они создают общий фрейм с конкретной информацией об определенном классе (например, там есть окно на одной стене, а дверь деревянная с небольшой

стеклянной панелью – на другой). Если по какой-то причине в классе нет светильников, то можно заполнить слот освещения предположением по умолчанию, что на потолке имеются флуоресцентные лампы или в классе большие окна и используется естественное освещение днем. Такое предположение дает хорошее представление о широком спектре явлений.

Судьба теории схем частично зависела от этих неудачных попыток в области искусственного интеллекта. Обучение компьютера чтению текста или описанию изображения, а также любому когнитивному поведению, подобному поведению человека, было довольно рискованным мероприятием и потому неудачным, поскольку показало, что это невозможно без большого количества информации, которая не была непосредственно включена в эксперимент, но присуща любому человеку благодаря всему его предыдущему жизненному опыту. В своих исследованиях М. Минский показал, что это такая неотъемлемая информация, хранящаяся в виде схем в памяти человека как, например:

- схема контента – предварительное знание по теме изучения,
- формальная схема – осознание структуры текста и
- языковая схема – знание слов и их отношений в тексте.

Знание данных схем может вызвать более легкое или трудное понимание текста, в зависимости от того, насколько развиты указанные схемы, и насколько они успешно активированы, но присутствие данных схем у человека, в отличие от компьютера, способствует смыслообразованию. Смысл формируется информационным, культурным и эмоциональным контекстом, который обучаемый выводит через свои схемы больше, чем через сам текст. Таким образом, понимание и удержание текста в памяти в основном зависит от схем, которыми обладает обучаемый, среди которых схема контента должна быть одной из самых важных.

Работа М. Минского в области информатики оказала сильное и непосредственное влияние на психологию и образование. В 1980 г. когнитивный психолог Дэвид Румельхарт, наткнувшись на идеи М. Минского, превратил их в психологическую теорию психического представления сложного знания.

Согласно Д. Румельхарту, «схемы могут представлять знания на всех уровнях - от идеологий и культурных истин до знания о значении конкретного слова, знания о том, какие звуки связаны с какими буквами алфавита. У нас есть схемы для представления всех уровней опыта на всех уровнях абстракции. Наконец, схемы - это наши знания. Все наши общие знания встроены в схемы» [12, с. 78].

Схемы также расширяются и меняются во времени благодаря приобретению новой информации, но схемы, давно составленные и ставшие

основой мышления, инертны и с трудом меняются. Этим можно объяснить тот факт, почему некоторые люди живут с неправильными или противоречивыми убеждениями, а не изменяют их. Когда новая информация поступает в память, она будет ассимилирована в существующую схему или связана с ней, но если новая информация не соответствует установленным схемам, схемы должны быть изменены, чтобы интегрировать новую информацию. Таким образом, осуществляются когнитивные процессы.

Например, в ходе школьного обучения студент получает информацию о млекопитающих и разрабатывает соответствующую схему. Но когда он узнает, что дельфин – это тоже млекопитающее, он сначала пытается поместить его в схему млекопитающих: он теплокровен, дышит воздухом, живородящий. Тем не менее, дельфин живет в воде, в отличие от большинства млекопитающих, и поэтому схема млекопитающих должна быть расширена и приспособлена к этой новой информации.

Теория схем дала объяснения многим экспериментам, уже описанным в литературе, и привела к очень широкому кругу новых эмпирических исследований. В ходе исследований было показано, что предоставление соответствующей схемы улучшает понимание и запоминание новых знаний, а также схемы приводят к безошибочному и детальному воспроизведению информации. Роджер Шенк и Роберт Абельсон [12] разработали конструкцию «сценария», чтобы справиться с общим знанием последовательностей действий.

Теория схемы, описанная Фредериком Бартлеттом в его монументальной монографии, показывает, что процесс запоминания не репродуктивный, а конструктивный, и основан он на создании внутреннего образа (схемы) окружающей среды, стала отправной точкой для дальнейших исследований запоминания и памяти Д. Румельхартом [12], Р.С. Андерсоном [4], К. Китао [14] и В.Ф. Брюером [9].

Сейчас, оглядываясь назад, очевидно, что в теории схем существует неоднозначность между узким и широким значением термина «схема». Например, в классической статье Д. Румельхарта 1980 г. он определил схему как «структуру данных для представления общих понятий, хранящихся в памяти» [12, с. 34]. Тем не менее, он продолжал утверждать, что «есть схемы, представляющие наши знания обо всех концепциях: основных объектах, ситуациях, событиях, последовательностях событий и последовательностях действий» [12, с. 35]. Таким образом, схема часто определяется как форма ментального представления общего знания, но затем используется как термин для представления всего знания.

Дж.Р. Андерсон представил теорию фактической памяти, согласно которой, информация кодируется целиком и полностью в когнитивные единицы, и запоминание этих единиц возрастает с практикой и уменьшается при задержке воспроизведения. Важным процессом для производительности памяти является операция поиска. Предполагается, что когнитивные единицы образуют взаимосвязанную сеть, и поиск осуществляется путем распространения активации по всей сети. Уровень активации в сети определяет скорость и вероятность воспроизведения. С учетом этих предположений теория предсказывает интерференционные результаты в памяти, утверждает ассоциативную связанность и влияние обширной практики на память, различия между распознаванием и воспроизведением [2]. Дж.Р. Андерсон связывает обучение с памятью, рассматривает, как информация обрабатывается и хранится в краткосрочной памяти и как осуществляется переход в долгосрочную память, что сохраняется в памяти, а что подлежит забвению. Не обходит он вниманием и способы извлечения информации из памяти после длительного хранения, когда она вдруг может понадобиться [3].

Существуют серьезные проблемы с использованием термина «схема» для обозначения всех форм сложного знания. Во-первых, нет необходимости в новом техническом термине, поскольку обычное представление знания имеет это значение. Кроме того, если теория схем используется для учета всех знаний, то она обычно терпит неудачу. Ряд авторов указывали, что теория схем, как она развивается в настоящее время, не может иметь дело с формами знаний, которые не связаны с уже имеющейся в памяти общей информацией. Таким образом, теория схем обеспечивает учет знаний в долгосрочной памяти, тем не менее, она не дает отчета о новых формах, которые развивают и хранят знание, в отличие от первоначальной информации.

Поэтому лучше всего использовать термин «схема» в более узком значении, поскольку форма ментального представления используется для общего знания. Однако если принять к использованию более узкое значение, нужно признать, что схемы являются только соответствующими представлениями для подмножества знаний, и другие формы ментального представления необходимы для других форм знания. Например, ментальные модели необходимы для представления конкретных или неконкретных аспектов знания, таких как расположение незнакомого города, в то время как ментальные модели необходимы для представления знаний о причинно-следственных связях явлениях.

Лингвисты, когнитивные психологи и психолингвисты использовали концепцию схемы, чтобы понять взаимодействие ключевых факторов,

влияющих на процессы понимания, запоминания и воспроизведения. Если не вдаваться в подробности, теория схем утверждает, что все знания организованы в единицы, в пределах этих единиц в памяти человека сохранены знания или информация. Таким образом, схема представляет собой обобщенное описание или концептуальную систему понимания знаний - как представлено знание и как оно используется. Согласно этой теории, схемы представляют собой знания о понятиях: объектах и отношениях, которые они имеют с другими объектами, ситуациями, событиями и последовательностями событий, действиями и последовательностями действий. Самый простой пример – попросите студентов придумать и описать схему собаки. В рамках этой схемы студенты, скорее всего, опишут собаку в целом (корпус, четыре ноги, зубы, шерсть, хвост) и, возможно, дадут информацию о конкретных породах собак, таких как, например, колли (длинные волосы, большие уши, вспомнят очень старый фильм Лесси) или спаниель (английская порода собак, хвост, белый или черный окрас). О собаках также можно думать в более широком контексте животных и других живых существ; то есть, собаки дышат кислородом, нуждаются в пище и размножаются. Знание студентов о собаках может также включать в себя тот факт, что они являются млекопитающими и, следовательно, теплокровными и рожают живых детенышей в отличие от кладки яиц. В зависимости от личного опыта, знание о собаках как домашних животных (одомашненных и преданных человеку) или как опасных животных (может укусить или напасть) может быть частью личной схемы. И так происходит с развитием любой схемы, каждый новый опыт включает новую информацию в свою схему. Какое все это имеет отношение к пониманию и обучению?

У каждого человека есть схемы для всего окружающего их мира. Задолго до того, как студенты приходят в университет, они формируют свои собственные схемы (единицы знания) обо всем, что они видят, слышат и испытывают в своей жизни. Схемы становятся теориями о реальности. Эти теории не только влияют на способ интерпретации информации, который влияет на понимание явлений окружающего мира, но также продолжают меняться в течение всей жизни по мере того, как новые знания и информация получены.

Как считает Д. Румельхарт, схемы могут представлять знания на всех уровнях - от идеологий и культурных истин до знания о значении конкретного слова, от знаний о том, какие шаблоны поведения связаны с какими конкретными социальными ситуациями до знаний букв алфавита и их произношения. У каждого человека есть схемы для представления всех уровней опыта на всех уровнях абстракции. Именно поэтому схемы – это наши знания. Все общие знания встроены в схемы [12, с. 41].

Ричард Андерсон, педагог-психолог, сыграл важную роль, внедряя теорию схем в образовательное сообщество. В 1977 г. Р. Андерсон указал, что схемы представляют собой форму представления сложных знаний, и что конструкция впервые дает принципиальный отчет о том, как старые знания могут влиять на приобретение новых знаний. Теория схемы была немедленно использована для проверки понимания в процессе чтения, особенно на иностранных языках, где она служила важным противовесом другим когнитивным подходам к процессу чтения. Использование схемы подчеркивает, что чтение включает в себя всю входящую информацию от воспринимаемых букв, так и использование знаний, хранящихся в долгосрочной памяти для построения содержательного представления о контенте текста.

Проблема широкого и узкого значений термина «схема» проявилась в образовании так же, как и в когнитивной психологии. Например, в классической работе Р.С. Андерсона 1977 г., посвященной схемам в обучении, он, очевидно, использует широкое значение, отрицая возможность «хранить схемы для каждой мыслимой сцены, последовательности событий или сообщения» [6, с. 421]. Однако в статье, написанной примерно в то же время (1978), Р.С. Андерсон утверждает, что «схема представляет собой общее знание» [5, с. 67]. В статье 1991 г. по терминологии в образовании Патриция Александр, Дайан Шаллерт и Виктория Харе отмечают, что систематическая двусмысленность между узкими и широкими значениями схемы очень затрудняла интерпретацию и использование данного термина в учебной и научной литературе [1].

Важность теории схемы для понимания процессов обучения также заключается в том, как учитель использует схемы. Этот вопрос еще не был исследован, хотя исследователи согласны с тем, что некоторый механизм активизирует только те схемы, которые наиболее важны для задач обучения. Как описано Ф. Бартлеттом, схема представляет собой «активную организацию прошлых реакций или прошлого опыта» [8, с. 78]. То есть, некоторые сбои в процессе обучения и в когнитивном поведении происходят из-за того, что они связаны с прошлым опытом, старые знания были последовательно организованы и понятны, они действуют в более широкой картине мира. Можно описать схему как «общую организацию истории типичного события» [8, с. 99]. Например, детективные фильмы следуют общей схеме с участием хорошего детектива, плохого злодея, тайны, интриги, кульминации и развязки.

Схемы используют в обучении для когнитивной обработки информации, которая должна быть усвоена. Существует несколько моделей, основанных на когнитивной обработке информации (Ruddell, & Singer, 1994) [15, с. 813]. Одна модель подчеркивает внутренние аспекты внимания как решающее значение для

понимания, она определяет три характеристики внутреннего внимания. Первая, внимательность – это активная попытка обучаемого получить доступ к соответствующим схемам, включая отношения между фактами, фоновые знания и смысловые значения. Селективность, вторая характеристика, относится к способности обучаемого выборочно акцентировать внимание только на информации, которая требует обработки. Третья характеристика, ограниченная емкость, относится к факту, что человеческий мозг имеет ограниченное количество когнитивных единиц, доступных для одновременного использования при обработке информации. Другими словами, если когнитивная энергия обучаемого сосредоточена только на декодировании информации, внимание не может быть направлено на интеграцию, комбинацию значений слов, декодированных в процессе когнитивной обработки, в этом случае будет страдать понимание, а значит, и запоминание. Автоматизация в обработке информации просто означает, что информация обрабатывается невнимательно. Проблемы с пониманием возникают, когда обучаемый не может быстро и автоматически получать доступ к концепциям и знаниям, хранящимся в схемах памяти.

Другим примером является интерактивная модель Д. Румельхарта [16]. Информация из нескольких источников знаний рассматриваются одновременно, при этом подразумевается, что, когда информация из одного источника является недостаточной, обучаемый будет полагаться на информацию из другого источника, например, знания из предыдущего жизненного опыта. Последний вид обработки информации называется интерактивно-компенсационным, потому что обучаемый компенсирует недостатки в одном или нескольких источниках знаний, используя информацию из собственных схем (хранилищ жизненного опыта). Интерактивно-компенсационная модель подразумевает, что обучаемый будет полагаться на процессы более высокого уровня. Другими словами, эта модель рассматривает понимание как процесс, который включает в себя смысловые взаимодействия между учебником, обучаемым, учителями и другими членами социума.

Схемы в учебном процессе не рассматриваются как статические, они активные, развивающиеся и всегда меняются в соответствии с изменяющейся окружающей средой. По мере того как обучаемые взаимодействуют со схемами, они изменяются или преобразуются. Аналогичным образом «один и тот же текст принимает разные значения во взаимодействии с разными читателями или даже с одним и тем же читателем в разных контекстах или в разные времена» (Rosenblatt, 1994) [17, с. 1078]. В функциональном смысле схемы имеют много общего с категориями или понятиями. Однако отличительной чертой схем

является то, что это структурированные представления, состоящие из нескольких компонентов. Схемы обычно содержат различные слоты, каждый из которых принимает любое число значений и набор структур, которые организуют слоты и представляют собой их взаимосвязи. Значения конкретных слотов обычно определяются текущим контекстом, восприятиями, или ситуациями. Например, схема для обычной комнаты может включать слоты стен, дверей и окон, которые могут быть заполнены определенными значениями (например, деревянная дверь, стеклянная дверь и т.д.). Детали интерьера, которые остаются неопределенными в текущей ситуации, задаются по умолчанию и отражают ожидания о невидимых или неизвестных частях комнаты. Схемы получают свою прогностическую силу через процесс «заполнения» значений по умолчанию, когда неполные знания о текущей ситуации могут быть дополнены, используя прошлый опыт. Кроме того, слот может быть заполнен элементами других схем, что позволяет создание композиционных сложных структур.

Схемы, которые обучаемый использует при интенсивном толковании новой ситуации, влияют на то, что и как он кодирует о ситуации. W.F. Brewer и J.C. Treuens (1981) [10] были очень заинтересованы тем, как схемы кодируются в памяти человека. На самом деле, это объясняет, почему маленькие дети лучше запоминают предметы, чем взрослые, взрослые обрабатывают информацию о предмете с точки зрения устоявшихся категорий и схем, существующих в их памяти, тогда как дети используют процессы, основанные на сходстве, более непосредственно привязанные к перцепционным особенностям памяти.

Традиционный взгляд на схемы (унаследованный от М. Минского) подчеркивает, в значительной степени, символические процессы, которые действуют на сильно обработанные и абстрагированные единицы. Современные исследования пытаются расширить концепцию схемы, включив процессы, основанные на объектах и внешней среде. Возможно, наиболее примечательным является теория восприятия символов Л. Барсалоу (1999) [7]. Подобно схемам, перцептивные системы символов включают в себя фреймовые структуры, имеющие слоты, сохраняющие фиксированные отношения между атрибутами и могут принимать значения по умолчанию. Основной вклад подхода перцептивных символов заключается в переосмыслении взаимосвязи между концептуальной и перцепционной обработкой информации и предположение, что символические значения, подобные схемам мысленных структур, могут возникнуть из опыта восприятия.

Будущее теории схем зависит от их развития и использования в различных сферах человеческой деятельности. Важное значение имеет схематизированное

фоновое знание о когнитивных процессах, таких как память, интерпретация и воспроизведение запомненной информации. Однако остается еще серьезная дискуссия о точных механизмах, которые поддерживают это поведение. Интересные возможности для будущего исследования включают в себя переосмысление понятия схемы за пределами символических фреймов Минского с его слотами, разработки включают модели динамических систем, нейронные сети (с взаимодействующими микроэлементами) и перцептивные модальные системы символов.

Теория схем предоставила образованию возможность говорить о представлении некоторых форм сложных знаний. Схемы уделяют внимание той роли, которую фоновые знания играют в приобретении новых знаний. Основываясь на исследованиях Ф. Бартлетта, можно пролить свет на функционирование человеческой памяти. Один из самых больших выводов из его экспериментов - то, как мозг запоминает. Вместо того чтобы воспроизводить факты, идеи или рассказы дословно, люди склонны их воссоздавать, опуская детали или добавляя новые, основанные на схемах или личном опыте. Как сказал сам Ф. Бартлетт: «Процесс вспоминание - это не повторное возбуждение бесчисленных фиксированных, безжизненных и фрагментарных следов. Это творческая реконструкция или творчество, построенное из нашего отношения к целой активной массе организованных прошлых реакций или опыта, которая обычно проявляется в образе или в языковой форме» [8, с. 197]. Человеческий разум - прекрасная вещь, и то, как он работает, когда дело доходит до запоминания, может быть довольно сложным. С классическими исследованиями, подобными тем, которые проводились Бартлеттом, мы приближаемся к пониманию того, как работает память, и вдохновляем новые исследования на основе их результатов.

Список литературы:

1. Alexander P.A., Schallert D.L., Hare V.C. Coming to Terms: How Researchers in Learning and Literacy Talk about Knowledge // Review of Educational Research. 1991. № 61. P. 315-343.
2. Anderson J.R. Language, memory, and thought. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1976.
3. Anderson J.R. Learning and Memory: An Integrated Approach. Hoboken, NJ, US: John Wiley & Sons Inc., 2000.

4. Anderson R.C. Role of the reader's Schema in Comprehension, Learning, and Memory // Richard C. Anderson et al. (Eds.) *Learning to Read in American Schools*. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1984.
5. Anderson R.C. Schema-Directed Processes in Language Comprehension // *Cognitive Psychology and Instruction* / ed. Alan M. Lesgold, James W. Pellegrino, Sipke D. Fokkema, and Robert Glaser. New York: Plenum, 1978
6. Anderson R.C. The Notion of Schemata and the Educational Enterprise: General Discussion of the Conference // *Schooling and the Acquisition of Knowledge* / ed. Richard C. Anderson, Rand J. Spiro, and William E. Montague. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1977.
7. Barsalou L. Perceptual symbol systems // *Behavioral and Brain Sciences*. 1999. Vol. 22. P. 577-660.
8. Bartlett F.C. *Remembering: A study in experimental and social psychology*. New York, NY, US: Cambridge University Press, 1932.
9. Brewer W.F., Sampaio C. The metamemory approach to confidence: A test using semantic memory // *Journal of Memory and Language*. 2012. Vol. 67 (1). P. 59-77.
10. Brewer W.F., Treyens J.C. Role of schemata in memory for places // *Cognitive Psychology*. 1981. Vol. 13 (2). P. 207-230.
11. Minsky M.A. *Framework for Representing Knowledge* // *The Psychology of Computer Vision* / ed. Patrick H. Winston. New York: McGraw-Hill, 1975.
12. Rumelhart D.E. Schemata: The Building Blocks of Cognition // *Theoretical Issues in Reading Comprehension*, ed. Rand J. Spiro, Bertram C. Bruce, and William F. Brewer. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1980.
13. Schank R.C., Abelson R.P. *Scripts, Plans, Goals and Understanding*. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1977.
14. Kitao S.K. *Reading, Schema Theory and Second Language Learning*. Tokyo: Eichosha Shinsha, 1989.
15. Ruddell R.B., Ruddell M.R., Singer H. (Eds.) *Theoretical models and processes of reading*. Newark: Del International Reading Association, 1994. P. 1057-1092.
16. Rumelhart D.E. Toward an interactive model of reading // Ruddell R.B., Ruddell M.R., Singer H. (Eds.) *Theoretical models and processes of reading*. Newark: Del International Reading Association, 1994.
17. Rosenblatt L.M. *The transactional theory of reading and writing*. Newark: International Reading Association, 1994.

Сведения об авторе:

Макарова Елена Александровна, доктор психологических наук, профессор, зав. каф. гуманитарных дисциплин факультета управления Таганрогского института управления и экономики (Таганрог, Россия)

Идеология и психология российского большевизма: становление, основные черты и особенности

Ольшевский Валерий Георгиевич
Независимый исследователь, Беларусь
e-mail: valgol46@mail.ru

Аннотация. Потенциал психологии как науки, изучающей человека и общество, до сих пор ограничен наследием большевизма. В статье исследуются психологические особенности его главного идеолога В.И. Ленина, сформировавшегося под влиянием семейного окружения, а также идей и взглядов его предшественников в революционном движении Н.Г. Чернышевского, П.Н. Ткачева, С.Г. Нечаева. Обобщены основные черты и особенности идеологии, психологии и практики большевизма при жизни В.И. Ленина.
Ключевые слова: идеология, психология, большевизм, В.И. Ленин, Н.Г. Чернышевский, П.Н. Ткачев, С.Г. Нечаев, революционное насилие.

Russian bolshevist ideology and psychology: formation, the basic features and peculiarities

Olshevskiy Valeriy Georgievich
Independent Researcher, Belarus
e-mail: valgol46@mail.ru

Abstract. The potential of psychology as a science that studies man and society is still limited to the legacy of Bolshevism. The article examines the psychological characteristics of his main ideologist V.I. Lenin, formed under the influence of the family environment, as well as the ideas and views of his predecessors in the revolutionary movement N.G. Chernyshevsky, P.N. Tkacheva, S.G. Nechaev. The main features and features of the ideology, psychology and practice of Bolshevism during the life of V.I. Lenin.
Keywords: ideology, psychology, bolshevism, V.I. Lenin, N.G. Chernyshevsky, P.N. Tkachev, S.G. Nechaev, revolutionary violence.

Бесспорно, большевизм сыграл значительную роль, как в мировой истории, так и в истории стран бывшего СССР. Можно согласиться с утверждениями некоторых авторов о том, что большевистская революция «сформировала все элементы бытовой, социальной, политической, идеологической, экономической, культурной жизни россиян (граждан СССР) XX века» [15]. Хотя есть исследователи, которые уже поторопились «похоронить» большевизм [см., напр.: 3], он все еще оказывает большое влияние на состояние российского общества. Достаточно вспомнить опубликованные в 2017 г. результаты масштабного опроса ВЦИОМ, показывающие, что в оценке «Великого Октября» народ России раскололся на две примерно равные части. Причем за последнюю четверть века соотношение практически не изменилось, лишь уменьшилось количество колеблющихся граждан. Если в 1990 г. на вопрос «Выражала ли Октябрьская революция волю большинства народов, проживавших на территории Российской империи?» утвердительно отвечали 36% опрошенных, а отрицательно 37%, то в декабре 2016 г. соотношение составило 45% к 43% [2]. Очевидно, участники опроса даже не понимали, что фактически в данном случае речь шла об отношении наших современников к большевизму, но, вероятнее всего, они даже не знают, что это такое. И здесь уже возникает вопрос о состоянии социально-гуманитарной грамотности даже образованных людей, и особенно – о качестве исторической науки и исторической памяти народа. В Википедии, так называемой свободной энциклопедии, большевизм характеризуется как «революционное марксистское течение политической мысли и политическое движение, связанное с формированием жестко централизованной, сплоченной и дисциплинированной партии социальной революции, ориентированной на свержение существующего государственного строя, захват власти и установление диктатуры пролетариата» [4]. Те же отличительные признаки почти дословно выделены и в электронной энциклопедии Коммунист.Ru [5].

Однако, очевидно, что по своей глубинной сути большевизм – более сложный феномен. Он возник как идеология и психология в процессе становления революционного сознания его лидера и вождя В.И. Ленина. В 1903 г. организационно оформился как радикальное течение в Российской социал-демократической партии. После захвата большевиками власти в 1917 г. превратился в официальную политическую идеологию и программу практических действий монополюльно правящей партии, осуществляющей «диктатуру пролетариата» по отношению ко всем инакомыслящим, затем и большинству населения. Уже при жизни Ленина он претерпел значительную эволюцию, впоследствии подвергся существенной модификации И.В. Сталиным

и его преемниками, стал одной из важнейших причин пережитой народами СССР в 1991 г. и в последующих годах гуманитарной катастрофы [30] и сохраняется в видеоизмененных формах на постсоветском пространстве вплоть до наших дней. Дебольшевизация общественной жизни, развитие работающего на человека правового гражданского общества, отличающегося более высокой степенью самоорганизации, всеобщей ответственностью, способностью государства, общества, отдельных граждан и их объединений действовать синхронно, солидарно и на общий результат является актуальной, по мнению некоторых политологов, – недостижимой задачей [33].

Об олицетворяющих большевизм большевиках в советские времена говорили и писали как о борцах за справедливость, свободу и счастье не только народов России – СССР, но и всего «прогрессивного человечества». Действительно, нельзя забывать о том, что комплекс основных социально-экономических прав человека: на труд и достойное жилье, 8-часовой рабочий день, недопущение дискриминации по полу и расовым признакам, пенсии и медицинская помощь вошли в мировой реестр прав человека именно благодаря их провозглашению в СССР. Но большевики не сумели реально обеспечить эти права: безрыночная экономика оказалась ахиллесовой пятой утопической теории и практики. Более того, устремленность к специфической «пролетарской» справедливости и провозглашенные права стали основой формирования социального нарциссизма – обусловленного убежденностью в том, что мы лучше всех знаем, что нужно людям планеты для полного счастья безудержного самовосхваления, непоколебимой веры в наше превосходство над другими странами, народами, системами [см.: 44]. Важной особенностью нашего социума, стал значимый разрыв между сконструированным на основе умозрительных представлений о справедливом общественном устройстве «должным» и отличающимся от него «сущим». Различия между мифологизированным фасадом динамично устремленного в светлое будущее советского общества и отодвинутой на задний план его «изнанкой», условиями повседневного обыденного существования абсолютного большинства населения чрезвычайно многообразной, многонациональной, многоуровневой и поликультурной страны весьма значительны. Преодоление или, по меньшей мере, смягчение этого разрыва, в том числе и разрыва между сконструированными мифологемами и фактически имевшим место в истории является сегодня одновременно потребностью и условием оздоровления индивидуального и общественного сознания.

Современный вариант трактовки исторических заслуг большевиков был изложен в выступлении профессора, декана Высшей школы телевидения

МГУ им. М.В. Ломоносова В.Т. Третьякова на заседании созданного КПРФ Юбилейного комитета по подготовке к празднованию столетия знаменательной даты 26 января 2017 г., изложенном в опубликованной им статье. По его мнению, величие красного Октября предопределяется, наряду с другими обстоятельствами, тем, что «именно в результате Октябрьской революции (прихода к власти большевиков) Россия под названием Советский Союз стала одной из двух мировых сверхдержав, достигнув своего максимального за всю историю могущества и влияния... Большевистская партия сознательно пошла на один из величайших социально-политических экспериментов в истории человечества... Этот эксперимент успешно продолжался почти три четверти века и хотя и завершился в конечном счете неудачей, не может быть вычеркнут из исторического опыта человечества ни в своей негативной части, ни, что гораздо важнее, в своей положительной ипостаси... Большевики первыми в мире попытались в таких масштабах реализовать одну из величайших утопий человеческой цивилизации – построение бесклассового и лишенного расовых, сословных, имущественных и прочих антагонизмов общества и государства (фактически – «Рая на земле»). Этого не удалось сделать. Возможно, потому, что никакую утопию воплотить в жизнь нельзя, но попытка была, и дерзновенность ее сопоставима с масштабами самой человеческой истории и уступает разве что появлению и развитию великих религиозных проектов, в частности – христианства. ...Октябрьская революция привела к появлению в России двух величайших политиков из числа 5–6, которые вообще могут быть отнесены к таковым в мировой истории XX века. Это, разумеется, Ленин и Сталин, несмотря на то, что оценки их деятельности могут быть самыми разнообразными и самыми противоречивыми» [39].

Не вдаваясь в детальный анализ изложенных положений [см. об этом: 29], вспомним и некоторые противоположные по духу и смыслу авторитетные мнения. В частности, доктор исторических наук, депутат Государственной думы IV созыва, директор финансируемого Россией Европейского Института демократии и сотрудничества в Париже Н.А. Нарочницкая, почерпнувшая знания не только из книг, отечественных и зарубежных архивов, но и из воспоминаний своего отца – академика-историка АПН и АН СССР, профессора Академии общественных наук при ЦК КПСС, главного редактора журнала «Новая и новейшая история», директора Института истории СССР АН СССР, брата «врага народа», пережившего все периоды репрессий, считает большевистскую революцию трагедией вселенского масштаба [14; 16; 23]. «Революция – это богоборческая идея, явление нигилизма, отрицания веры, Отечества, абсолютной морали и представлений о добре и зле», – утверждает она

[16]. Другой потомственный доктор исторических наук, декан факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова, депутат Государственной думы I, VI и VII созывов, действующий председатель Комитета по образованию и науке ГД В.А. Никонов считает, что в так называемой Великой Русской революции «не было ничего великого, кроме трагедии страны и ее народа» [26, с. 7]. Это мнение достойно особого внимания, поскольку оно сформулировано не только по книгам хорошо знающим наше прошлое ученым и политиком, сыном двух докторов исторических наук: отца – бывшего сотрудника НКВД, профессора МГИМО, сотрудника ИМЭМО, редактора журнала «Коммунист» и матери – сотрудницы Института общей истории АН СССР и, что особенно важно, любимым и любящим внуком В.М. Молотова – политического и государственного деятеля, соратника Ленина и Сталина, бывшего секретаря ЦК ВКП(б), Председателя Совнаркома СССР, народного комиссара – министра иностранных дел СССР, оказавшегося в опале Сталина после ареста и ссылки его жены П.С. Жемчужиной, но выступившего в его защиту в период «разоблачения культа личности». До 30-летнего возраста Никонов общался со своим знаменитым и хорошо информированным дедом, и это не могло не сказаться на формировании его убеждений.

Отмеченная противоположность мнений высококвалифицированных специалистов во многом объясняется естественным для большевистски мыслящих «посвященных» дефицитом гуманитарного осмысления жизни. Ведь само слово «гуманус» в переводе с греческого языка означает «человек», а с латинского – «человеческий, человеческий, отличающийся любовью к людям». Понятие гуманизма как человечности отношений между людьми совершенно не присуще специфически избирательной политической идеологии большевизма. Поэтому в Советской России гуманитарные науки (науки о человеке) превратились в науки о классовом обществе. Произошло существенное смещение акцентов: у основоположника учения: «считаться с массами и классами, а не с лицами» [17, т. 31, с. 157]; у чутко улавливающего специфику большевизма Маяковского: «Единица вздор, единица ноль...». При этом всячески превозносилась жертвенность. В юношеские годы автор этих строк был весьма впечатлен, как оказалось, экологически неграмотной максимой поэта: «Пусть недолго прожить, но чтоб ярче сгореть. Чтобы полюс и льды растопить и согреть». В современной российской психологии приоритетным считается увеличение продолжительности активной жизни с тем, чтобы человек мог полностью реализовать себя и принести максимальную пользу обществу.

В послереволюционной России из всех наук о человеке в особенно трудном положении оказалась психология. Британский философ, логик,

математик и общественный деятель Б. Рассел в книге, написанной им после посещения в 1920 г. Москвы, бесед с Лениным, Троцким, Горьким, представителями оппозиции и простыми людьми [31] отмечал, что для всей марксистской тенденции характерно «пренебрежение к психологизму», проявляющееся в игнорировании или ограниченной трактовке психических феноменов. Значительный интерес представляет описание Расселом «большевистского образа мышления», основной чертой которого является «догматическое верование». Рассел называет большевизм религией со своими догмами и священными писаниями. Принимающие большевизм, по его мнению, становятся невосприимчивыми к доказательствам науки и совершают «интеллектуальное самоубийство». Большевистский образ мышления характеризуется также «догматизмом ненависти», «верой, что человеческую природу можно полностью преобразовать с помощью насилия». В принципах большевизма «больше желания разрушить зло, чем создать новое добро». Выделяются психологические последствия насилия и пренебрежения законностью: создание привычек к деспотизму, запрет на свободомыслие. Интересны также мысли Рассела о психологической готовности простых людей к совершению социальных революций, включающей взгляды, чувства, характер, мировоззрение. В постсоветской специальной литературе внимание авторов привлекают психология революционной эпохи, психопатология большевизма, психологические последствия репрессий в 1917-1953 гг. [6; 12; 34].

Изложенное обуславливает особую актуальность исследования идеологии и психологии большевизма, очищения представлений о нем от заблуждений и целенаправленной мифологизации в контексте современного переосмысления истории, новых трактовок и оценок политических и правовых идей и событий. Без адекватных представлений о прошлом нельзя добиться морально-политического единства народа, а без этого невозможно эффективное решение стоящих перед постсоветскими обществами задач [27; 32]. Исходя из необходимости уяснения, как то или иное явление возникло, какие этапы в своем развитии прошло и чем оно стало на сегодняшний день [17, т. 39, с. 67] особый интерес представляет идейное и нравственное становление главного идеолога и вождя большевизма.

О Ленине как революционере, политике, государственном деятеле, «вожде мирового пролетариата» написаны горы книг. Один из исследователей его жизни утверждает, что согласно статистике «больше, чем о Ленине, написано только о Христе». Но настоящего, живого Ленина в этих книгах нет. По словам упомянутого автора, фигура Ленина «была невероятного размаха, нечеловеческая, необъяснимых масштабов, таинственная и вызывающая

суеверный ужас, но она как бы скрыта завесой, мутным стеклом» [9, с. 3]. И дело не только в том, что мастера партийной пропаганды и кукловоды на высшем уровне государственного управления затратили много труда и средств на создание и сохранение, пожалуй, одного из самых живучих мифов истории. Чем больше изучаешь сказанное, написанное и фактически сделанное Лениным по сравнению с тем, что он явно или неявно замышлял, тем больше поражает его мастерство политической интриги, предполагающее глубокое знание психологии большинства не очень искушенных в науке и политике людей, на поддержку которых он рассчитывал. С этой точки зрения Ленин был настоящим большевиком в национальном и глобальном масштабах. Но в то же время не подлежит сомнению и то, что идеи, действия и сама разработанная и развиваемая Лениным и его последователями политическая доктрина большевизма противоречили общечеловеческой психике, психологии инстинктов, глубинной и вершинной психологии личности. Ленин как психолог безосновательно полагал, что «диктатура пролетариата», нацеленная сначала на уничтожение буржуазии, а затем и уничтожение классов вообще решит это противоречие. Поэтому разгадка «тайны» Ленина, вызываемого им «суеверного ужаса» лежит в плоскости его уникальной психологии, сформировавшейся в молодые годы, и идеологии созданного им большевизма.

По свидетельству А.И. Елизаровой-Ульяновой, ее брат был и вспыльчив, и застенчив. В раннем детстве отличался склонностью ломать игрушки и вещи намного чаще, чем остальные дети. Учившийся с ним шесть лет в одном классе Симбирской гимназии А.Н. Наумов в мемуарах, изданных в 1920-х гг. в Нью-Йорке, отмечал абсолютную удаленность своего соученика от детских и юношеских забав и коллективных прогулок, его непрерывную занятость или учением, или какой-нибудь письменной работой. «...Он ни с кем не дружил, со всеми был на “вы”... Его “душа” воистину была “чужая” и как таковая... оставалась, согласно известному изречению, лишь “потемками”» (цит. по: [10, с. 30]). «Его не любили, но не решались дразнить. Так он и прошел все восемь классов – одинокий, неуклюжий, серьезный, с волчьим взглядом исподлобья», – вспоминал другой одноклассник Ульянова поэт А. Коринфский [11]. В выпускной положительной и доброжелательной характеристике Ульянова, написанной в 1887 г. спустя две недели после казни его брата Александра, директор гимназии, преподававший в старшем классе словесность, Ф.М. Керенский – отец будущего министра-председателя Временного правительства А.Ф. Керенского – также подчеркивал «излишнюю замкнутость, нелюбимость» своего любимца, закончившего учебу с золотой медалью.

Демонстрируя с ранних лет жизни недюженные задатки и способности, будучи «первым учеником», В. Ульянов отличался обостренным самолюбием и огромной самоуверенностью, нередко проявлял резкость суждений, насмешливость, заносчивость, неуважение к достоинству других. При этом он был баловнем семьи, хотя отец избегал его «захваливать». По воспоминаниям его двоюродного брата Н.В. Веретенникова, семейная обстановка была наполнена преклонением перед ним как «гением». С детских лет привыкнув к тому, что им восхищаются, он с трудом переносил замечания в свой адрес. Лишь смерть отца в январе 1886 г. и особенно казнь старшего брата в мае 1887 г. смягчили его отношение к домашним, особенно к матери. Вхожий в семью Ленина известный социал-демократ, летом 1917 г. навсегда вышедший из партии, Н.В. Валентинов (Вольский) писал: «Волевой и самоуверенный, Владимир Ульянов хотел быть свободным в своих влечениях, внутренних сдерживающих сил и правил, “велений совести”, “чувства долга”... у него не было» (цит. по: [9, с. 19]).

По оценке Валентинова, казнь брата стала поворотным событием в жизни В. Ульянова, проторившим дорогу к большевистской революции, изменившим историю России и всего человечества [9, с. 21]. На его становление как революционера преобладающее влияние оказали также идеи и личности, являющихся предтечами российского большевизма Н.Г. Чернышевского (1828-1889), П.Н. Ткачева (1844-1885) и С.Г. Нечаева (1847-1882).

Чернышевским Ульянов зачитывался во время отдыха, а затем вынужденного десятимесячного пребывания в имении Кокушкино Казанской губернии, унаследованном его матерью и теткой от деда А.Д. Бланка, куда он был выслан полицией в декабре 1887 г. после исключения из университета. По словам Ленина, до знакомства с Марксом, Энгельсом и Плехановым не было никого, кто имел бы на него такое подавляющее влияние. Чернышевский приобщил Ульянова к философскому материализму и диалектическому методу Гегеля, а переведенный им на русский язык и снабженный собственными примечаниями трактат «Основания политической экономии Д.С. Милля» подготовил к последующему изучению Маркса. От Чернышевского Ленин воспринял на всю жизнь ненависть к либерализму. По его признанию в январе 1904 г., роман Чернышевского «Что делать?» глубоко перепахал молодого Ульянова в сторону революции. И вдохновил его на написание осенью и зимой 1901/1902 г. насыщенной мотивами Чернышевского книги под таким же названием.

Ульянов считал величайшей заслугой Чернышевского то, что он не только показал, что всякий правильно думающий и действительно порядочный человек

должен быть революционером, но и объяснил, каким он должен быть, какими правилами должен руководствоваться, как идти к своей цели, какими способами и средствами добиваться ее осуществления. В описаниях Чернышевского, в снах Веры Павловны, Ульянов впервые познакомился с идеей социализма, с новой «эпохой всемирной истории», ведущей, как писал Чернышевский в своих статьях, к «союзному производству и потреблению», «переходу земли в общинное владение, а фабричных и заводских предприятий в общинное владение всех работников на этой фабрике, на этом заводе». Такие революционные преобразования приведут к строю, в котором не будет «нужды и горя», а только «вольный труд, довольство, добро и наслаждения». О движущих силах, мотивации и путях обеспечения подобного благоденствия речь не шла. Хотя разделяющий разработанную А. Смитом концепцию разумного эгоизма Чернышевский считал, что «человеком управляет только расчет – выгода»; «то, что называют возвышенными чувствами, идеальными стремлениями, в общем ходе жизни совершенно ничтожно перед стремлением каждого к своей пользе». Очевидно, ему не было известно, что знаменитой книге «Богатство народов», в которой была сформулирована идея приоритета личных интересов в мотивации поведения homo economicus, предшествовала другая книга Смита – «Теория нравственных чувств», указывающая на необходимость этических, нравственных ограничений эгоизма. Но молодого В. Ульянова не интересовали подобные сантименты, его завораживала картина «вольного труда и довольства», выгоды и пользы, которую видел Чернышевский в будущем обществе.

П.Н. Ткачев и С.Г. Нечаев вошли в историю революционного движения России как теоретики и практики политического и социального радикализма. Родившийся в семье мелкопоместных дворян Ткачев еще во время обучения в гимназии начал читать социалистическую литературу – издания Огарева и Герцена, статьи Добролюбова и Чернышевского. В ранних стихах, написанных в 16-17-летнем возрасте, проповедовал крестьянскую революцию. Поступив в 1861 г. на юридический факультет Петербургского университета, принял активное участие в студенческих волнениях, был заключен в Петропавловскую, затем в Кронштадтскую крепость, из которой вышел в декабре. По рассказу его сестры, известной писательницы детских рассказов А. Анненской, после освобождения из этой первой своей «отсидки» он предлагал для ускорения и обеспечения успеха возможной революции отрубить головы всем жителям Российской империи старше 25 лет, но позднее отказался от этой идеи.

Не имея возможности продолжать обучение в университете, через семь лет сдал экзамены экстерном, представил диссертацию и стал кандидатом права. В

1862 г. входил в кружок, готовящий к изданию прокламации, содержащие призыв свергнуть царя, выступал за немедленное решение задач революционного движения. В качестве одного из теоретиков революционного народничества, блестящего критика и публициста сотрудничал с несколькими прогрессивными журналами. В статьях, опубликованных в 1862-1864 гг., выдвинул идею изменения существующих в России социальных отношений на социалистических началах путем устройства сети воспитательных земельно-промышленных ассоциаций, в первую очередь на незаселенных землях. При этом активно участвовал в студенческих сходках, устройстве читален и воскресных школ, организации коммун и артелей и т. д. В 1868-1869 гг. вместе с С.Г. Нечаевым входил в руководящий комитет петербургского студенческого движения. Практически ежегодно подвергался арестам, обыскам, допросам, отбывал тюремные заключения. В напряженной борьбе с существующим режимом Ткачев пришел к выводу о том, что при сознательной деятельности, направленной на достижение общего блага, каковым является коренное изменение существующего социально-экономического строя, отступают на задний план все положения отвлеченной морали и справедливости, все требования кодекса нравственности, принятого буржуазной толпой. «Нравственные правила установлены для пользы общежития, и потому соблюдение их обязательно для каждого. Но нравственное правило, как все житейское, имеет характер относительный, и важность его определяется важностью того интереса, для охраны которого оно создано...» (цит. по: [37]).

В марте 1869 г. он был в очередной раз арестован, в 1871 г. приговорен к тюремному заключению на один год и четыре месяца в Петропавловской крепости. В начале 1873 г. его отправили в ссылку в имение матери Сивцова, Псковской губернии, откуда в декабре того же года он бежал за границу. Активизировал издательскую деятельность. В статьях и брошюрах, опубликованных под разными псевдонимами, в том числе в редактируемом им с 1875 г. журнале «Набат», он продолжил разработку своей концепции революции и задач революционной пропаганды. Как и все народники, Ткачев связывал надежду на социалистическое будущее России с крестьянством, проникнутым «принципами общинного владения». Но он понимал, что в силу своей пассивности и темноты оно неспособно самостоятельно совершить социальную революцию. Поэтому община может стать «ячейкой социализма» лишь после политической революции, которую должно осуществить «революционное меньшинство». Важнейшей гарантией успеха политической революции Ткачев считал создание тайной централизованной и законспирированной революционной организации такого меньшинства, открывающей народу

возможность проявить свою «разрушительно-революционную силу», создающей условия для «революционно-устроительной деятельности» широких масс. Фактически, он пропагандировал политический революционный переворот «без народа», без социальной революции, изменения социальной системы в целом.

Захват власти Ткачев считал возможным и сравнительно легким делом. «Для захвата власти, – утверждал он, – нужен заговор. Для заговора – организация и дисциплина: если ближайшая, практически-достижимая задача революционеров сводится к насильственному нападению на существующую политическую власть с целью захвата этой власти в свои руки, то отсюда само собой следует, что к осуществлению именно этой-то задачи и должны быть направлены все усилия истинно-революционной партии. Осуществить ее всего легче и удобнее посредством государственного заговора...» (цит. по: [42]). Одним из важных средств расшатывания, подрыва устойчивости враждебной народу государственной власти Ткачев считал терроризм. Он первым подвел теоретическую базу под стихийно возникшую в народническом движении террористическую практику по отношению к шпионам, предателям, а затем и представителям власти, охарактеризовал терроризм как средство политической борьбы и в то же время – нравственного и общественного возрождения. «Революционный терроризм, – писал он в сентябрьском номере журнала «Набат» за 1881 г., – является... не только наиболее верным и практическим средством дезорганизовать существующее полицейско-бюрократическое государство, но является единственным действительным средством переродить холопа-верноподданного в человека-гражданина» [38]. Таким образом, Ткачев в первом приближении определил общие принципы организации и деятельности революционной партии по-новому, впервые охарактеризовал революцию и революционную деятельность как науку и как искусство. Однако его идеи вызвали резкую критику с разных сторон. Ему пришлось вести в печати острую полемику, в том числе с М.А. Бакуниным, П.Л. Лавровым, Ф. Энгельсом. Бакунин, Лавров и их сторонники возражали против применения революционного насилия в форме террора в широких масштабах. Из всех методов подготовки революции они отдавали предпочтение агитации и пропаганде. Соратник Маркса особенно подчеркивал опасность отказа от работы по привлечению широких народных масс на сторону революции. В России, безусловно, зреет революция, но именно поэтому, – учил он, – нужны упорство, выдержка, терпеливая работа в народе, тогда как «преждевременная попытка восстания... снова загонит имущие классы в объятия правительства» и тем самым ухудшит шансы революции [43, с. 548]. Несмотря на критику, Ткачев не

снижал активности, публиковал под традиционными псевдонимами за рубежом и в легальной российской прессе множество статей по социально-политической тематике, философии, праву, истории, педагогике, экономике и другим отраслям знаний, но предубеждение против него со временем только нарастало. По свидетельству «чернопередельца», а затем члена группы «Освобождение труда» Л.Г. Дейча, идеи Ткачева «приводили не только в крайнее негодование, но прямо в ужас тогдашних революционеров»; обстановка вокруг него не изменялась к лучшему. С 1882 г. у Ткачева появились признаки психического заболевания. Четыре последних года жизни он провел в больнице для душевнобольных в Париже, где и умер. Но память о нем жива. Более того, в последние десятилетия его деятельность и идеи вызывают особый интерес в связи с актуализацией исследования теории и практики большевизма и в России [13; 40; 41], и за рубежом. Американский историк А.Л. Уикс назвал его первым большевиком в истории человечества [45].

С.Г. Нечаев был менее интеллектуальным и достойным человеком, чем Ткачев, но получил более широкую известность в революционном движении и, хотя не вполне адекватно, даже отражен в художественной литературе. Его биография знакома всем любителям истории революций. Он родился в с. Иваново Владимирской губернии (ныне – г. Иваново) в семье бывших крепостных крестьян. Отец – внебрачный сын помещика в 10-летнем возрасте был продан вместе со своей матерью – крепостной «дворовой девкой». Получив вольную, работал половым в шуйских и ивановских трактирах, после женитьбы помогал тестю-маляру в его мастерской расписывать дуги для упряжек, научился делать вывески, организовывал банкеты, свадьбы, званые обеды и прочие торжества. Его умение сервировать столы высоко ценилось и хорошо оплачивалось. Мать, по рождению также крепостная, перейдя в мещанское сословие, стала портнихой. Сергей с ранних лет помогал деду раскрашивать дуги, работал полотером, был «мальчиком на побегушках» в купеческой конторе, с 14 лет помогал отцу в обслуживании банкетов в качестве официанта. Семья оплачивала хороших репетиторов, обучающих подающего надежды мальчика латыни, немецкому, французскому, истории, математике и риторике [25]. В 1865 г. Нечаев переехал в Москву, которая серьезно изменила его взгляды и устремления. Он рвался в бывшую столицу с решительным намерением поступить в университет и вдруг решил сдать экзамен на звание городского приходского учителя. Попытка оказалась неудачной. Очевидно, столкнувшись с новыми людьми, он осознал ограниченность своих познаний и понял, что науки не помогут ему встать на ноги в его понимании. Спустя год он в Санкт-Петербурге, где в августе 1866 г. все же сдал экзамен и стал учителем. В течение

года он преподавал Закон Божий в Андреевском приходском училище при соборе Святого Андрея Первозванного, а затем его перевели в Сергиевское приходское училище с предоставлением большой казенной квартиры, хотя материальных улучшений новая служба не принесла. Кроме преподавания в училище Нечаев вынужден был давать частные уроки. С сентября 1868 г. в качестве вольнослушателя он посещал лекции в Петербургском университете, но хорошо понимал, что это не поможет ему выбраться из учительства и изменить свое жалкое существование. Нечаев возненавидел науку, ученость, интеллигентность. Он много читает, но теперь это революционная литература: Бланки, Прудон, Гегель, «Коммунистический манифест» Маркса и Энгельса и т. п. Чтение и общение в серой приходской учительской среде усиливали его неудовлетворенность. «Внутренний бунт подталкивал к бунту внешнему, недовольство – к недовольным, обида – к обиженным. Его тянуло к тем, кто явственно глупее, слабее, еще менее образован, к доверчивым, с ними легче и проще. Осенью 1868 г. он начал превращаться в того Нечаева, каким вошел в российскую историю» [19]. В это время он через земляков познакомился с бывшими владимирскими семинаристами – студентом столичного университета Иваном Аметистовым и его братом Евлампием, слушателем Медико-хирургической академии, которые помогли ему приобщиться к студенческим кружкам. Вскоре в кружках различных вузов сформировались группы его сторонников, которые стремились вывести студентов на демонстрации, возбудить в них «дух протеста против монархического образа правления», расширения участия студентов в пропаганде подобных идей в массах. Имя Нечаева со временем стало устойчиво отождествляться со студенческим движением. Осенью 1868 г. состоялось знакомство Нечаева с Ткачевым, который был уже широко известен среди молодежи как литератор радикальных взглядов, считался ветераном революционного движения, но в идейном содружестве с новичком в студенческой среде он добровольно уступил лидерство Нечаеву, популярность которого стремительно росла. На студенческих сходках Нечаев смело высказывал идеи своих сотоварищей: против произвола властей – произвол революционера, против неправды – ложь, против интриг – система иезуитских приемов, конспирирование всех действий, шантаж. Подобный крайний радикализм многими слушателями был воспринят как провоцирование полицейских репрессий, количество сторонников Нечаева резко поубавилось. Он не стал дожидаться полицейского преследования. Распространив через своих ближайших товарищей и живущую в Петербурге сестру Анну слух о своем аресте и бегстве при переезде из Петропавловской крепости в Сибирь, повторив эту легенду знакомым в Иваново, Одессе и Москве, с чужим заграничным

паспортом и заемными деньгами он 3 марта 1869 г. покинул белокаменную и уехал за границу. Вступил в контакт с известными российскими эмигрантами – революционными демократами, которым он сообщил, что является руководителем глубоко законспирированной многочисленной революционной организации в России. Особенно радушно его принял Бакунин, который выдал Нечаеву мандат существующего только на бумаге «Русского отдела Всемирного революционного Альянса», за номером 2771 [42]. Мандат свидетельствовал о том, что Нечаев является представителем этой организации, на нем была печать «Альянса» и подпись Бакунина. Анархистствующий Бакунин также помог Нечаеву написать документ, вошедший в историю социалистической мысли под названием «Катехизис революционера». Умудренные опытом Н.П. Огарев и А.И. Герцен отнеслись к Нечаеву более сдержанно, но тем не менее выдали ему из находящегося в их распоряжении так называемого «Бахметьевского фонда» 10 000 франков на дело революции.

Через несколько месяцев Нечаев вернулся в Россию. Он поселился в Москве и сразу приступил к созданию строго централизованной тайной революционной организации «Общество народной расправы», построенной на принципе строжайшей дисциплины и возглавляемой всеильным Центральным Комитетом. По замыслу создателя, члены ЦК должны быть диктаторами организации и обладать абсолютной властью. Остальным членам организации полагалось слепо исполнять все постановления ЦК. Вожди должны крепко держать в своих руках всех членов организации и не останавливаться ни перед чем для достижения своей цели. Фактически, единственным членом ЦК стал Нечаев. В качестве устава организации был утвержден «Катехизис революционера».

Документ состоял из 4 разделов (I. Отношение революционера к самому себе; II. Отношение революционера к товарищам по революции; III. Отношение революционера к обществу; IV. Отношение товарищества к народу) и 26 параграфов. Содержание первого раздела раскрыто шестью параграфами:

«§ 1. Революционер – человек обреченный. У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Все в нем поглощено единственным исключительным интересом, единою мыслью, единою страстью – революцией.

§ 2. Он в глубине своего существа, не на словах только, а на деле, разорвал всякую связь с гражданским порядком и со всем образованным миром, и со всеми законами, приличиями, общепринятыми условиями, нравственностью этого мира. Он для него – враг беспощадный, и если он продолжает жить в нем, то для того только, чтоб его вернее разрушить.

§ 3. Революционер... знает только одну науку, науку разрушения. Для этого и только для этого, он изучает теперь механику, физику, химию, пожалуй, медицину. Для этого изучает он денно и ночью живую науку людей, характеров, положений и всех условий настоящего общественного строя, во всех возможных слоях. Цель же одна – наискорейшее и наивернейшее разрушение этого поганого строя.

§ 4. Он презирает общественное мнение... презирает и ненавидит во всех ее побуждениях и проявлениях нынешнюю общественную нравственность. Нравственно для него все, что способствует торжеству революции. Безнравственно и преступно все, что мешает ему.

§ 5. Революционер – человек обреченный. Беспощадный для государства и вообще для всего сословно-образованного общества, он и от них не должен ждать для себя никакой пощады. Между ними и им существует тайная или явная, но непрерывная и непримиримая война на жизнь и на смерть. Он каждый день должен быть готов к смерти. Он должен приучить себя выдерживать пытки.

§ 6. Суровый для себя, он должен быть суровым и для других... Денно и ночью должна быть у него одна мысль, одна цель – беспощадное разрушение. Стремясь хладнокровно и неумолимо к этой цели, он должен быть всегда готов и сам погибнуть и погубить своими руками все, что мешает ее достижению.

§ 7. Природа настоящего революционера исключает всякий романтизм, всякую чувствительность, восторженность и увлечение... Всегда и везде он должен быть не то, к чему его побуждают влечения личные, а то, что предписывает ему общий интерес революции».

Впечатляют нормативные предписания относительно внутрипартийных отношений:

«§ 8. ...Мера дружбы, преданности и прочих обязанностей в отношении к товарищу определяется единственно степенью полезности в деле всеразрушительной практической революции...

§ 10. У каждого товарища должно быть под рукою несколько революционеров второго и третьего разрядов, то есть не совсем посвященных. На них он должен смотреть, как на часть общего революционного капитала, отданного в его распоряжение. Он должен экономически тратить свою часть капитала, стараясь всегда извлечь из него наибольшую пользу. На себя он смотрит, как на капитал, обреченный на трату для торжества революционного дела...

§ 11. Когда товарищ попадает в беду, решая вопрос спасти его или нет, революционер должен соображаться не с какими-нибудь личными чувствами, но только с пользой революционного дела. Поэтому он должен взвесить пользу,

приносимую товарищем – с одной стороны, а с другой – трату революционных сил, потребных на его избавление, и на которую сторону перетянет, так и должен решить».

Отношение революционера к обществу наиболее ярко характеризуется следующим образом:

«§ 13. Революционер вступает в государственный, сословный и так называемый образованный мир и живет в нем только с целью его полнейшего, скорейшего разрушения. Он не революционер, если ему чего-нибудь жаль в этом мире. Если он может остановиться перед истреблением положения, отношения или какого-либо человека, принадлежащего к этому миру, в котором – все и все должны быть ему равно ненавистны. Тем хуже для него, если у него есть родственные, дружеские или любовные отношения; он не революционер, если они могут остановить его руку.

§ 14. С целью беспощадного разрушения революционер может, и даже часто должен, жить в обществе, притворяясь совсем не тем, что он есть. Революционеры должны проникнуть всюду...».

Наконец, отношение товарищества к народу характеризуется так:

«§ 22. У товарищества ведь нет другой цели, кроме полнейшего освобождения и счастья народа, то есть чернорабочего люда. Но, убежденные в том, что это освобождение и достижение этого счастья возможно только путем всесокрушающей народной революции, товарищество всеми силами и средствами будет способствовать к развитию и разобщению тех бед и тех зол, которые должны вывести, наконец, народ из терпения и побудить его к поголовному восстанию.

§ 23. Под революциею народною товарищество понимает не регламентированное движение по западному классическому образу – движение, которое, всегда останавливаясь с уважением перед собственностью и перед традициями общественных порядков так называемой цивилизации и нравственности, до сих пор ограничивалось везде низложением одной политической формы для замещения ее другою и стремилось создать так называемое революционное государство. Спасительной для народа может быть только та революция, которая уничтожит в корне всякую государственность и истребит все государственные традиции, порядки и классы в России.

§ 24. Товарищество поэтому не намерено навязывать народу какую бы то ни было организацию сверху. Будущая организация без сомнения вырабатывается из народного движения и жизни. Но это – дело будущих поколений. Наше дело – страстное, полное, повсеместное и беспощадное разрушение.

§ 25. ...Сближаясь с народом, мы прежде всего должны соединиться с теми элементами народной жизни, которые со времени основания московской государственной силы не переставали протестовать не на словах, а на деле против всего, что прямо или косвенно связано с государством... Соединимся с лихим разбойничьим миром, этим истинным и единственным революционером в России.

§ 26. Сплотить этот мир в одну непобедимую, всеокрушающую силу – вот вся наша организация, конспирация, задача» [24].

Изложенными в документе радикальными идеями, совокупность которых получили название «нечаевщина», его автор вызвал много споров и расколов в рядах борцов за справедливость, оказав тем самым глубокое влияние на революционное движение. Беспощадный террор, подчинение средств цели стали орудиями набирающей масштабы борьбы. Катехизис стал библией для революционеров.

Реализуя принципы, заложенные в уставе «Народной расправы», Нечаев совместно с четырьмя своими сторонниками 21 ноября 1869 г. организовал и осуществил убийство члена организации студента Петровской земледельческой академии И. Иванова за неподчинение его воле. Это привело к раскрытию организации. Сам Нечаев бежал за границу, а его товарищи были привлечены к суду не только как уголовники, но и за создание революционного общества, приговорены к разным срокам каторжных работ. В эмиграции совместно с Огаревым и Бакуниным он издавал журнал «Народная расправа», возобновил издание «Колокола». Приобрел репутацию бесчестного человека, способного шпионить, вскрывать чужие письма, лгать и т. п. В 1872 г. он был арестован в Цюрихе и выдан швейцарским правительством России как уголовный преступник. В 1873 г. Московский окружной суд приговорил его к каторжным работам в рудниках на 20 лет, но его оставили в Петропавловской крепости, где с ним обращались как не с уголовным, а политическим преступником. Подчинив своему влиянию караульных солдат Алексеевского рavelина, относящихся к нему как к важной персоне, установил контакты с народовольцами, бывшими на свободе, в частности с А.И. Желябовым. Советовал ему прибегать в революционных целях к распространению ложных слухов, вымогательству денег и т. п. На этой почве разошелся и с «Народной волей». Умер в заключении. Послужил прототипом террориста Петра Верховенского в романе Ф.М. Достоевского «Бесы», запрещенном в Советской России вплоть до смерти И.В. Сталина. Нечаев стал также одним из героев романа нобелевского лауреата Дж.М. Кутзее «Осень в Петербурге» (1994 г.) и исторического романа Э. Радзинского «Князь. Записки стукача» (2013 г.).

Все обозначенные выше идеи Чернышевского, Ткачева и Нечаева послужили основой первой программной работы Ленина «Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения» [17, т. 6, с. 1-192], завершившей этап формирования Ленина как вождя наиболее радикальной части российской социал-демократии. Чернышевский и Ткачев упоминаются в тексте работы. По свидетельству одного из ближайших соратников Ленина, первого управляющего делами Совнаркома В.Д. Бонч-Бруевича, «Чернышевский – особенно был близок Владимиру Ильичу... Вслед за Чернышевским Владимир Ильич придавал очень большое значение Ткачеву, которого он предлагал всем и каждому читать, изучать». Не упоминается в работе и в так называемом «полном собрании сочинений» Ленина в целом лишь Нечаев. Нет его имени и ни в одном из сохранившихся документов ленинского архива. Однако тот же Бонч-Бруевич вспоминал, что Ленин часто задумывался над листовками Нечаева, называл его «титаном революции», говорил о необходимости собрать воедино и напечатать все им написанное. Как показала история, Ленин во многом воплотил нечаевские идеи в идеологии, психологии и практике большевизма, которые можно охарактеризовать следующим образом:

Непосредственные цели на разных этапах революционной деятельности: захват власти путем вооруженного восстания; превращение «империалистской» войны в гражданскую сначала в своей стране, а затем – в глобальных масштабах; мировая социалистическая революция; создание «Всемирной Федеративной Республики Советов» [17, т. 37, с. 511; т. 38, с. 299-300]. Лидерам большевиков был известен прогноз К. Маркса о том, что рабочим придется пережить от 15 до 50 лет гражданских войн и международных столкновений для того, чтобы добиться политического господства в мире [20, с. 431; 17, т. 35, с. 343-344]. По этому поводу «демон революции» Л.Д. Троцкий, долго являющийся вторым человеком в партии и государстве, с присущим ему апломбом провозглашал: «Русский народ – дрова в топке мировой революции».

Главными мотивами революционной деятельности большевиков, в частности – их вождя, были: ненависть к повесившему его брата царизму, «буржуазному обществу», к России, как «тюрьме народов» и «жандарму Европы»; уничтожение буржуазии как класса и создание условий, исключающих ее существование: в перспективе – построение бесклассового общества. По воспоминаниям члена РСДРП с момента ее основания Г.А. Соломона (Исецкого) Ленин в пылу полемики с сомневающимися в реализме его планов говорил: «Дело не в России, на нее, господа хорошие, мне наплевать, – это только этап, через который мы проходим к мировой революции!..» [35, с. 9].

Средства достижения поставленных целей: до захвата власти – эффективный менеджмент формированием финансовых ресурсов разными методами (от эксов и регулярных сборов пожертвований либеральной «буржуазии» до курирования дел о наследовании крупных состояний, использования специальных фондов иностранных банков и государств); единоличное распоряжение Лениным партийной кассой, после переворота – контроль эмиссионно-банковского аппарата; диктатура пролетариата: по определению Ленина, ничем не ограниченная, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненная, непосредственно на насилие опирающаяся власть [17, т. 12, с. 320; т. 41, с. 383]; налаживание универсального, всеильного, вездесущего, непреодолимого, ... повсеместного, всеобщего учета и контроля [17, т. 34, с. 224; т. 35, с. 199]; превращение всех граждан страны в служащих по найму у одного всенародного, государственного «синдиката» [17, т. 33, с. 101]; ликвидация частной собственности, товарного производства, рынка, замена торговли планомерным распределением производственных ресурсов и продуктов потребления [17, т. 36, с. 74-75]. Наиболее одиозной и беспрецедентной в истории человечества была попытка большевиков ликвидировать деньги в масштабах всей общественной системы. В 1918-1921 гг. она осуществлялась в форме прямой «красногвардейской атаки на капитал», а впоследствии, в течение всей истории советской власти, – в модифицированном виде безрыночного социализма. Замалчивалась в советской историографии, до сих пор остается в деталях малоизвестной [8, с. 117-155; 28].

Факторы, обусловившие успех: необычная для русских интеллигентов сила воли Ленина, непоколебимая убежденность в правильности выбранного им пути и вера в историческое призвание осчастливить человечество; умение убеждать других, в том числе лозунгами «Мир – народам!», «Земля – крестьянам!», «Заводы и фабрики – рабочим!»; способность властвовать; жестокость, террор по отношению к противникам советской власти и инакомыслящим; создание первых в мире концентрационных лагерей; неразборчивость в средствах достижения целей; разжигание самых низменных инстинктов толпы провозглашением призыва «Греть награбленное!». Ученый и общественный деятель, пропагандист нравственности и духовности, доктор филологических наук, академик АН СССР Д.С. Лихачев, начавший свой путь к научным знаниям в 1914 г. в гимназии Императорского Человеколюбивого общества, прошедший Соловецкий лагерь особого назначения и БелБалтлаг, знаток Древней Руси и России XX в. имел основания для горькой констатации: «Есть в нашем народе бесовщина. Если бы не она, никакой Ленин ничего не смог бы сделать».

Ленин абсолютизировал констатацию Маркса и Энгельса в «Коммунистическом манифесте»: «Политическая власть в собственном смысле слова – это организованное насилие одного класса для подавления другого» [21, с. 447]. Причем подобное понимание власти было распространено не только на «классово чуждые элементы», но и на самих представителей «господствующего класса». Ленин вполне допускал возможность применения насилия по отношению к рабочим, как и к другим слоям общества, вплоть до массовых расстрелов. Когда секретарь Коминтерна А.И. Балабанова, пользуясь доверием вождя, вернувшись из командировки в Киев, пожаловалась ему, что там расстреливают украинских социалистов, он спокойно ответил: «Разве вы не понимаете, что если мы не расстреляем этих лидеров, то можем оказаться в положении, когда нужно будет расстрелять десятки тысяч рабочих» [цит. по: 1, с. 173]. В 1920 г., прочитав в книге Н.И. Бухарина «Экономика переходного периода» чеканную фразу: «Пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как парадоксально это не звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи», Ленин подчеркнул часть ее, начиная со слов «методом выработки», на полях отчеркнул эту часть текста тремя чертами и написал: «Именно!» [7, с. 198; 18, с. 424].

Ленин был вполне согласен с Марксом, называющим насилие «повивальной бабкой истории». Оно считалось большевиками естественным и универсальным способом решения всех проблем в стране, население которой почти на 95% состояло из приверженных индивидуальному хозяйствованию крестьян и других непролетарских слоев. Ленин считал, что такое положение должно быть кардинально изменено. Выступая 2 октября 1920 г. на III съезде комсомола, он говорил: «Надо чтобы все работали по одному общему плану на общей земле, на общих фабриках и заводах и по общему распорядку» [17, т. 41, с. 310-311]. Для этого необходимо было перетряхнуть всю Россию. Поэтому не стоит думать, что применение насилия диктовалось военными условиями, было вынужденным, как не раз говорил сам Ленин. В 1922 г. на XI съезде РКП(б) в полемике с Ю. Лариным он называл советскую власть по сути «террористической» [17, т. 45, с. 127]. После завершения гражданской войны, при переходе к новой экономической политике, к мирной жизни уже серьезно больной Ленин писал заместителю председателя СНК и СТО Л.Б. Каменеву 3 марта 1922 г.: «Величайшая ошибка думать, что нэп положил конец террору. Мы еще вернемся к террору, и к террору экономическому» [17, т. 44, с. 428]. В письме наркому юстиции Д.И. Курскому 7 мая 1922 г. он требовал в уголовном

кодексе «открыто выставить принципиальное и политически правдивое (а не только юридически узкое) положение, мотивирующее суть и оправдание террора, его необходимость, его пределы. Суд должен не устранить террор; обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас» [17, т. 45, с. 190].

Современные поклонники Ленина, хорошо зная эти проявления установленной им «диктатуры пролетариата», оправдывают его тем, что он террором успокоил и стабилизировал разваливающуюся страну, заложил основы превращения ее «великим продолжателем дела Ленина» в мировую супердержаву, называют его «спасителем» и «создателем». Эти и другие адвокаты пережитой Отечеством дьяволиады плохо знают Россию и русский народ, который испытал много лишений и потрясений, но всегда, объединяясь на принципах добра, нравственности и справедливости с другими народами, сплачивая их вокруг себя, подобно легендарной птице Феникс «восставал из пепла». Как философски констатировал бывший посол Великобритании в СССР, России в 1988-1992 гг. Р.К. Брейтвейт, «ситуация в России никогда не бывает безнадежно плохой, как это может показаться на первый взгляд» [36].

Изложенное позволяет согласиться с выводом А.Н. Медушевского о том, что «смысл феномена большевизма... нуждается в новой интерпретации в контексте современного опыта экстремизма и терроризма» [22, с. 114]. Для этого необходимо проанализировать эволюцию большевизма после смерти Ленина, последствия реализации идей большевизма в СССР и то влияние, которое он оказывает на состояние общественной идеологии и психологии в современной России.

Список литературы:

1. Авторханов А. Ленин в судьбах России. Главы из книги // Новый мир. 1991. № 1. С. 173.
2. Акопов П. Отношение россиян к Октябрьской революции только кажется парадоксальным // Взгляд. Деловая газета. 2017. 12 окт. URL: <https://vz.ru/politics/2017/10/12/890583.html>
3. Божич А.С. Большевизм: шахматная партия с Историей. М.: ООО «Алгоритм-Книга», 2009. 580 с.
4. Большевизм. Материал из Википедии – свободной энциклопедии. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Большевизм>

5. Большевизм. Энциклопедия Коммунист.Ru. URL: <https://kommynist.ru/Большевизм>
6. Булдаков В.П. К изучению психологии и психопатологии революционной эпохи (методологический аспект) // Революция и человек: социально-психологический аспект: Материалы конференции 28-30 ноября 1994 г. / Редкол.: П.В. Волобуев (отв. ред.) и др. М.: ИРИ РАН, 1996. С. 4-17.
7. Бухарин Н.И. Избранные произведения / Предисл., коммент. С.Л. Леонова. М.: Экономика, 1990. 542 с.
8. Гуманитарные проблемы современности: человек и общество: монография. Кн. 28 / Д.Е. Барашева, Л.С. Бороненкова, И.Г. Долинина и др. Новосибирск: Изд-во Центра развития научного сотрудничества, 2016. С. 107-155.
9. Гусяров Е.Н. Ленин в жизни. Систематизированный свод воспоминаний современников, документов эпохи, версий историков. М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2003. 640 с.
10. Данилов Е.П. Ленин. Тайны жизни и смерти. М.: АСТ: Zebra E, 2007. 656 с.
11. Из воспоминаний о Ленине. Фрагменты мемуаров как его сторонников, так и противников. URL: http://www.hrono.info/biograf/bio_/lenin_vi0memuar.php
12. Ильясов Ф.Н. Большевизм: норма или отклонение // Вестник Российской академии наук. 1996. Т. 66. № 1. С. 46-53.
13. Исаков В.А. Радикальные социалисты России (1860 – первая половина 1880-х гг.) о будущей власти // Вопросы истории. 2004. № 10. С. 94-105.
14. Кожемякин В. Наталия Нарочницкая: чем грозит России демонизация советского государства? // Аргументы и факты 8 ноября 2017 г. № 45.
15. Конюшенко Е.И. Большевизм и Россия. К начертанию российской истории XX века. URL: <http://www.infoliolib.info/philol/konyushenko/1-9.html>
16. Кротков Б. Революция: до основанья, а зачем? // Российская газета – Неделя. 2007. № 4508. URL: <https://rg.ru/2007/11/01/revolucia.html>
17. Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. Т. 6, 12, 31, 33-45. М.: Политиздат, 1969-1982.
18. Ленинский сборник XL. М.: Политиздат, 1985. С. 424.
19. Лурье Ф.М. Нечаев: созидатель разрушения. М.: Молодая гвардия, 2001. 544 с.
20. Маркс К. Разоблачения о кельнском процессе коммунистов // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 8. М.: Госполитиздат, 1957. С. 423-491.
21. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1955. С. 419-459.

22. Медушевский А.Н. Феномен большевизма: логика революционного экстремизма с позиций когнитивной истории // *Общественные науки и современность*. 2013. № 5. С. 114-126.
23. Нарочницкая Н.: «Еще одной революции Россия просто не переживет». Беседа с Е. Липатовой. URL: http://www.stoletie.ru/obschestvo/natalija_narochnickaja_jeshhe_odnoj_revolucii_rossija_prosto_ne_perezhibet_2010-11-03.htm
24. Нечаев С.Г. Катехизис революционера. Полный текст. URL: <http://introvertum.com/nechaev-katehizis-revolyuutsionera-polnyiy-tekst> (дата обращения: 10.09.2018).
25. Нечаев Сергей Геннадиевич. Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Нечаев_Сергей_Геннадьевич
26. Никонов В.А. Октябрь 1917: почему большевики смогли завоевать власть? // *Государственное управление*. 2017. № 64. С. 7-33.
27. Ольшевский В.Г. Здоровье человека и здоровье общества в контексте коэволюционной парадигмы и столетнего юбилея Октября // *Теория и практика современной науки*. Междунар. науч. журнал. 2017. № 5 (23). С. 620-634.
28. Ольшевский В.Г. Идея социализма и деньги: столетие несостоявшегося эксперимента // *Евразийский союз ученых*. 2017. № 9 (42). Ч. 3. С. 18-22.
29. Ольшевский, В.Г. Повседневность как критерий полноты исторической правды: к оценке величия «красного Октября» // *Теория и практика современной науки*. Междунар. науч. журнал. 2017. № 6 (24). URL: http://www.modern-j.ru/domains_data/files/23/Olshevskiy_Statya.pdf
30. Распад СССР: Документы и факты (1986-1992 гг.): в 2 т. Т. II: Архивные документы и материалы / под общ. ред. С.М. Шахрая; сост. С.М. Попова, А.А. Яник. М.: Кучково поле, 2016. 824 с.
31. Рассел Б. Практика и теория большевизма. М.: Наука, 1991. 123 с.
32. Рывкина И.В. Социальные болезни современной России. Публицистическое исследование. М.: Центр социального прогнозирования и исследования, 2011. 244 с.
33. Сельцер Д.Г. Китайский политический транзит. URL: <http://rospolitics.ru/209-dmitriy-selcer-kitayskiy-politicheskiy-tranzit.html>
34. Солод К.В. Психологические последствия репрессий 1917-1953 годов в судьбах отдельных людей и в обществе // *Журнал практической психологии и психоанализа*. 2010. № 4. URL: <http://psyjournal.ru/articles/psihologicheskie-posledstviya-repressiy-1917-1953-godov-v-sudbah-otdelnyh-lyudey-i-v>
35. Соломон Г.А. Среди красных вождей. М.: Современник, 1995. 509 с.

36. Сэр Родрик Брейтвейд. Не паникуйте, товарищи // Вечерняя Москва. 2004. 23 дек.
37. Ткачев Петр Никитич. Материал из Википедии – свободной энциклопедии. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ткачев,_Петр_Никитич (дата обращения: 3.10.2018).
38. Ткачев П. Терроризм как единственное средство нравственного и общественного возрождения России. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/tkach_terr.php
39. Третьяков В. Как нам отмечать 100-летие Октября 1917 года. Когда молчание не золото, а преступление перед собственной и мировой историей. URL: <http://svpressa.ru/politic/article/165229>
40. Тютюкин С.В. Русский бланкист Петр Ткачев // Свободная мысль. 1993. № 14. С. 123-126.
41. Худолеев А.Н. Революционная теория П.Н. Ткачева в отечественной историографии постсоветского периода // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 357. С. 111-114.
42. Шуб Д.Н. Русские предтечи Ленина // Его же. Политические деятели России (1850-ых – 1920-ых гг.). Сб. статей. Нью-Йорк: Изд-ние «Нового журнала», 1969. Гл. 2. URL: http://www.plam.ru/hist/politicheskie_dejateli_rossii_1850_yh_1920_yh_gg/p3.php
43. Энгельс Ф. Эмигрантская литература // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2 изд. Т. 18. М.: Госполитиздат, 1961. С. 501-548.
44. Эфилов С.А. Социальный нарциссизм (о массовом ослеплении, длившемся десятилетия) // В человеческом измерении / под ред. и с предисл. А.Г. Вишневого. М.: Прогресс, 1989. С. 25-52.
45. Weeks A.L. The first bolshevik. A political biography of Peter Tkachev. N.Y.: New York University Press, 1968. XIV, 221 p.

References:

1. Avtorkhanov A. Lenin v sud'bakh Rossii. Glavy iz knigi // Novyi mir. 1991. № 1. S. 173.
2. Akopov P. Otnoshenie rossiyan k Oktyabr'skoi revolyutsii tol'ko kazhetsya paradoksal'nym // Vzglyad. Delovaya gazeta. 2017. 12 okt. URL: <https://vz.ru/politics/2017/10/12/890583.html>
3. Bozhich A.S. Bol'shevizm: shakhmatnaya partiya s Istoriei. M.: ООО «Алгоритм-Книга», 2009. 580 s.

4. Bol'shevizm. Material iz Vikipedii – svobodnoi entsiklopedii. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Bol'shevizm>
5. Bol'shevizm. Entsiklopediya Kommunist.Ru. URL: <https://kommynist.ru/Bol'shevizm>
6. Buldakov V.P. K izucheniyu psikhologii i psikhopatologii revolyutsionnoi epokhi (metodologicheskii aspekt) // Revolyutsiya i chelovek: sotsial'no-psikhologicheskii aspekt: Materialy konferentsii 28-30 noyabrya 1994 g. / Redkol.: P.V. Volobuev (otv. red.) i dr. M.: IRI RAN, 1996. S. 4-17.
7. Bukharin N.I. Izbrannye proizvedeniya / Predisl., komment. S.L. Leonova. M.: Ekonomika, 1990. 542 s.
8. Gumanitarnye problemy sovremennosti: chelovek i obshchestvo: monografiya. Kn. 28 / D.E. Barasheva, L.S. Boronenkova, I.G. Dolinina i dr. Novosibirsk: Izd-vo Tsentra razvitiya nauchnogo sotrudnichestva, 2016. S. 107-155.
9. Guslyarov E.N. Lenin v zhizni. Sistematizirovannyi svod vospominanii sovremennikov, dokumentov epokhi, versii istorikov. M.: OLMA-PRESS Zvezdnyi mir, 2003. 640 s.
10. Danilov E.P. Lenin. Tainy zhizni i smerti. M.: AST: Zebra E, 2007. 656 s.
11. Iz vospominanii o Lenine. Fragmentsy memuarov kak ego storonnikov, tak i protivnikov. URL: http://www.hrono.info/biograf/bio_1/lenin_vi0memuar.php
12. Il'yasov F.N. Bol'shevizm: norma ili otklonenie // Vestnik Rossiiskoi akademii nauk. 1996. T. 66. № 1. S. 46-53.
13. Isakov V.A. Radikal'nye sotsialisty Rossii (1860 – pervaya polovina 1880-kh gg.) o budushchei vlasti // Voprosy istorii. 2004. № 10. S. 94-105.
14. Kozhemyakin V. Nataliya Narochnitskaya: chem grozit Rossii demonizatsiya sovetskogo gosudarstva? // Argumenty i fakty 8 noyabrya 2017 g. № 45.
15. Konyushenko E.I. Bol'shevizm i Rossiya. K nachertaniyu rossiiskoi istorii XX veka. URL: <http://www.infoliolib.info/philol/konyushenko/1-9.html>
16. Krotkov B. Revolyutsiya: do osnovan'ya, a zachem? // Rossiiskaya gazeta – Nedelya. 2007. № 4508. URL: <https://rg.ru/2007/11/01/revolucia.html>
17. Lenin V.I. Poln. sobr. soch.: v 55 t. T. 6, 12, 31, 33-45. M.: Politizdat, 1969-1982.
18. Leninskii sbornik XL. M.: Politizdat, 1985. S. 424.
19. Lur'e F.M. Nechaev: sozidatel' razrusheniya. M.: Molodaya gvardiya, 2001. 544 s.
20. Marks K. Razoblacheniya o kel'nskom protsesse kommunistov // K. Marks, F. Engel's. Soch. 2-e izd. T. 8. M.: Gospolitizdat, 1957. S. 423-491.
21. Marks K., Engel's F. Manifest kommunisticheskoi partii // K. Marks, F. Engel's. Soch. 2-e izd. T. 4. M.: Gospolitizdat, 1955. S. 419-459.

22. Medushevskii A.N. Fenomen bol'shevizma: logika revolyutsionnogo ekstremizma s pozitsii kognitivnoi istorii // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2013. № 5. S. 114-126.
23. Narochnitskaya N.: «Eshche odnoi revolyutsii Rossiya prosto ne perezhivet». Beseda s E. Lipatovoi. URL: http://www.stoletie.ru/obschestvo/natalija_narochnickaja_jeshhe_odnoj_revolucii_rossija_prosto_ne_perezhivet_2010-11-03.htm
24. Nechaev S.G. Katekhizis revolyutsionera. Polnyi tekst. URL: <http://introvertum.com/nechaev-katehizis-revolyutsionera-polnyiy-tekst> (data obrashcheniya: 10.09.2018).
25. Nechaev Sergei Gennadievich. Wikipedia. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Nechaev_Sergei_Gennad'evich
26. Nikonov V.A. Oktyabr' 1917: pochemu bol'sheviki smogli zavoevat' vlast'? // *Gosudarstvennoe upravlenie*. 2017. № 64. S. 7-33.
27. Ol'shevskii V.G. Zdorov'e cheloveka i zdorov'e obshchestva v kontekste koevolyutsionnoi paradigmy i stoletnego yubileya Oktyabrya // *Teoriya i praktika sovremennoi nauki. Mezhdunar. nauch. zhurnal*. 2017. № 5 (23). S. 620-634.
28. Ol'shevskii V.G. Ideya sotsializma i den'gi: stoletie nesostoyavshegosya eksperimenta // *Evraziiskii soyuz uchenykh*. 2017. № 9 (42). Ch. 3. C. 18-22.
29. Ol'shevskii, V.G. Povsednevnost' kak kriterii polnoty istoricheskoi pravdy: k otsenke velichiya «krasnogo Oktyabrya» // *Teoriya i praktika sovremennoi nauki. Mezhdunar. nauch. zhurnal*. 2017. № 6 (24). URL: http://www.modern-j.ru/domains_data/files/23/Olshevskiy_Statya.pdf
30. *Raspad SSSR: Dokumenty i fakty (1986-1992 gg.): v 2 t. T. II: Arkhivnye dokumenty i materialy / pod obshch. red. S.M. Shakhraya; sost. S.M. Popova, A.A. Yanik. M.: Kuchkovo pole, 2016. 824 s.*
31. *Rassel B. Praktika i teoriya bol'shevizma. M.: Nauka, 1991. 123 s.*
32. *Ryvkina I.V. Sotsial'nye bolezni sovremennoi Rossii. Publitsisticheskoe issledovanie. M.: Tsentr sotsial'nogo prognozirovaniya i issledovaniya, 2011. 244 s.*
33. Sel'tser D.G. Kitaiskii politicheskii tranzit. URL: <http://rospolitics.ru/209-dmitriy-selcer-kitayskiy-politicheskiy-tranzit.html>
34. Soloed K.V. Psikhologicheskie posledstviya repressii 1917-1953 godov v sud'bakh otdel'nykh lyudei i v obshchestve // *Zhurnal prakticheskoi psikhologii i psikhoanaliza*. 2010. № 4. URL: <http://psyjournal.ru/articles/psihologicheskie-posledstviya-repressiy-1917-1953-godov-v-sudbah-otdelnyh-lyudey-i-v>
35. *Solomon G.A. Sredi krasnykh vozhdei. M.: Sovremennik, 1995. 509 s.*

36. Ser Rodrik Breitveid. Ne panikuите, tovarishchi // Vechernyaya Moskva. 2004. 23 dek.
37. Tkachev Petr Nikitich. Material iz Vikipedii – svobodnoi entsiklopedii. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Tkachev,_Petr_Nikitich (data obrashcheniya: 3.10.2018).
38. Tkachev P. Terrorizm kak edinstvennoe sredstvo npravstvennogo i obshchestvennogo vozrozhdeniya Rossii. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/tkach_terr.php
39. Tret'yakov V. Kak nam otmechat' 100-letie Oktyabrya 1917 goda. Kogda molchanie ne zoloto, a prestuplenie pered sobstvennoi i mirovoi istoriei. URL: <http://svpressa.ru/politic/article/165229>
40. Tyutyukin S.V. Russkii blankist Petr Tkachev // Svobodnaya mysl'. 1993. № 14. S. 123-126.
41. Khudoleev A.N. Revolyutsionnaya teoriya P.N. Tkacheva v otechestvennoi istoriografii postsovetskogo perioda // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 357. S. 111-114.
42. Shub D.N. Russkie predtechi Lenina // Ego zhe. Politicheskie deyateli Rossii (1850-ykh – 1920-ykh gg.). Sb. statei. N'yu-Iork: Izd-nie «Novogo zhurnala», 1969. Gl. 2. URL: http://www.plam.ru/hist/politicheskie_deyateli_rossii_1850_yh_1920_yh_gg/p3.php
43. Engel's F. Emigrantskaya literatura // Marks K., Engel's F. Soch. 2 izd. T. 18. M.: Gospolitizdat, 1961. S. 501-548.
44. Efirov S.A. Sotsial'nyi nartsissizm (o massovom osleplenii, dlivshemsya desyatiletiya) // V chelovecheskom izmerenii / pod red. i s predisl. A.G. Vishnevskogo. M.: Progress, 1989. S. 25-52.
45. Weeks A.L. The first bolshevik. A political biography of Peter Tkachev. N.Y.: New York University Press, 1968. XIV, 221 p.

Сведения об авторе:

Ольшевский Валерий Георгиевич, кандидат экономических наук, доцент, профессор, Почетный доктор Российской академии естествознания (Минск, Беларусь)

Анализ движений глаз в исследованиях В.П. Зинченко

Степанова Галина Борисовна
Институт философии РАН, Россия
e-mail: gbstepanova@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу методологии и результатов изучения движений глаз одного из ведущих отечественных психологов второй половины XX в. В.П. Зинченко. Показано их значение для исследований восприятия, формирования образа, построения моделей когнитивных процессов и структуры предметного действия.
Ключевые слова: движения глаз, перцептивные действия, формирование образа, восприятие, модель, когнитивные процессы.

Analysis of eye movements in the studies of V.P. Zinchenko

Stepanova Galina Borisovna
Institute of Philosophy RAS, Russia
e-mail: gbstepanova@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the analysis of the methodology and the results of studying the eye movements of one of the leading domestic psychologists of the second half of the 20th century, V.P. Zinchenko. Their significance for the study of perception, image formation, construction of models of cognitive processes and the structure of the objective action is shown.
Keywords: eye movements, perceptual actions, image formation, perception, model, cognitive processes.

История исследований движений глаз демонстрирует замечательный дискурс между описанием и измерением, между субъективными сообщениями о эффектах и их объективным измерением. Анализ областей применения метода регистрации движений глаз в разных психологических исследованиях, проведенный британскими учеными, был обобщен в книге «The Oxford Handbook of Eye Movements». Приведем некоторые разделы этой в высшей

степени информативной книги: саккады и внимание; визуальное познание и движения глаз; патология движений глаз и развитие; контроль движений глаз в процессе чтения; язык и движения глаз. В каждом разделе приводятся гипотезы, эксперименты, их результаты и выводы, полученные разными авторами в контексте проблематики каждого раздела. Например, в разделе визуальное познание приводятся работы по выявлению взаимосвязи движений глаз и памяти, процесса принятия решения, восприятия сцены и т.п. В разделе патологии и развития рассмотрены особенности движений глаз у больных с нарушениями психики, с аутизмом. Проанализирована роль визуальных действий и глазодвигательной активности, лексических и семантических эффектов на траекторию движений глаз в процессе чтения [8, с. 9-11].

Авторы-составители считают, что серьезные исследования с применением данной методологии начали осуществляться лишь в последние двадцатилетие. При этом вовсе не упоминаются направления и результаты разработок советских психологов, которые начали изучать роль движений глаз в реализации различных психических процессов и поведении еще в пятидесятые годы прошлого века. Незаурядные экспериментальные исследования, выполненные А.Л. Ярбусом, В.П. Зинченко, Ю.Б. Гиппенрейтер, Н.Ю. Вергилесом, Б.Ф. Ломовым, В.Д. Глезером, Б.Х. Гуревичем и многими другими внесли значительный вклад в развитие нейрофизиологии, психологии и эргономики, медицины, концептуально и методологически обогатив те области отечественной науки, которые занимаются изучением человека.

В отечественной психологической литературе этот пробел во многом был заполнен всесторонним историко-методологическим анализом В.А. Барабанщикова с соавторами. Так, в его совместной статье с А.В. Жегалло [2, с. 240-252] рассматриваются виды движений глаз – тремор, дрейф, микросаккады, макросаккады, прослеживающие движения, вергентные движения, нистагм. Описываются как контактные методы их регистрации: электроокулография, фотооптический и электромагнитный, так и бесконтактные – фотооптический, кино- и видеорегистрация, а также принципы регистрации, выбор конкретных показателей глазодвигательной активности для анализа. Авторы показывают возможные области применения современных систем регистрации движений глаз, которые во многом совпадают с приведенными британскими учеными – компьютерные и операторские интерфейсы, реклама, медицина и т.п.

В 2015 г. под редакцией В.А. Барабанщикова вышла книга «Айтрекинг в психологической науке и практике». Анализ многочисленных исследований по

характеру движений глаз позволил определить направления исследований в этой области. Это:

- «– направленность взора и динамику оперативного поля зрения воспринимающего;
- стратегии прослеживания движущихся объектов и маршруты сканирования воспринимаемых сцен;
- информационную сложность объекта и точность фиксации его элементов;
- зоны поиска и «проигрывания» вариантов решения наглядно-действенных задач;
- структурные единицы деятельности и уровень сформированности познавательных действий;
- состояния сознания;
- уровень развития зрительных функций на разных стадиях онтогенеза;
- эффективность решения оперативных задач и/или исполнения отдельных этапов практической деятельности;
- деструкции познавательных процессов человека и др.» [1, с.15].

Проблематика разделов и отдельных статей близки к тем, что представлены в «Handbook» [8]. Это, например, роль движений глаз в познавательных процессах и деятельности, коммуникации, психофизиологии и клинике. Для более глубокого проникновения в эту проблематику целесообразно ознакомиться как с трудом британских ученых, так и с книгой отечественных исследователей.

В историко-методологическом контексте важно рассмотреть, какие проблемы ставились и решались отечественными психологами прошлого века, которые изучали роль движений глаз в протекании самых разнообразных когнитивных процессов, пользуясь весьма несовершенными технологиями регистрации и измерения.

Остановимся более подробно на исследованиях В.П. Зинченко, поскольку они не только во многом определили проблематику разработок в области взаимосвязи движений глаз и психических процессов, в частности формирования образа, но и направление интересов самого ученого в сторону инженерной психологии. В 1956 г. выходит его статья «Некоторые особенности движений руки и глаза и их роль в формировании двигательных навыков» в журнале «Вопросы психологии» [4], а в 1957 г. Владимир Петрович защищает под руководством А.В. Запорожца кандидатскую диссертацию на эту же тему (официальными оппонентами были А.Р. Лурия и П.Я. Гальперин). Уже в этой работе он ставит вопрос о формировании образа в процессе ориентировки и его

влияния на последующую исследовательскую и исполнительную деятельность. В этом исследовании В.П. Зинченко использовал метод кинорегистрации движений глаз, который позволял изучать форму, характер и амплитуду движений глаз, регистрировать свободные движения глаз.

«Анализ материалов, полученных при регистрации движений глаз во время зрительного поиска и зрительного безошибочного прохождения лабиринта, показывает, что для поиска взором характерны свободные движения глаз, не скованные ходами лабиринта. Глаз движется по всем направлениям, не считаясь с гранями, не задерживаясь в тупиках, не проделывая обратного пути из них, делая как бы общую оценку лабиринта» [4, с. 60]. Проведя сравнительный анализ ориентировочных движений руки и глаза, В.П. Зинченко выделяет как сходство, так и различие между ними. Так, «Зрительная ориентировка более далека от исполнительных движений, менее связана с путями их осуществления и приводит к более широкому, хотя и менее детальному ознакомлению с воспринимаемой ситуацией» [4, с. 63]. При осознании ориентировочные движения руки тесно связаны с исполнительными действиями, обеспечивая более узкое, но более детальное ознакомление с ситуацией.

Научный интерес В.П. Зинченко к проблеме формирования образа привел ученого к необходимости всестороннего анализа существующих на тот момент исследований и разработок, в которых ставилась и изучалась эта проблема как в теоретическом, так и экспериментальном плане. В статье «Движения глаз и формирование образа» [3, с. 63-75] он приводит данные многочисленных исследований советских психологов, посвященных детальному изучению формирования осознательного образа. Анализ этих данных показывает, что рука «в процессе ощупывания как бы снимает слепок – копию исследуемого предмета» [3, с. 64], при этом важен активный, а не пассивный характер движений руки. Что касается зрительного восприятия, то на момент написания той работы среди исследователей не было единого мнения о том, участвуют ли движения глаз в самом процессе формирования зрительного образа. В.П. Зинченко подчеркивает, что изучение движений глаз имеет значение не только для решения теоретических проблем, но и для практических разработок – «конструирования и усовершенствования приборов сигнализации и управления, для наилучшего размещения их на приборной панели с целью достичь минимальной затраты времени на получение максимального количества информации» [3, с.65]. В этой работе уже просматриваются предпосылки создания Владимиром Петровичем нового направления в изучении трудовой деятельности – инженерной психологии и эргономики.

Далее в этой работе В.П. Зинченко проводит многосторонний анализ способов регистрации движений глаз и излагает результаты некоторых исследований, проводившихся в то время как у нас в стране, так и за рубежом. Хотелось бы отметить, что большинство публикаций, на которых останавливает свое внимание Владимир Петрович, датированы началом пятидесятых годов прошлого века. Имеются и более ранние работы. Этот факт говорит о том, что исследования роли движений глаз в реализации познавательных процессов имели уже тогда длинную историю и показали интересные результаты. В заключение этой работы В.П. Зинченко пишет: «С теоретической стороны несомненно, что движения глаза включены в процесс формирования зрительного образа, что моторная и сенсорная функции глаза тесно связаны между собой» [3, с. 73]. Он подчеркивает необходимость проведения дальнейшего экспериментального исследования с применением разных способов регистрации при решении вопроса об «участии движений в построении образа, о функциях разных видов двигательной активности глаза...» [3, с. 73-74].

В следующем исследовании, результаты которого были изложены в книге «Формирование зрительного образа», написанной совместно с Н.Ю. Вергилесом, В.П. Зинченко так формулирует проблему. «...Наша главная задача состоит в том, -чтобы обнаружить эффекторные звенья или моторный алфавит различных по сложности психических процессов. Мы исходим из того, что определенная система действий, имеющих специфические физические и функциональные характеристики, в равной степени необходима как на стадии формирования, так и при осуществлении развитых форм восприятия, опознания, воспоминания, воспроизведения и решения задач» [5, с. 6]. Замысел авторов состоял в том, чтобы отказаться от пофункционального исследования психики с тем, чтобы обнаружить скрытые формы участия действия в сложной психической деятельности. Такой подход, по мнению В.П. Зинченко, позволил «использовать арсенал методов, разработанных, например, для изучения восприятия, при изучении мышления и т. п. Поиски функциональных связей, – с точки зрения авторов, – должны были обогатить и исследование отдельных психических процессов, помочь проникнуть в структуру развитых форм высших психических функций ...» [6, с. 6]. В таком контексте важным представляется обсуждение результатов эксперимента, в котором исследовалась роль перцептивных действий в процессе принятия решения. Анализ глазодвигательной активности (использовалась модифицированная методика А.Л. Ярбуса) позволил выделить несколько стадий в осуществлении перцептивного поведения. Первая характеризуется отчетливо проявленными и наглядно просматриваемыми перцептивными действиями, которые позволяют

получить информацию о ситуации, сформировать образ или построить концептуальную модель проблемной ситуации. На второй стадии начинается решение задачи как бы «во внутреннем плане», то есть происходит отстройка от наглядной ситуации. С помощью викарных перцептивных действий¹ и дрейфов осуществляется мысленная визуализация проблемной ситуации или ее элементов. На третьей стадии посредством малоамплитудных движений глаз осуществляется манипулирование образом или моделью ситуации, направленное на преобразование этого образа адекватное задаче. Разграничение второй и третьей стадии весьма условно и требует дальнейших исследований. Таким образом, по мнению авторов, «переструктурирование образа, осуществляемое посредством викарных перцептивных действий, играет существенную роль в процессе решения, в выработке системы действий, которые необходимо произвести для решения или для его реализации» [6, с.79]. Авторы полагают, что процесс решения в таком случае действительно представляет собой интериоризированную деятельность: деятельность во внутреннем плане или деятельность с образом ситуации. Такой вывод позволил В.П. Зинченко в дальнейшем сформулировать теоретические основы формирования образно-концептуальной модели оператора в инженерно-психологических и эргономических разработках.

В 1967 г. В.П. Зинченко публикует в журнале «Вопросы философии» статью «Проблема адекватности образа», в которой обобщает собственные экспериментальные исследования, на этой основе формулирует концептуальные основания связи между практической и перцептивной деятельностью. Он подчеркивает, что эти основания базируются на исследованиях генетических и функциональных связей между восприятием и деятельностью, которые еще в 30-х годах прошлого века начали проводить Б.Г. Ананьев, А.В. Запорожец, А.Н. Леонтьев, Б.М. Теплов и другие. Впоследствии началось более детальное изучение эффекторных составляющих перцепции, то есть движений, вплетенных в процесс восприятия и осуществляемых рецепторными аппаратами. Эти работы привели к заключению, «что восприятие складывается из определенным образом организованной системы перцептивных действий, выполняющих ориентировочные или исследовательские функции и обеспечивающих формирование образа и его опознавание» [5, с. 23]. Процесс формирования образа, по мнению В.П. Зинченко, включает такие перцептивные действия как поиск и обнаружение объекта, выделение в нем информативного содержания, ознакомление с этим содержанием. Чем больше существенных для построения образа признаков в объекте, тем более развернуты перцептивные действия в виде

¹ Характеризуются малоамплитудными движениями глаз.

ощупывающих или рассматривающих движений. В качестве иллюстрации имеет смысл привести результаты собственного исследования автора данной статьи, выполненное под руководством В.П. Зинченко в конце 70-х гг. прошлого века.

В эксперименте изучались особенности перцептивных действий при формировании смысла серий рисунков Х. Бидструпа. Анализировался характер движений глаз, траектория которых накладывалась на изображение. Проведенный анализ показал, что посредством движений глаз устанавливались взаимодействия между наиболее значимыми для формирования адекватного смысла элементами и структурами. Просматривание изображения не происходило последовательно, «кадр за кадром»², на каждом этапе просмотра выделялись основные для понимания смысла элементы. Это могла быть поза, выражение лица персонажа, жесты и т.п. Если испытуемый выделял в качестве значимых несущественные элементы, ему не удавалось сформировать адекватный смысл серии.

Важным результатом, полученным В.П. Зинченко при изучении процессов формирования образа и опознания в условиях его стабилизации относительно сетчатки [6], является тот факт, что «движения глаз в условиях стабилизации оказываются так же необходимы для решения сложных зрительных задач, как и в условиях свободного рассматривания» [5, с. 27]. Однако, амплитуда движений глаз при восприятии стабилизированного образа в два-три раза меньше, чем при свободном рассматривании. Такие движения, замещающие внешние перцептивные действия, были названы – викарными. Внешние перцептивные действия, по его мнению, осуществляют непосредственный контакт с объектом, позволяя получать информацию из внешней среды, а викарные действия делают возможным прием информации, накопленной сетчаткой. Такой подход позволил В.П. Зинченко обосновать концепцию работы зрительной системы в случаях как формирования, так и опознания образа. В первом случае – преобладают внешне выраженные перцептивные действия, выделение существенных признаков и ознакомление с объектом. Во втором – информация снимается во время фиксации с накопителя сетчатки с помощью викарных действий. В первом реализуется канал – внешняя среда – сетчатка – мозг. Во втором – накопитель сетчатки – мозг.

Следующая проблема, которая стала предметом исследования В.П. Зинченко – это проблема адекватности образа действительности. Он установил, что при помощи движений глаз зрительная система приводит в соответствие оптическое и феноменальное поля. Адекватность образа

² Серии рисунков Х. Бидструпа состоят из набора последовательных изображений (наподобие комиксов), в которых развивается содержание определенной темы. Во многих рисунках, значение последних одного или нескольких кадров-изображений меняется на обратное.

обеспечивается таким образом следующими перцептивными действиями: «наведение глаза на объект и центрация образа; манипулирование образом и соотнесение его с выработанными критериями адекватности оптического и феноменального полей; и наконец, установка глаза и удержание его в позиции, обеспечивающей такое соответствие» [5, с. 35]. В.П. Зинченко видит восприятие как творческий процесс познания, в котором присутствуют элементы фантазии и бессознательного.

Подводя итоги, можно сказать, что проанализированные в данной статье исследования В.П. Зинченко второй половины XX в., имели большое значение для развития теории перцептивных действий, разработки модели структуры предметного действия в русле реализации деятельностного подхода в отечественной психологии. Можно по-разному относиться к этому приоритетному для того времени подходу, но, по мнению академика В.А. Лекторского, «развитие психологии и когнитивной науки подтвердило мнение о том, что сегодня деятельностная проблематика является одной из центральных при осмыслении феноменов познания и сознания...» [5, с. 8]. Идеи деятельностного подхода советских психологов сегодня оказались востребованы некоторыми теоретиками когнитивной науки.

Другой, не менее существенный вклад исследования движений глаз в процессе опознания и формирования образа внесли в эргономические и инженерно-психологические разработки того времени. Это в первую очередь касается особенностей анализа информации при построении образно-концептуальной модели оператора.

Наконец, эти исследования позволили В.П. Зинченко построить модель механизмов визуального мышления, как компонента творческой деятельности, поставив во главу угла самооценку человека, возможности реализации его потенциала, что оказалось продуктивной методологией в области комплексного изучения человека.

Список литературы:

1. Айтрекинг в психологической науке и практике / Отв. ред. В.А. Барабанщиков. М. Когито-Центр. 2015. 410 с.
2. Барабанщиков В.А., Жегалло А.В. Методы регистрации движений глаз: теория и практика // Психологическая наука и образование. 2010. № 5. С. 240-252.
3. Зинченко В.П. Движения глаз и формирование образа // Вопросы психологии. 1958. № 5. С. 63-76.

4. Зинченко В.П. Некоторые особенности ориентировочных движений руки и глаза и их роль в формировании двигательных навыков // Вопросы психологии. 1956. № 6. С. 50-64.
5. Зинченко В.П. Философское наследие / Науч.ред. Т.Г.Щедрина. Сост. Т.Г.Щедрина, В.Н.Порус. М.; СПб.: ЦГИ «Принт», 2016. 504 с.
6. Зинченко В.П., Вергилес Н.Ю. Формирование зрительного образа. М.: Издательство Московского Университета, 1969. С.107.
7. Ярбус А.Л. Роль движений глаз в процессе зрения. М.: Наука. 1965.
8. The Oxford Handbook of Eye Movements // Ed. Simon P. Liversedg, Iain D. Gilchrist, Stefan Everling. New York: Oxford University Press Inc. 2011.

References:

1. Aitreking v psikhologicheskoi nauke i praktike / Otv. red. V.A. Barabanshchikov. М. Kogito-Tsentr. 2015. 410 с.
2. Barabanshchikov V.A., Zhegallo A.V. Metody registratsii dvizhenii glaz: teoriya i praktika // Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie. 2010. № 5. S. 240-252.
3. Zinchenko V.P. Dvizheniya glaz i formirovanie obraza // Voprosy psikhologii. 1958. № 5. S. 63-76.
4. Zinchenko V.P. Nekotorye osobennosti orientirovochnykh dvizhenii ruki i glaza i ikh rol' v formirovanii dvigatel'nykh navykov // Voprosy psikhologii. 1956. № 6. S. 50-64.
5. Zinchenko V.P. Filosofskoe nasledie / Nauch.red. T.G.Shchedrina. Sost. T.G.Shchedrina, V.N.Porus. М.; SPb.: TsGI «Print», 2016. 504 с.
6. Zinchenko V.P., Vergiles N.Yu. Formirovanie zritel'nogo obraza. М.: Izdatel'stvo Moskovskogo Universiteta, 1969. S.107.
7. Yarbus A.L. Rol' dvizhenii glaz v protsesse zreniya. М.: Nauka. 1965.
8. The Oxford Handbook of Eye Movements // Ed. Simon P. Liversedg, Iain D. Gilchrist, Stefan Everling. New York: Oxford University Press Inc. 2011.

Сведения об авторе:

Степанова Галина Борисовна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, Институт философии РАН (Москва, Россия)

Теория психологических систем В.Е. Ключко как базис неклассической психологии и альтернативы ее практического применения

Шершнева Карина Сергеевна

Алтайский государственный медицинский университет, Россия

e-mail: kari_2898@mail.ru

Сидоров Николай Сергеевич

Алтайский государственный медицинский университет, Россия

e-mail: meinweg@yandex.ru

Лукин-Григорьев Виктор Владимирович

Алтайский государственный медицинский университет, Россия

e-mail: mystand@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются проблемы современной психологии, и обосновывается необходимость перехода на новый системный уровень, который приведет к созданию новой методологии и к действительному познанию данной науки. Раскрываются понятие психосинергетики, транспективного анализа, самоорганизации психологических систем, которые в настоящее время приобретают наибольшее значение в постнеклассической психологии и являются важными для понимания психологами.

Ключевые слова: самоорганизация в психологических системах, транспективный анализ, психосинергетика, субъект (дух), объект (материя), парадигмальный сдвиг, синергетика.

The theory of psychological systems by V.E. Klochko as the basis of non-classical psychology

Shershneva Karina Sergeevna

Altai State Medical University, Russia

e-mail: kari_2898@mail.ru

Sidorov Nikolay Sergeevich
Altai State Medical University, Russia
e-mail: meinweg@yandex.ru

Lukin-Grigoryev Viktor Vladimirovich
Altai State Medical University, Russia
e-mail: mystand@mail.ru

Abstract. This article discusses the problems in modern psychology, and its need to move to a new systemic level, which will lead to the creation of a new methodology and to the actual knowledge of this science. The concept of psychosynergy, trans-perspective analysis, self-organization of psychological systems is revealed. Currently, they are such aspects of post-non-classical psychology that are important for understanding psychologists to acquire the most importance.

Keywords: self-organization in psychological systems, trans-perspective analysis, psychosynergetics, subject (spirit), object (matter), paradigmatic shift, synergetics.

Клочко Виталий Евгеньевич, доктор психологических наук, член-корреспондент Российской Академии Естествознания, в 1997-2003 гг. профессор кафедры психологии образования Барнаульского государственного педагогического университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, член редакционной коллегии «Сибирского психологического журнала», создал альтернативную психологию, которая не распространена широко среди профессионального общества из-за отсутствия полного ее понимания [4]. Можно допустить сравнение, что концепция В.Е. Клочко в понимании психологии, является подобием теории относительности Эйнштейна в понимании физики. В наше время необходимым является изучение и понимание теории В.Е. Клочко и определение возможностей ее практического применения.

Классическая психология берет за аксиому то, что психика является лишь отражением реальности в сознании. Такой подход был сформирован из-за того, что классическая психология рассматривала свой предмет (психику) в отрыве от остального мира. Психосинергетика опровергает тот факт, что все сущее состоит из двух миров: объективного (не-Я) и субъективного (Я), которые в какой-то мере даже противопоставлены. Следует признать, что разделение на объект и субъект относительно, в каждом из них есть своя обоснованность, свой смысл. При этом они не могут существовать по отдельности, и находятся в непрерывном

взаимодействии, но что является причиной их взаимодействия? Это и есть основная проблема классической психологии. В ней «готовый субъект» встречается с «объективной реальностью», путь становления которых не ясен. Причина их взаимодействия находится в одном из миров – как объект (предмет) действует на человека, так и наоборот.

В результате главенства в научной психологии одной части мира (субъекта или объекта) сферы психики, выходящие за пределы описания гомеостатической нормы, такие как творчество, мышление, были не объяснены или выдвинуты как феномен. Для объяснения многих явлений психологии необходимо рассматривать детерминацию субъективными, так и объективными факторами одновременно. Так как они неразрывно связаны, соответственно, человек является сложной психологической системой. Именно психосинергитика выделяет предметом психологии целостного человека, который объединяет в себе материю и дух.

В классической психологии предмет – психика, является эмпиричным понятием, но на такой базе невозможно разработать систему знаний, и методов ее познания. В.Е. Ключко предлагает начать построение концепции с пересмотра понимания человека, определив его как открытую самоорганизующуюся систему [3]. Это открывает возможности функционального подхода в психологии. Тогда психика предстает в своей интегративной функции, т.е. обеспечивающей устойчивость открытой системы. Такой сдвиг парадигмы вынуждает профессионального психолога мыслить по-новому, перейдя на системный уровень. И воспринимать человека, как сложную динамичную самоорганизующуюся обменивающуюся, находящуюся в постоянном становлении систему, не разделяя дух и материю. Такой тип мышления Ключко называет «транспективный анализ», суть которого заключается в понимании не факта отражения, но причины, неотделимой от цели, приводящем к осознанию направления развития системы [1]. В транспективном анализе историческим временем становящейся системы необходимо считать не прошлое, будущее или настоящее, а перекрывающий эти времена процесс превращения поливариативного будущего в моновариативное прошлое. Данный процесс объединен с превращением поли-возможностного пространства (среды) в пространство собственного становления системы. Именно открытая система своей избирательной проницаемостью способна обеспечивать поддержание внутреннего порядка. Такая система существует до тех пор, пока она может усложняться, формировать свой совершенный аппарат отбора пространства, для обеспечения себя самым необходимым. Здесь прослеживаются принципы космической синергетики в человеке. Но психосинергитика изначально была

связана именно с более усложненными системами, которыми и являются люди. Поэтому психосинергетика выходит за рамки законов синергетики, и в ней сформировался закон ограничения взаимодействий как основы, на которой держится порядок системы. Благодаря такому новому взгляду на психологию человека можно сформировать представления о механизмах развития, становления, изменения и разрушения человека и его личности.

Психосинергетике предстоит объяснить, каким образом детерминирована, обусловлена сама возможность взаимодействия живого и неживого, материи и духа, психического и физического, открыть причину их взаимодействия и его порождающий эффект [2]. Она должна найти переход между духом и материей, который так органично наблюдается в человеке, характеризуется своей упорядоченностью, взаимообогащением, развитием друг друга - их связь способна разрушить только смерть, и тогда дух и материя разъединятся. В.Е. Ключко разработал методологию новой психологии. Так теория психологических систем стала признанной наукой. На настоящий момент по данному направлению защищено 5 докторских диссертаций по психологии.

Теория психологических систем Ключко имеет многообещающие перспективы практического применения при условии их четкого понимания психологом. Психоанализ по З. Фрейду предлагает «заменить невротическое страдание банальным несчастьем повседневной жизни», что, по сути, не является желанной целью человека при обращении к психологу [5]. Человек нуждается в счастье, которое является эмоциональным проявлением состояния целостности, которое и описывается Ключко как открытая самоорганизующаяся система и структура человека. Организация работы психолога с опорой на систему В.Е. Ключко может оказаться более эффективной, чем классическая психология, потому что она приводит к здоровью человека, объединяя понятия материи и духа, а в то время как классическая психология приводит к здоровью психики.

Список литературы:

1. Ваулина Т.А. Типы профессионально психологического мышления: исторический и общепсихологический анализ: автореф. дис. канд психол. Наук. Барнаул, 2005. 177 с.
2. Ключко В.Е. Контуры постнеклассической парадигмы в творчестве О.К. Тихомирова // Творческое наследие А.В. Брушлинского и О.К. Тихомирова и современная психология мышления (к 70 летию со дня рождения): Тез.

докл. на научной конференции (22-23 мая 2003 г., Москва) / Отв. ред. Знаков В.В., Корнилова Т.В. М., 2003. 172 с.

3. Ключко В.Е. Постнеклассическая наука и проблема объяснения в психологии // Методология и история психологии. 2008. № 1. С. 165-178.
4. Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности. Томск: Томский государственный университет, 2005. 174 с.
5. Леонтьев А.Н. Философия психологии. М., 1994. 548 с.

References:

1. Vaulina T.A. Tipy professional'no psikhologicheskogo myshleniya: istoricheskii i obshchepsikhologicheskii analiz: avtoref. dis. kand psikhol. Nauk. Barnaul, 2005. 177 s.
2. Klochko V.E. Kontury postneklassicheskoi paradigmy v tvorchestve O.K. Tikhomirova // Tvorcheskoe nasledie A.V. Brushlinskogo i O.K. Tikhomirova i sovremennaya psikhologiya myshleniya (k 70 letiyu so dnya rozhdeniya): Tez. dokl. na nauchnoi konferentsii (22-23 maya 2003 g., Moskva) / Отв. ред. Знаков В.В., Корнилова Т.В. М., 2003. 172 с.
3. Klochko V.E. Postneklassicheskaya nauka i problema ob"yasneniya v psikhologii // Metodologiya i istoriya psikhologii. 2008. № 1. S. 165-178.
4. Klochko V.E. Samoorganizatsiya v psikhologicheskikh sistemakh: problemy stanovleniya mental'nogo prostranstva lichnosti. Tomsk: Tomskii gosudarstvennyi universitet, 2005. 174 s.
5. Leont'ev A.N. Filosofiya psikhologii. M., 1994. 548 s.

Сведения об авторах:

Шершнева Карина Сергеевна, студентка 3 курса лечебного факультета Алтайского государственного медицинского университета (Барнаул, Россия)

Сидоров Николай Сергеевич, студент 5 курса лечебного факультета Алтайского государственного медицинского университета (Барнаул, Россия)

Лукин-Григорьев Виктор Владимирович, кандидат психологических наук, доцент кафедры Гуманитарных наук Алтайского государственного медицинского университета (Барнаул, Россия)

Электронный научный журнал
История российской психологии в лицах: Дайджест
2018
№ 4
119 с.
6,4 п.л.

ISSN 2415-7953